

2-й ТОМ

★ ПОБЕДИТЕЛИ

Подлинные истории о Великой Отечественной войне,
рассказанные сахалинскими ветеранами

2016

*Великой Победе
посвящается*

Победители

Издательство: ООО «ПСП», г. Владивосток

Тираж 5000 экз.

Идея проекта – **Георгий КАРЛОВ**

Главный редактор, продюсер – **Оксана СЕМЕНОВА**

Корреспонденты: **Юлия ВЯТРЖИК, Мария АГИЕНКО, Светлана КУШНАРЕВА,**

Ирина СВИДЕРСКАЯ, Анжела ЧИЖИК, Анна ЖУПЕРИНА

Консультант – **Александр КРОТОВ**

Дизайн и верстка – **Анна МАДЬЯНОВА**

Фотограф – **Роман ФАТЫХОВ**

Второй том альманаха «Победители» содержит 25 интервью с ветеранами Великой Отечественной войны, трудового фронта, детей войны, в которых они вспоминают о своем пути к Великой Победе. Кроме того в издании собраны истории, рассказанные родными ветеранов ушедших из жизни. Все герои проживают, либо проживали в Сахалинской области. Помимо интервью в книге размещены справочные материалы о важных вехах Великой Отечественной войны. Издание дополнено личными фотографиями ветеранов и архивными снимками. Альманах «Победители» рассчитан на самый широкий круг читателей. Издание посвящено 71-й годовщине Победы в ВОВ и Второй мировой войны.

2-й ТОМ

ПОБЕДИТЕЛИ

Подлинные истории
о Великой Отечественной войне,
рассказанные сахалинскими ветеранами

СТОЛИЦА

Альманах издан при содействии
ТДЦ «Столица»

Предисловие

С момента выхода в свет альманаха «Победители» прошел год. Первая часть была выпущена к 70-летию Победы советской страны и советского народа в Великой Отечественной войне. В нем мы собрали 25 подлинных историй с ветеранами, проживающими на территории Сахалинской области.

Мы получили сильнейший отклик на нашу работу. В каждом районе области нам рассказывали о своих дорогих героях, которые прошли сквозь годы войны. И это не всегда были именно фронтовики. Кто-то делился с нами историей родных, трудившихся в тылу, кто-то о том, как пережил страшное время ребенком. Дети войны – это особенная категория наших соотечественников. Для меня эти люди особенно дороги. Моя мама семилетним ребенком осталась сиротой и прошла все ужасы того времени: оккупацию Ставропольского края, разлуку с родной сестрой, детский дом.

Поэтому я вместе с командой приняли решение, что в нынешний сборник войдут не только истории фронтовиков, но и рассказы островитян, которые из-за Великой Отечественной войны были лишены самого светлого, беззаботного и радостного периода жизни любого человека – детства.

На страницах второго тома «Победителей», как и в первом, подлинные и правдивые рассказы людей, на глазах которых творилась история – разворачивалась страшная борьба с фашизмом.

В каждом слове сконцентрирован максимум переживаний рассказчика. В каждом предложении – минимум редакторских правок. Мы постарались бережно сохранить речь наших героев, ведь наша работа это попытка запечатлеть на страницах альманаха первозданную память о тех событиях.

Очевидно, что с каждым годом ветеранов становится все меньше. С большой грустью мы восприняли известие о том, что весной ушел из жизни герой прошлого альманаха Николай Иванович Асеев. Мы понимаем, что это закон жизни. Но тем более крепнет наше

желание успеть задокументировать истории о ветеранах. Поэтому особенным цветом в нашем альманахе выделены истории, рассказанные уже родственниками о своих родных.

Великая Отечественная война оставила шрамы в судьбах десятков тысяч семей. Наш долг – без фантазий, искажений и домыслов донести до новых поколений сахалинцев реальные воспоминания наших «Победителей».я

Депутат Государственной Думы РФ
от Сахалинской области Георгий Карлов

Г. Асеев

Лидия Ивановна КАРЛОВА

Родилась 15 июня 1934 года в селе Гофицкое Ставропольского края. Вместе с семьей жила на оккупированной немецкими войсками территории. Отец погиб на фронте. В 1943 году осталась сиротой. Тяготы военного времени, которые Лидия Ивановна пережила будучи ребенком, не сломили ее сильный характер и не лишили умения радоваться каждому дню. С 1960 года живет в Южно-Сахалинске. Преподаватель Сахалинского колледжа искусств. Имеет звание «Почетный работник среднего профессионального образования». Имеет награды за профессиональные заслуги, в частности знаком Сахалинской области «За достижения в культуре», «За отличные успехи в среднем специальном образовании», почетные грамоты министерства культуры Сахалинской области и колледжа искусств.

Начало войны и оккупация Ставропольского края

Мы жили в центре села Гофицкое, в хорошей квартире. Мы жили втроем – я мама и моя старшая сестра Таисия. Мама работала заведующей детским садом в нашем селе. Мама была партийная, очень верила во все это, была преданной партии, как и многие люди в то время. В 1941 году я пошла в первый класс, но проучилась всего один месяц. Вплоть до зимы 1943 года мы жили под немцами.

Мне хорошо запомнилось, как за пару недель до прихода немцев в селе царили тревога и какая-то суета. Это атмосфера надвигающегося несчастья, видимо, на людей так влияла. Многие в спешке покидали родные дома, уезжали из нашего района. В первую очередь выехало все начальство, и мы тоже должны были уехать вторым эшелонам, но не успели.

Очень ярко мне запомнился звук немецких мотоциклов, у них открытые трубы такие были, они так трещали, и их много было. И форма солдат. Вот эти детские впечатления со мной остались на всю жизнь.

Родилась 15 июня 1934 года

Мама как могла пыталась уберечь имущество своего детского сада. В то время детские сады очень хорошо обеспечивали игрушками, детской одеждой, пеленками.

Наши родственники жили на окраине, они взяли нас к себе, потому что в центре села было опасно: там концентрировались всякие штабы, комендатура немецкая... Мы переехали туда и жили впятером: мама, ее сестра с грудным ребенком, я и Тая.

Лидия Карлова

Фельдфебель
вермахта во время ВОВ

Был такой памятный случай. Когда наши войска отступили, у нас в доме остался раненный боец, его укрыли наши родственники. А в то время уже появились люди, которые доносили немцам. Однажды вечером к нам в дверь постучали, вошел дядечка какой-то и немец. Пришли по душу этого солдата с вопросом, что это за человек? Моя мама сказала, что это ее муж и он болен. А этот солдат был действительно очень болен. Они попросили выйти его на улицу. Мы все очень испугались.

Они вышли на улицу, и русский, пользуясь тем, что немец не понимает, предупредил солдата, сказал: «Ставни закрой, будет налет, они пришли за тобой».

Этой же ночью солдат ушел. Больше мы его никогда не видели.

А после этого случая нашу семью и мамину коллегу с детьми – нас всех переселили в маленький домик, расположенный рядом с комендатурой. Круглосуточно вокруг нашего дома ходил часовой. Вот так и жили.

Но не все немцы такие бесчеловечные. К нам ходил один немец, звали его Эрвин, он был довольно молодым, ему было около 35 лет. Он видел, что мама болеет,

и приносил то печенье, то курицу, то еще что-нибудь. Вот так он приходил и говорил: «Война – это плохо». Он объяснял свои визиты тем, что в Германии у него осталось двое детей, его послали воевать под страхом смерти у себя на Родине, и чтобы не быть предателем, он отправился на фронт.

Общий ужас

Я не знаю, чем нас взрослые могли накормить. Всегда не хочется об этом говорить. Вся страна находилась на грани выживания, наша семья не была исключительной в этом смысле. Это был общий ужас.

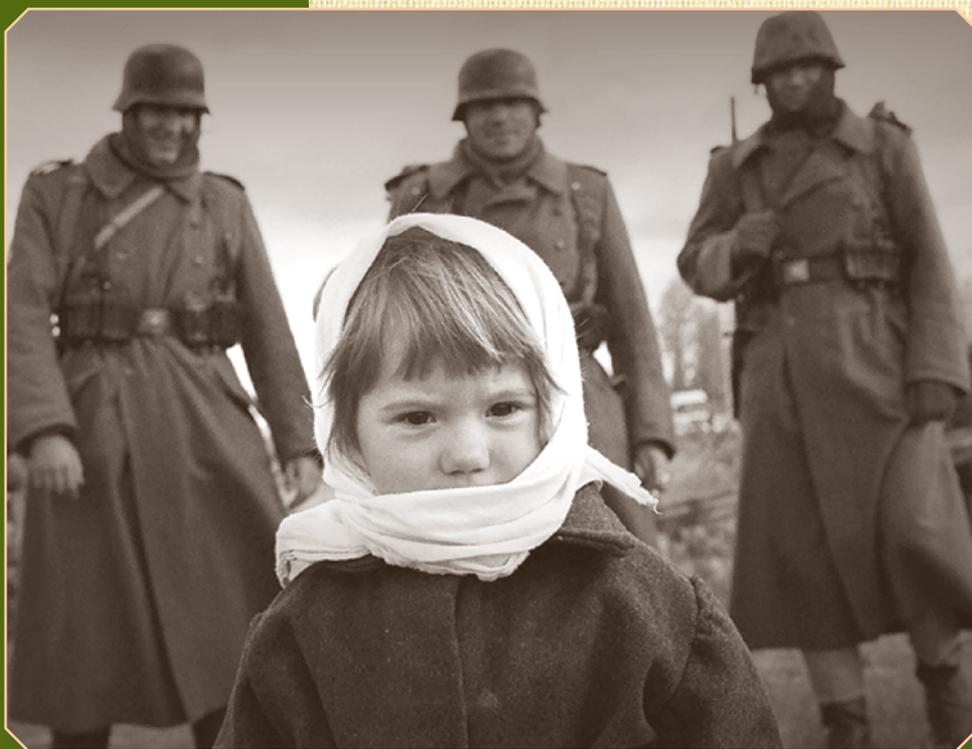
Взрослые были несчастными, на них лежала ответственность и решение сложной задачи – как прокормить детей. Чтобы достать хоть каких-то продуктов, им приходилось ходить из деревни в деревню. Иногда удавалось обменять какие-нибудь вещи на кусок хлеба или на пшеницу, или муку. Конечно, то насколько было тяжело, не передать словами.

Нам, детям, легче давались лишения, когда рядом были родители. Пусть было холодно, голодно, но мы были вместе. Тогда это было самым важным.

Свобода Ставрополя и череда потерь

Момент, когда в наше село вошли советские войска, я помню очень отчетливо. В этот день все взрослые вернулись домой с известиями о том, что идет перестрелка. Позже мы узнали, что первые группы советских солдат уже вошли в Гофицкое. Все сидели, дрожали в ожидании дальнейших событий.

В эту ночь бомбежки не было, только страшная стрельба. Глубокой ночью в нашу дверь постучали. Все страшно испугались, нас, детей, спрятали под стол. Позже над этим решением

Фотохроника ВОВ

Фотохроника ВОВ

все дружно смеялись: будто-то бы стол мог нас спасти. Мама лежала – она в тот период уже болела, укрыв рядом с собой грудного ребенка. А до этого прошел слух, что детей будут забирать и увозить. Стук повторился, страх не покидал нас, но открывать все равно было надо. На вопрос: «Кто?», за дверью откликнулось дружное: «Свои!»

Распахнули дверь, стоят мужчины в плащ-палатках, январь месяц был, они капюшоны откинули, и тогда мы увидели звездочки на касках. Женщины все пищали от радости, целовались. Откуда-то взяли дрова и солому, быстро затопили печку, стали греть воду, чтобы им хоть ноги помыть. Постелили им что было, так они втроем и проспали до утра у нас на полу.

Я была маленькой, поэтому не помню, кто они были – солдаты, офицеры. Но остро помню ощущение счастья, приход наших мужчин в форме – это было счастье. Мы, дети, от радости кричали: «Красные, красные!» Вот так, в середине января 1943 года нас освободили. А через неделю мамы не стало.

Нас снова переселили с маминной сестрой, она работала, моя сестра тоже пошла работать. Ей было около 14 лет. А через какое-то время маминна сестра тоже заболела и умерла. Тогда меня с сестрой выселили из дома. А зима стояла лютая, ужасная зима.

Нас выселили, так случилось, что мы с сестрой потеряли друг друга, она где-то осталась одна, и я. И мы не виделись с ней больше года.

Мне сложно вспоминать об этом периоде. Меня периодически люди подбирали с улицы, чтобы я переночевала. Так и жила: днем на улице, а на ночь кто-то приютит меня. Таких детей, как я, было много. Сами понимаете, в каком виде все мы были: грязные, в прохудившейся одежде. А потом, в очередной раз я где-то бродила, одна знакомая рассказала мне о моей сестре, которая, по ее словам, жила у какой-то бабушки. И я отправилась на ее поиски. И вот ночью я пришла под окно к этой бабушке и кричу: «Тайка, мне спать негде!» Так я сама ее нашла. Вот они меня и забрали. А потом в нашем районе открыли детский дом.

Детский дом

Детский дом открыли у нас в 1944 году. Я была в числе первых, кто вообще там оказался. А Таю позже взяли в детский дом на работу – пионервожатой. О периоде жизни в детском доме у меня остались самые прекрасные воспоминания. Воспитатели были для нас как мамы. Топить было нечем, и весь коллектив, в основном жен-

щины, ходил на болото. Стояли по колена в воде и срезали камыш, этим и топили печь. Еще ходили в лес, собирали сухостой. Носили эти тюки на своих плечах, таким образом они обогревали детский дом.

В детском доме перед исполнением татарского танца, 1947 г

Директор был просто чудо. Фамилия у него была Герасимов, это я помню точно. Он был комиссован с фронта, сам невероятно любил детей и такой же отдачи требовал от воспитателей. Если вдруг ему рассказывали, что кто-то не слушается или хулиганит, он говорил: «А я причем? Вы же — мамы!» Вот такой у него был подход. О детском доме я могу сказать только самые лучшие слова.

Постепенно количество детей увеличилось, нас было около сотни детишек, и всех нужно было одеть, накормить. Питались мы овощами: тыквой, капустой и крупой вроде перловки. Трижды в день кормили: плохо, хорошо ли, но мы были сыты.

По праздникам, которые для нас старались устраивать, нам раздавали по конфете. А еще во время войны присылали гуманитарную помощь, мы ее называли «американские подарки». Там были редкие сладости вроде джемов и одежда.

Кроме того, специально при детском доме работали две портнихи, и мы были замечательно, хотя и скромно одеты.

Естественно при детском доме открылась школа, в первый и второй класс я не ходила, меня записали сразу в третий. Таких школьников разного возраста была масса, за одной партой сидели 17-летние юноши и 9-летние дети. Такие взрослые попадали в детский дом из детских приемников, распределителей, они бродяжничали и зачастую их снимали с поездов. Они долго не задерживались у нас.

Интересно, что в детский дом я попала без документов. Год моего рождения определил врач, а позже точную дату подтвердила сестра. В документах мне поставили дату рождения — 6 апреля, по дате именин, хотя родилась я 15 июня. И в паспорте у меня дата 6 апреля.

День Победы

Это я помню как сегодня! Это было потрясающе. Воспитатели слышали по громкоговорителям, которые были установлены на улице, что объявили о Победе Советской страны. Нас, детей, собрали всех, нарядили и вывели в центр села. Я помню, что была одета в пионерскую форму праздничную: юбка в складку, блузочка, пионерский галстук

и белые банты в волосах. На площади масса народу, конечно же, были и слезы, и танцы, ощущение радости! 9 мая на юге уже повсюду буйство цветов, это добавляло яркости торжественному моменту. Взрослые веселились, нам устроили хороший обед. Все поздравляли нас и целовали, такой благостный по настроению был день. Солнечный-солнечный был день. 9 мая я запомнила на всю жизнь.

Ставропольское училище и консерватория в Кишиневе

В 1949 году, получив семилетнее образование, я выпустилась из детского дома. Мне исполнилось 15 лет, и я хотела поступить в Пятигорское педагогическое училище. Но на мое счастье в августе я принимала участие в конкурсе самодеятельности среди детских домов в Ставрополе. Педагоги из музыкального училища после моего выступления подошли к нашему директору и сказали: «Отдайте нам эту девочку!» Директор дал согласие.

Я отправилась сдавать экзамены в музыкальное училище в Ставрополь. Спела перед комиссией, и будущей мой преподаватель, чудо-женщина, подошла ко мне и говорит: «Деточка, ты знаешь, ты такая маленькая еще, ты отлично поешь, но ты приходи к нам попозже, когда подрастешь». Я заплакала, что-то наговорила и вышла из класса. Дело в том, что я была очень худенькой и маленькой, выглядела младше своих лет. Но, к счастью, в аудиторию зашла моя воспитательница из детского дома и сгладила недоумение. Вот так меня и приняли на музыкально-хоровое отделение. Я на отлично окончила училище.

Я своему преподавателю, которая не хотела меня принимать, благодарна всю жизнь! Теперь, спустя столько лет, я совершенно точно могу

Фотохроника ВОВ

Лидия Карлова

сказать, что мне в жизни очень повезло с преподавателями.

После училища я приехала в Кишинев. А там успешно сдала экзамены в консерваторию, где в то время был серьезный преподавательский состав. Профессура – старейшие педагоги вернулись из-за границы после войны. Занятия были насыщенными и очень интересными.

После завершения учебы я осталась в Кишиневе. Около двух лет работала хормейстером в нескольких местах. К тому времени у меня уже была маленькая дочь, и мне нужна была работа немного посolidнее, так я считала. Один из моих однокурсников по консерватории первым отправился на Сахалин для работы в филармонии. Но в те годы в Южно-Сахалинске готовилось к открытию музыкальное училище. И мой однокурсник предложил переехать на остров временно, на пару лет. А получилось, что задержалась на всю жизнь.

Сахалинский период: становление музыкального училища

Муж приехал на остров первым, а позже я вместе с дочкой прилетела на Сахалин. Это был 1960 год. Я прилетаю на Сахалин 24 июня, после Кишинева, где тепло, светло и мухи не кусают, и уже полно фруктов и овощей – и это был значительный контраст. Такая погода была как назло, прямо тучи лежали на земле, с неба дождь моросил. Естественно первым желанием было взять билет и вернуться обратно! Но меня хорошо приняли, сразу оформили на работу.

Педагогический коллектив подобрался замечательный, все, как и я, приехали из разных уголков СССР: из Одессы, Кишинева, Москвы, Ленинграда... Мы все были разные, но как-то мы сразу поняли друг друга, подружались и начали работу по открытию училища. Сначала ютились на одном из этажей здания по улице Хабаровской, а в 1964 году для училища построили современное здание вместе с общежитием.

Меня сразу назначили заведующей дирижерско-хоровым отделением. Хотя опыта такой работы у меня не было. Но постепенно, вместе с моими коллегами, которые тоже не имели солидного багажа, мы вошли в профессиональное русло.

Вот уже полвека ежегодно отправляю в профессиональный путь своих студентов. В первые годы желающих учиться в музыкальном училище было очень много! Сейчас, конечно же, гораздо меньше.

У меня замечательная семья, самые лучшие дети, обожаю их и внуков.

Лидия Карлова, 1960 г

Альберт Иванович ШУБИН

Родился 8 октября 1925 года в городе Ялте, в Крыму. В 1935 году вместе с матерью переехал на Сахалин, в Александровск-Сахалинский. Там же в 1941 году окончил школу. В 1944 году окончил Хабаровское пехотное училище, в звании младшего лейтенанта отправлен на фронт. Воевал на Белорусском фронте, участвовал в операции по освобождению Кенигсберга.

В числе награжд орден Отечественной войны I степени, медали «За победу над Германией», «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Японией».

Живет в Южно-Сахалинске. Имеет звание «Почетный гражданин города Южно-Сахалинска».

Альберт Шубин

22 июня встретил в отпуске

Летом 1941 года я с матерью полетел во Владивосток в отпуск. Мама отдыхала в санатории, а я – в пионерском лагере. И вот эти летние, сытые, радостные июньские дни прервались сообщением – война. Портовый Владивосток был весь увешан патриотическими призывами: «Заменим ушедших на фронт!», «Поступайте в ремесленное училище!». Всех отпускников начали отзывать домой, засобирались на Сахалин и моя мать. Однако я ехать отказался, твердо решив поступить в ремесленное училище связи № 5. В 1942 году, окончив училище и получив специальность «Механик телеграфа» я по направлению отправился работать в Николаевск-на-Амуре. Кроме меня туда поехало еще четыре человека. Всех нас поселили в большом доме с огромной печью. Топили ее плотами, которые вырубали изо льда. Холод стоял страшный, ночами мерзли, спали на постельном белье, набитом сеном. И вот однажды из-за таких бытовых условий, промаявшись ночь, проспали все впятером и опоздали на работу примерно на час. Директор подал на нас в суд и нам вынесли вердикт: полгода платить 25% от заработной платы. А тогда

Родился 8 октября 1925 г.

все было по карточкам, кроме того, наш проступок широко обсуждался в коллективе: «Пока враг топчет нашу Родину на западе, страна ведет борьбу с фашизмом, а вы, комсомольцы, в такое тяжелое время опоздали на работу, когда все для фронта!» Поставили вопрос об исключении из комсомольской организации, но один старый партийный работник настоял на том, чтобы разобраться в ситуации. И разобрался, и нас оставили в комсомоле.

Детский дом во время ВОВ

Путь на фронт

В 1943 году из Комсомольска-на-Амуре меня призвали в армию. Сначала отучился в Хабаровском пехотном училище, по окончании которого получил звание младшего лейтенанта и должность командира стрелкового взвода. Был зачислен в собранный в Хабаровске батальон. Шел 1944 год, линия фронта проходила в Восточной Пруссии, туда меня и отправили.

Но перед отъездом мне удалось еще раз повидаться с матерью. В училище были строгие порядки, отлучки в город не приветствовались, но если получалось, то я всегда заглядывал к маминой знакомой, которая работала в общежитии. В тот день я решил попрощаться с ней, прихожу, а она мне говорит: «Алька, твоя мама здесь!» Оказывается, мать приехала с Сахалина в Хабаровск, чтобы распределить детей из детских домов по семьям. Но перед отъездом хотела заехать навестить меня, а получилось, что я ее опередил. На прощанье мы выпили чайку, мама сделала блинов на скорую руку с вишневым вареньем, банку которого привезла. Вот таким получилось наше прощание. Напоследок я попросил мать, чтобы она написала мне записку. «Возвращайся живым!» – эти два слова написала она мне. Эта записка лежала у меня в кармане до самого ранения в марте 45-го...

Боевое крещение

Я воевал в составе 5-й армии под командованием Николая Ивановича Крылова 3-го Белорусского фронта. Продвигались с боями, тяжело. К тому моменту, когда я попал на фронт, наши уже перешли границу. Хотя все понимали, что война подходит к концу и враг должен быть обессиленным, но не тут-то было! Система укреплений немцев была мощной. Любая возвышенность давалась нам с огромным трудом, а у местных фермеров каждая хозяйственная постройка превращалась в крепость. Когда я прибыл в расположение, мне дали взвод, состоящий из молдаван. Многие из них в отцы мне годились, но общий язык находили. Большинство ранее служили у немцев. Ведь Молдавию, впрочем, как и Белоруссию с Украиной, немец оккупировал довольно быстро, поэтому многим приходилось служить противникам. Когда наши войска освобождали эти республики, всех дееспособных мужчин мобилизовали уже в ряды Советской армии.

Бои за Кенигсберг, 1945 г.

*Калининский фронт.
Бойцы отделения старшего
сержанта И.Ф.Васькина
за обедом. На переднем
плане сержант Т.Д. Осипов,
1943 г.*

Самые яркие воспоминания у меня до сих пор связаны с последним боем, который происходил 23 марта 1945 года. Перед моим взводом стояла задача – взять один барский двор, в окрестностях Кенигсберга их была масса, особенно вблизи залива Фриш-Гаф. Командир роты тогда говорил, что этот залив – финишная черта: возьмем залив, скинем фашистов в воду и все, можно сказать, конец войне. Противник, понимая расклад сил, бился ожесточенно. Мы ведем огонь, нам отвечают, в какой-то момент немцы просто поднялись и ринулись в атаку во весь рост, не боясь пуль! Позже выяснилось, что они были пьяные. Помню, один здоровый парень рухнул прямо возле меня. Мой станковый пулемет бил не переставая, вдруг слышу – затишье. Пулеметчика убили, я ринулся к орудию, чтобы заменить стрелка. Бой продолжался, я строчу, а немец все идет и идет. В одно мгновение я почувствовал сильный удар, очнулся уже в госпитале, там я и узнал, что атаку мы все-таки отбили.

«...Напоследок я попросил мать, чтобы она написала мне записку. «Возвращайся живым!» – эти два слова написала она мне. Эта записка лежала у меня в кармане до самого ранения в марте 45-го...»

Про День Победы

Когда наши взяли Берлин, я лежал в одном из госпиталей Кенигсберга после ранения. Пришлось сменить немало палат, в то время войска наши перебрасывали на Дальний Восток, готовились к войне с Японией. Поэтому некоторые госпитали переезжали вслед за войсками. Ну и вот, на больничной койке в таком вот госпитале я и находился в день Победы. 9 мая слышим стрельба во дворе, все всполошились, что происходит? Потом поняли, что Победа, мы ждали ее, из газет и сообщений по радио были в курсе событий фронта.

Конечно, это событие неопишное! У нас сейчас ее радостно встречают, компании собираются, охваченные чувством гордости и радости. А тогда эта радость была кровью записана в биографии каждого фронтовика. Победа – это значит голову уже можно поднять, не жаться к земле. Победа для нас было, конечно, событие такое, его можно, наверное, сравнить с рождением, если бы ты знал, как родился.

У нас была старшая медсестра, старший лейтенант, ее звали Лариса. Красивая молодая женщина. А в палате у нас было пять человек офицеров. У нас у всех с ней были хорошие отношения, так вот она принесла нам сухого спирта по ложечке. Мы его в поильниках разбавили и так отметили великую Победу.

Снова война, или На фронт после победы

Где-то в мае месяце был приказ Сталина о том, что офицеру после тяжелого ранения, положен отпуск – 30 дней. Не месяц, а именно 30 дней, так в приказе было, и проездные документы выписывали в любой конец Советского Союза. И вот я махнул на Сахалин, а именно в Александровск-Сахалинский, где жила и работала моя мать. Она выпускница Полтавского педагогического института, в 1935 году по направлению приехала трудиться на остров. Все эти годы она заведовала сектором дошкольных учреждений и детских домов, ездила по городам северного Сахалина. Ну и вот, я к старушке в отпуск приехал, а тут и война с Японией началась. Так получилось, что с одного фронта я попал на другой фронт. Хотя я не участвовал в боевых действиях здесь, на Сахалине, но встретил войну в Александровске. Вообще, интересное было зрелище так сказать. Говорят (да так оно и есть) что эта война коротенькая была, конечно же, по продолжительности

Победа – это значит голову уже можно поднять, не жаться к земле. Победа для нас было, конечно, событие такое, его можно, наверное, сравнить с рождением, если бы ты знал, как родился.

не сравнить с Великой Отечественной войной. Но я видел, когда студебекеры (это американские грузовики, крытые брезентом) везли наших раненых солдат отсюда, с юга Сахалина. Повязки все были пропитаны кровью и слезами пыли – это были те же

страшные раны, какие получали мы! Те, кто воевал здесь, попали в такую же страшную фронтовую ситуацию. Тяжело было им здесь в боях, очень тяжело. Так что нашим бойцам, советским солдатам и офицерам, которым выпала доля и честь принимать участие в боевых схватках здесь, досталось немало.

Мирная жизнь

Демобилизовался я в мае 1946 года. После войны трудился инженером связи, работал на различных партийных должностях, стоял во главе ветеранской организации бывшего «Рыбакколхозсоюза». С января 1960 года живу в Южно-Сахалинске. Вырастил четверых детей.

Японские торговцы приготвили к приходу советских солдат, подготовив плакаты с надписями по-русски.

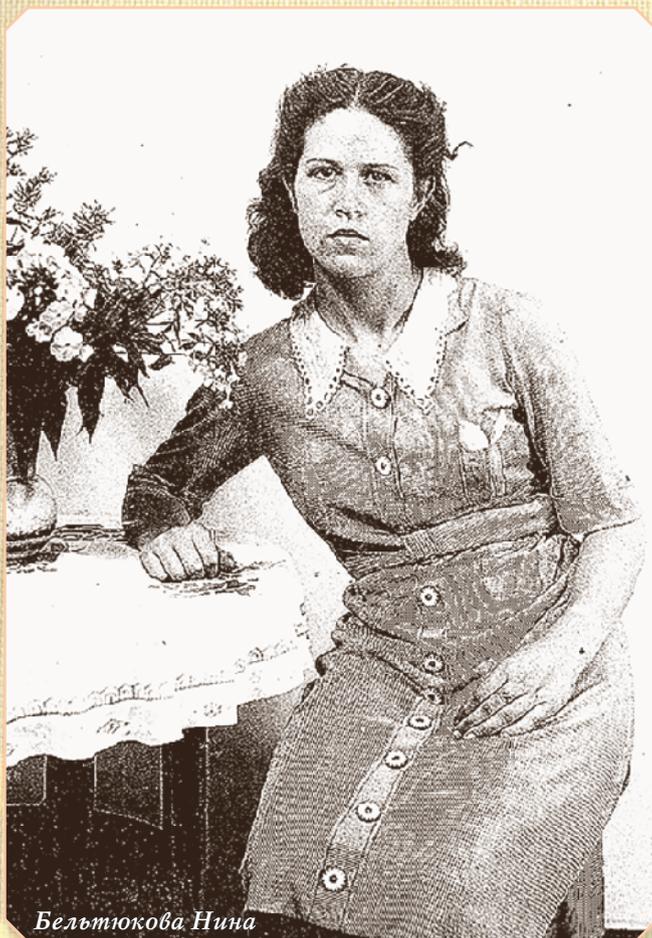

Фотоархив ВОВ

Нина Викторовна БЕЛЬТЮКОВА

Родилась 7 декабря 1924 года в деревне Средний Етыш Чернушинского района Пермской области. В 1942-м призвана в армию. После окончания краткосрочных водительских курсов была направлена на воинскую службу в 82-ю стрелковую Ярцевскую Краснознаменную орденов Суворова и Кутузова дивизию. Затем переведена на службу в военную прокуратуру. Победу встретила в Берлине. Награждена орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией». Живет в Южно-Сахалинске.

Бельтюкова Нина

Мои университеты

...Когда началась война, я училась в ремесленном училище в городе Лысьва, получала профессию химика-лаборанта, поступила туда после 7-го класса. Детей в нашей семье было семеро, я – вторая. Вначале хотела учиться на токаря, приехала с подружкой в Лысьву, но оказалось, что мы опоздали. Пошли работать на завод, устроились в общежитие, а потом выяснилось, что можно поступить на химиков-лаборантов. Ну мы и пошли. Было мне 17 лет тогда. Учились в училище в основном мальчишки, нас, девчонок, было всего 8 человек. Выдали нам шинели, водили строем, а потом началась война. Нас ускоренно выпустили и отправили по домам. Я устроилась работать военруком в мамину школу, она у меня всю жизнь учительницей проработала, а в 1942 году пришла мне повестка...

Шоферские курсы

...Отправили меня на курсы шоферов. Одни девчонки там учились, все деревенские. Я была самая грамотная, потому что и училище окончила, и в школе успела поработать. Привезли нас в город Хвалы́нск Саратовской области. Там сто-

Родилась 7 декабря 1924 года

ял 7-й учебный автополк, и там нас учили водить грузовики.

Жили мы в бывшем клубе, на сцене спали наши преподаватели, а мы в зрительном зале устроились. Выдали нам военную форму, косы всем отстригли. Условия жизни были трудными. Вставали рано, в 6 утра, одевались и бегом бежали на Каму, там делали зарядку, умывались в реке. Ходили строем. Помню, в самом начале, когда только приехали, построили нас, и коман-

дир взвода командует: «Запевай!» Девчонки голосистые были, но пробуют запеть – и не получается. Стесняются очень. А я взяла и запела! Так и стала запевалой.

Кормили нас два раза в сутки, ужин, как мы говорили тогда, отдавали врагу. Есть хотелось, но худыми мы не были. Машину хорошо научились водить, но после войны я больше никогда за руль не садилась. В наше время профессия водителя считалась мужской, женщины не должны были рулить. А нас война заставила крутить баранку...

Распределение

...Отучились мы 4 месяца, и зимой, 7 декабря 1942 года, в мой день рождения, нас на полуторках отвезли в Подмоскowie, а оттуда постепенно начали отправлять к месту службы. Приезжали командиры и распределяли нас по военным частям. Пришла и моя очередь. Я и семь моих подруг прибыли на Украину. Часть располагалась в лесу, мы даже не знали, как это место называется. Вокруг – одни мужики. И вот приехали мы в этот лес, дали нам лопаты и велели выкапывать капониры – укрытия для машин.

Как-то раз приехали артисты. И мы, никого не предупредив, побежали смотреть концерт. А когда вернулись, нам в наказание опять лопаты в руки – и отправили копать укрытия. А через несколько дней всех девчат распределили в другие подразделения, и в этой части я осталась одна...

Военные дороги

...На передовой я не была, но со своей машиной шла за армией буквально по пятам. Подвозили боеприпасы, обмундирование, медикаменты, продукты. За всем этим ездили в тыл, забирали груз, выстраивались в колонну и отправлялись к месту назначения. Вначале мне самостоятель-

но водить не разрешали, рядом со мной наставник находился постоянно. А потом уже сама взялась за руль. Всякое было. И под обстрел попадали, и бомбили нас.

Был один случай. Везли снаряды, и так получилось, что отстала я от колонны. И вот стою на развилке, не знаю, куда ехать. Вышла из своего грузовика, брожу рядом, думаю, что делать. Потом подъехали ребята, подсказали направление, я села за руль, покатила, и вдруг там, где я только что проаживалась, – взрыв! Чья-то машина подорвалась. Оказывается, я по минному полю прогуливалась! Наверное, слишком легкая была, поэтому мина и не среагировала. А когда туда заехала тяжелая машина – произошел взрыв...

Военный быт

...В нашей автоколонне я одна девушка была, остальные парни. И вот как вечер свободный, они достают гармошку, кто-то играет, а я, девчонка, с этими

Фотохроника ВОВ

Фотохроника ВОВ

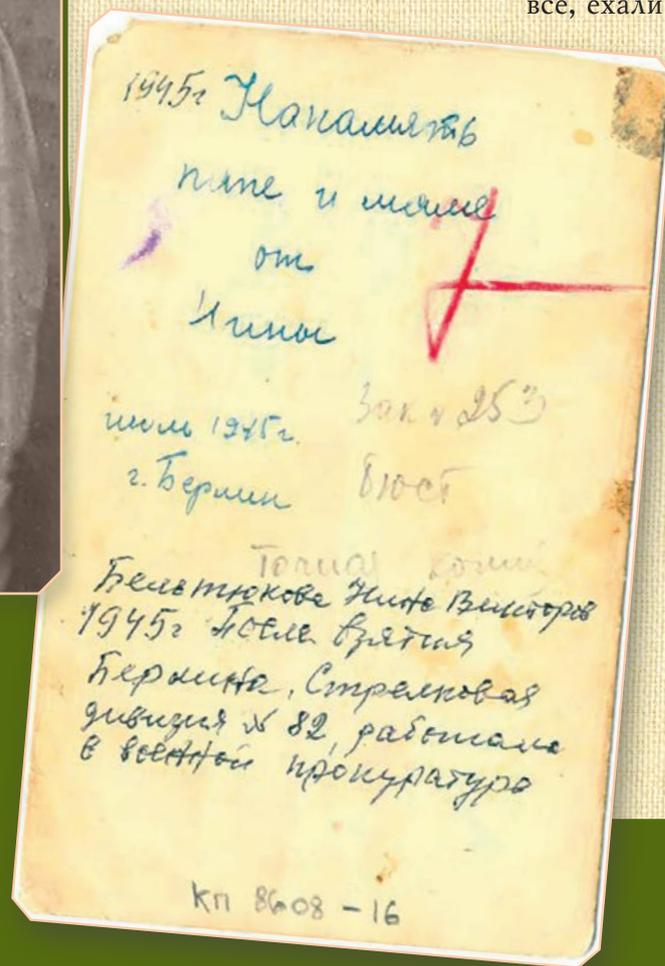

«На память маме и маме от Нины.
Июль, 1945, г. Берлин.
Бельтюкова Нина Викторовна, 1945
г, после взятия Берлина. Стрелковая
дивизия № 82, работала в военной
прокуратуре»

мужиками по очереди танцую. Но не влюблялись! Не было такого. Какая тут любовь, когда ни умыться, ни в баню сходить. Спала я в машине, постоянно в одежде, очень трудно было, когда наступали особые женские дела. Помню, как мы баню устраивали. Огораживали брезентом местечко, парни таскали воду, а я мылась под открытым небом. Бывало, едешь, увидишь где-нибудь хорошую водичку – сразу мыться...

Военные будни

...Как-то шли мы колонной, груженные все, ехали очень

медленно. И нужно было через Днепр переправиться. Подъезжаем к берегу. Там был установлен широкий понтонный мост, и большой начальник дает указания – как переезжать. Подходит к моей машине, открывает дверь, кричит: «Здорово, курносая! – и пальцем на нос надавливает. – Запоминай: поедешь с такой-то скоростью, смотри внимательно!»

Дал указания, и мы двинулись. Едем посередине, по краям идут красноармейцы, проехали мы этот мост, остановились, и я первый раз увидела убитых немцев. Но страшно не было. Воспринималось, как будто так и надо. Ненависти мы к ним не испытывали, чувства притупились, но мы очень хорошо понимали – это враги...

Военная прокуратура

...Как-то приезжаю в одно место, а там начальство и военный прокурор, который, оказывается, ехал с нашей колонной. Ему нужен был грамотный солдат, который умеет водить машину, и ему указали на меня. Таким образом я попала в военную прокуратуру. Помню, утром меня предупредили, что переводят туда, и пригласили в офицерскую столовую знакомиться. Обед у офицеров был не такой, как у нас, рядовых. И вот сидим мы за столом, я знаю, что это начальники, военный прокурор, мне неловко, а они меня заставляют есть. Но я им сказала так: «Солдату это не положено!» Посмеялись, отпустили. Так я в военной прокуратуре и осталась.

Там служила Шура Терехина, сибирячка, старше меня, следователь офицерского звания. Она помогла мне устроиться на новом месте. Было у нас и хозяйство – лошадь и машина. За лошадью конюх смотрел, взрослый мужик, за машиной – водитель. Делала я все, что приказывали: печатала протоколы, вела документацию, если нужно – санитаркой, раненых с поля боя

выносить. Ну и за рулем приходилось сидеть, прокурора возить...

Расстрельные дела

...Мы сопровождали войска, шли сразу за ними, практически были на передовой. Всякие истории помню, в том числе и очень тяжелые. Однажды после боя молодой парень сделал самострел, прострелил себе руку. Медики это определили, сообщили в прокуратуру. Тут же суд, прямо на улице, в присутствии сослуживцев этого несчастного парня. Шуры почему-то в тот момент не было, я ее заменяла, вела протокол. Приговор – расстрел. И расстреляли тут же, на глазах у всех. Страшно было. И дезертиров расстреливали сразу, по законам военного времени...

История про баню

...Однажды выдался нам с Шурой в Белоруссии банно-прачечный вечер. Стояли в деревне, а там банька. Мы помылись, бельишко в чугушке замочили, только чулки постирали, а тут девчонка прибегает: «Вас зовут!» Зачем, думаем, и вдруг слышим взрывы, канонаду, пальбу, и тут уже не до расспросов: схватили вещмешки и как были полуголые, так и побежали. Еле успели из деревни выскочить, а за нами – местные жители, дети, все кричат, скотину с собой тащат, страшно... Завязался тяжелый бой, вовремя подоспела наша катюша, и немцы отступили. На рассвете смотрим – деревня полыхает, избы горят, но банька наша цела! И мы с Шурой бегом туда, бельишко свое из чугушка забрать...

Победа

...9 мая я была в Берлине, в рейхстаге, хотела в кабинет Гитлера зайти, но там все сильно разрушено было внутри, по лестницам опасно

было подниматься. Но наши солдаты сумели пробраться на крышу со знаменем. Это была большая радость...

В Берлине мы задержались до осени 1945 года, заселились по квартирам, был у нас переводчик – молодой парень, немец. Одевался он интересно, не так, как мы. А потом и нам дали возможность приодеться по тогдашней моде, даже в специальный магазин приводили, чтобы мы могли себе что-то купить. Почему-то нам не разрешали фотографироваться в военной форме, а очень хотелось сняться в Берлине на карточку, чтобы память была. И я переделалась в гражданское, сходила и сфотографировалась. С тех пор фотографию эту и храню...

Сахалин

...После демобилизации вернулась домой, в Чернушки, в Воткинске поступила в машиностроительный техникум, там познакомилась с будущим мужем и в 1953 году вместе с ним переехала на Сахалин. Работала в «Сахалингражданпроекте». С тех пор так здесь, в Южно-Сахалинске, и живу.

*Бельтюкова Нина
Викторовна в
Берлине с солдатами
82-й стрелковой
дивизии*

*Бельтюкова Нина
Викторовна
в Берлине
с солдатами
82-й стрелковой
дивизии*

Декабрина Михайловна ПУШКАРЕВА

Родилась 7 декабря 1924 года на Урале, на станции Лопатково Ирбитского района Свердловской области. В 1939 году вместе с родителями переехала на Сахалин. Во время войны трудилась трактористом в совхозе «Александровский». В августе 1945 года была призвана в армию, освобождала Южный Сахалин от японских милитаристов. Ветеран трудового фронта, ветеран Великой Отечественной войны. Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За победу над Японией». Почетный гражданин Сахалинской области. Живет в Южно-Сахалинске.

Детство

...Декабриной меня отец назвал. Когда родилась, пошел выписывать мне метрику. Мама сказала, чтобы имя было Октябрина, в честь Ок-

Декабрина Пушкарева

тябрьской революции. Вернулся, мать смотрит, а там Декабрина написано. Спрашивает отца, а он отвечает: «Так она ж в декабре родилась!» Вот так я стала Декабриной. Из Лопатково мы уехали в начале 30-х годов, переехали под Казань, на родину отца, а потом, спасаясь от голода, переехали на Сахалин...

Взросление

...Мне было 16 лет, когда 22 июня 1941 года Вячеслав Михайлович Молотов объявил, что началась война с фашистской Германией. Мы сразу как-то все повзрослели. Тогда жили мы в Александровске-Сахалинском, на тот момент я окончила 8-й класс. Активистка была, этого у меня не отнять. Кругом хотела быть на виду. Конечно же, намеревалась учиться дальше. И учителем хотела быть, и летчицей, но война все мои планы нарушила. Пошла в шахтоуправление, немного там поработала, и тут призыв объявили на 6-месячные курсы санинструкторов. Поступила, окончила, получила военный билет и стала проситься на фронт. Но нам сказали: «Идите, работайте, если нужно будет, мы вас призовем». Вернулась домой, устроилась работать тальманом в порту,

Родилась 7 декабря 1924 года

считала вагонетки с углем. А потом объявили призыв на курсы трактористов, я бросила эти вагонетки и пошла учиться...

Динка-тракторист

...Окончила я курсы на отлично и думаю: «Ну теперь-то меня возьмут на фронт, я же танкистом смогу воевать!» Но не тут-то было. Меня, как отличницу, оставили при Александровском совхозе работать трактористом. Дали карточку

на 800 граммов хлеба, но мы о большем и не мечтали, хотели только работать и помогать нашей Родине. И это были совершенно искренние чувства, поверьте...

Трудовые будни

...День проходил так. Рано утром вставала, надевала лыжный костюм и шла в гараж. Помню, ранняя весна, заморозки, а в тракторе кругом железо, сиденье тоже железное, стывое, и вот я встану под выхлопную трубу, попу и руки погрею – и за руль. Его обматывала тряпками, чтобы пальцы не обморозить. В своем совхозе закончишь работу, а там пригородные отделения – Красный Яр, Михайловка, туда отправляли на подмогу. И вот едешь ночью на тракторе, сзади плуг прицеплен, прицепщица Лена рядом, глаза слипаются, а она кричит: «Динка! Трактор уронишь!» Я проснусь вроде, глаза вылуплю, дальше еду... Но это все мы считали нормальным, трудились от звонка до звонка.

Зимой, когда полевые работы заканчивались, мы технику ремонтировали, трактора приводили в порядок. Были у нас двое замечательных мужчин, Петр Иванович Сазонов и Петр Иванович Мусыкин, механики. В тылу нужны были мастера, потому их на фронт и не взяли. И еще один, кузнец Клочков, солидный такой дед. Трактора у нас были ЧТЗ, СТЗ и «Универсал», вот на нем я и работала. Я даже сейчас смогла бы его водить! Когда еду мимо техникума в НовоАлександровске, так и хочется сесть в трактор и хотя бы немного проехать самой.

Праздников у нас не было. Мы много работали и свято верили, что помогаем Родине победить врага. Собирали теплые вещи, картошку сушили, носки-варежки вязали, отправляли все это на фронт. И писали, что все у нас хорошо. До сих пор это вспоминаю...

Про шатуна

...Однажды пахала я в Красном Яре, такое настроение у меня было хорошее, и вдруг – бабах! В двигателе что-то как стуканет! Я трактор заглушила, давай смотреть, а там, оказывается, оборвалась нижняя головка шатуна. Я открыла блок, взяла эту головку и бегом с Красного Яра в Александровск к механику! Прибежала, стучу, он: что такое? Я объясняю, плачу, а он: «Ох мне эти девчонки...» Я не знаю, почему эта поломка получилась, может, специально кто-то это подстроил. Конечно, разбирали меня на собрании и в итоге решили, что моей вины в этом нет. Пережила я это, переплакала...

Про танцы

...На сопочке у нас Дом офицеров был, там

танцы устраивали, так хотелось туда пойти, но нечего было надеть. У меня единственная черная юбка и кофточка беленькая – весь мой гардероб. Как-то решила, что все-таки схожу на танцы, вещички постирала, повесила сушить. Иду на обед, смотрю – теленок так бессовестно грызет мою кофту! Сижу плачу. А мы жили в бараке, посередине коридор, по обе стороны комнаты, в одной я с подругой, напротив – солдатка Маша. Она мне: «Ты чего плачешь?» – «На танцы хочу...» – «Так иди!» – «У меня ботинок нет, порвались, и теленок кофту погрыз...» – «Бери мои!»

И пошла я на танцы. Музыка играет, все такие красивые, танцуют, а я стою, думаю: куда уж мне... А ребята рядом говорят: «Шофер, что ли, пришел? Что-то керосином пахнет». А это от меня! Мыла не было, отмыть руки как следует не получалось...

Декабрина на курсах трактористов

Брат Владимир
(в центре)

Про Победу и любовь

...Конечно, была и любовь, мы ж молодые все были. Познакомилась с парнем одним, военным, звали его Павлик Быков. Дружили мы с ним. Как-то послали меня в другой совхоз, отработала, приезжаю и узнаю, что подруга моя Ира с Павликом встречается. Конечно, обидно было. Плакала я сильно. Случилось это перед самым Днем Победы.

Приходим утром на работу, и тут механик прибегает, кричит: «Девчата, глуши трактора! Победа!» Ой, сколько радости было, сколько слез, все обнимаются, целуются... В совхозном клубе устроили собрание, после танцы, и там я познакомилась с Сашей, начали мы с ним дружить. Мальчишка такой хороший был, глаза голубые, но росточком маленький. Я пашу поле на тракторе, а у него есть время – он ко мне бежит, ездит со мной. Очень он мне помогал, был мне настоящим другом. После войны он на Курилы поехал, а я демобилизовалась и вышла замуж, его не дождалась. Писем долго не было, вот я и решилась...

Декабрина Пушкарева
(в центре), 1941 год

Сахалинская война

...Когда здесь началась война, солдаты даже обрадовались, все хотели на фронт. Всю войну им говорили – вы нужны здесь, потерпите. И вот, где-то в последних числах июля, пришла мне повестка из военкомата – явиться на сборный пункт с вещами. Мама, когда узнала, сразу в слезы, а я ей говорю: «Мама, не плачь, так надо». И поехала в военкомат. Собралось несколько человек, погрузили нас в полторку и повезли. Как сейчас помню, с нами ехал Ваня Кожевников, а его жена с ребеночком бежала за машиной и плакала, как знала-чувствовала, что он погибнет...

Приехали в Дербинское (сейчас Тымовское), там нас обмундировали, дали мне санитарную сумку и все, что положено: жгут, бинт, йод, зеленку, валерьянку и спирт. Приняли мы присягу, и отправили нас в Оноры в составе 25-го взвода 79-й стрелковой дивизии под командованием Григория Григорьевича Светецкого. Пока ехали, несколько раз попали под обстрел. Вечером добрались, и капитан наш говорит: «Ну, ребята, настало наше время защищать Родину». А я смотрю в сторону Северной Хандасы, там один столб пламени от взрыва, второй... Это наши бомбили. Отправились мы туда на повозках раненых собирать, на каждой был ездовой и санинструктор. Ночь, кругом стреляют... Кто говорит, что на войне не страшно, тот о войне не знает ничего. Так писала Юлия Друнина, и так оно и есть. Освободили наши Хандасу, мы двинулись дальше, уже и раненых было много, и погибших.

Что характерно, совсем не было японского гражданского населения. Ни женщин, ни детей, ни стариков. Деревушки стояли пустые, всех вывезли. Только доты, дзоты, неприступные укрепрайоны, в которых у японцев все было – и оружие, и еда, очень сложно к ним было подобраться. Помню, везем мы раненых, а на дере-

Воспоминания в стихах

*В 16 лет я встретила войну,
на фронт просилась – не пустили.
Освоив трактор, от зари и до зари
своим трудом стране я пользу приносила.
А в 45-м, когда пал Берлин,
война пришла на Сахалин.
И в безразмерных сапогах
я выносила на руках бойцов из-под обстрелов.
Так под вой снарядов и стоны солдат
юность моя пролетела.
И этот край земли родной
навек стал моей судьбой...*

Декабрина ПУШКАРЕВА

вьях сидят так называемые кукушки, японские смертники, и стреляют прямо по дороге. Слава Богу, никого не ранило, не убило...

Про сапоги

...Ехали мы по грунтовой дороге, август, дождь хлещет, а у меня сапоги 41-го размера. Ноги стерла в кровь, хоть и портянки были. Один солдатик на привале увидел и говорит: «Слушай, сестренка, давай махнемся сапогами не глядя». Они у него тоже были большие, но легкие, из плащ-палатки сшитые. Давай, говорю. И я благодарна ему до сих пор, очень он мне помог...

Встреча

...Мы вывозили раненых сначала в госпиталь в Оноры, затем поближе, на Хандасу. Дорог не было, солдаты рубили лес, делали из бревен настилы, ветки укладывали, по которым и танки наши проходили, и мы на повозках раненых возили. Братик мой Владимир тоже воевал, служил вместе с Антоном Буюклы, и я в каждом ране-

ном братика видела, старалась и слово ласковое сказать, и водичкой напоить, и помочь. Однажды везу раненых и вдруг слышу: «Динка!» Смотрю, а это Володька! Побежала я к нему, обнялись, а с повозки уже кричат: «Позовите маленькую медсестру!» Это меня. Увиделись мы с ним уже после Победы...

Вторая Победа

...Как-то командир меня и еще нескольких человек посадил на товарняк и отправил в Тоехару. Это было 2 сентября. Едем, и вдруг объявление по радио – война закончилась! Вот так я встретила нашу вторую Победу. Столько радости было! Ребята наши – ну, мужики есть мужики, – уже sake где-то достали, прыгают с платформы на платформу, мы им кричим: «Что вы делаете, на войне не погибли, так теперь здесь не дай Бог упадете, потерпите, пока не приедем!»

Мирная жизнь

...Приехали в Тоехару, определили меня в японский военный госпиталь, что до сих пор на улице Чехова. Некоторое время я там работала, ухаживала за ранеными. Тогда время так быстро летело, не знаю почему, наверное, потому что молодые были. Демобилизовалась я в ноябре 1945-го и приехала к маме, в Александровск. Там познакомилась с Лешей, очень хороший парень был, и вышла за него замуж. Свадьбу сыграли скромно. Платья белого не было, мама бражки сварила, пришли Лешины сослуживцы, так и отпраздновали. Потом, когда он демобилизовался, мы с ним уехали во Владивосток, а вскоре вернулись на Сахалин и с тех пор, с 1946 года, жили в Южно-Сахалинске. Муж работал на кондитерской фабрике, а я в Госбанке, там и трудилась до выхода на пенсию в 1991 году. Трижды выезжа-

ла в Смирныховский район в места, где проходили бои. Но до Александровска так и не доехала, а очень хочется, ведь это моя вторая родина. Скалы Три Брата так и стоят у меня перед глазами до сих пор...

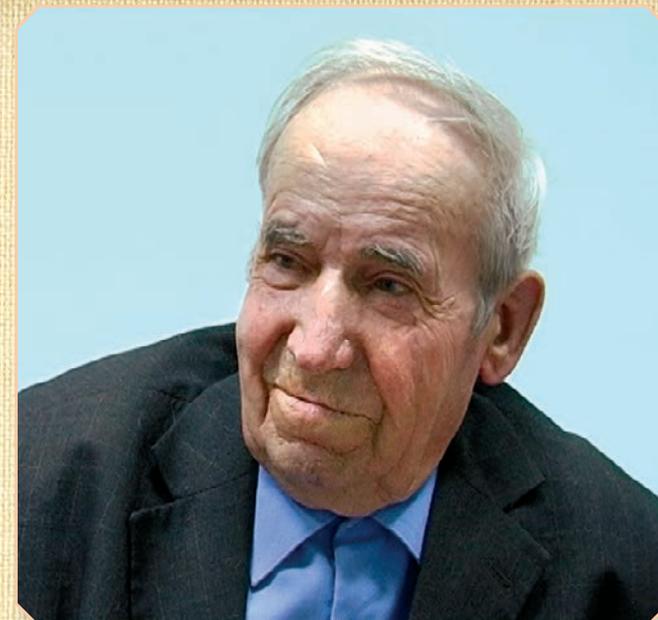

Декабрина после войны

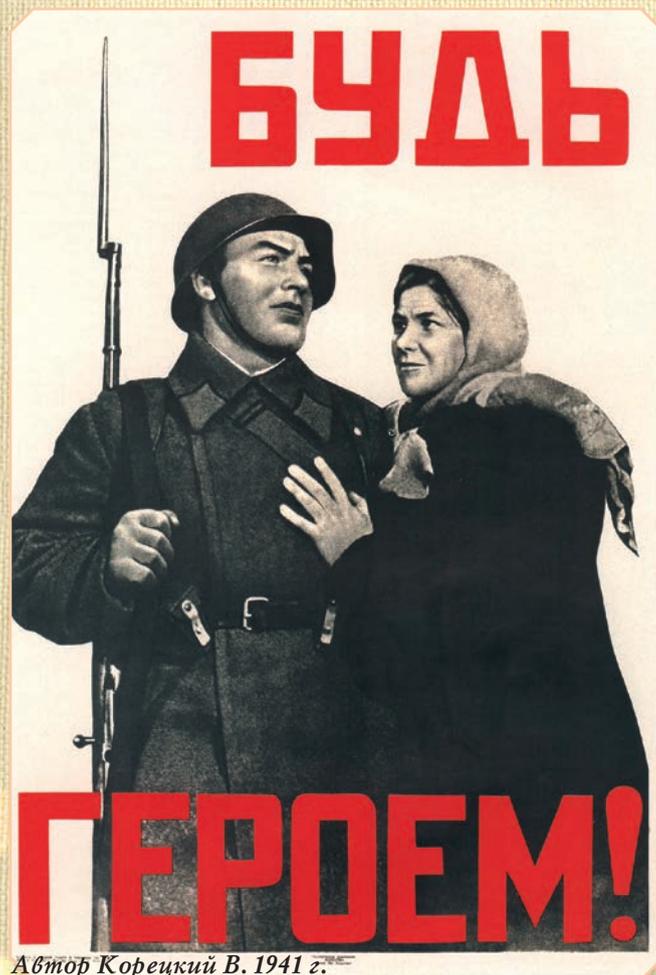

Александр Поликарпович ВИНОКУРОВ

Родился 16 декабря 1924 г. в деревне Кулига Курской области. С начала войны до 1943 года трудился на строительстве в Подмосковье, потом на оборонном заводе в Мытищах. В апреле 1943 года ушел на фронт, служил пулеметчиком. Имеет благодарность от Верховного Главнокомандующего Сталина, награжден орденом Славы III степени, двумя медалями «За отвагу», медалью «За Победу над Германией». На Сахалине с 1974 года.

Родился 16 декабря 1924 г.

Автор Корецкий В. 1941 г.

Год отсрочки

...Я родился и жил в Курской области в деревне, в 4 километрах от старинного города Обоянь. Мы в колхозе работали и денег совсем не получали. И тогда я завербовался на работу в Монино, в Подмосковье: там самолеты испытывали и жили одни офицеры. Погон тогда не было, знаки различия – шпалы, кубики, ромбы. А я туда пришел на стройку, учеником кровельщика. И было это в 1941 году, как раз перед войной. Начался призыв, а я 1923 года рождения, мой год. Но тут такое дело было: метрик у нас в деревне не выписывали, а всех, кто родился, в церкви записывали в метрическую книгу. А потом начали церкви ломать, иконы, кресты выбрасывать, и занимались этим босяки, которые работать не хотели, лодыри, всякая дрянь! Так вот они эти книги метрические все пожгли. И дату рождения мне записывали в сельсовете с наших слов, и целый год убавили, написали, что я с 24-го года. Поэтому меня и не призвали...

Труд во имя Победы

...В Монино жили мы в палатке на 30 человек со стенами из горбыля, внутри буржуйка. Кто возле стены – мерзнет, а кто возле печки – волос от жара трещит. Зарабатывал я около 100

рублей. Покупал батон на полкило за 85 копеек и селедку по 6 рублей. Сейчас такой селедки нет: прям тек с нее жир, вкусная очень. Ходили в столовую, хлеб оплачивали, приварок бесплатно получали. Попасть туда можно было через двое ворот, по пропуску, и его меняли каждые две недели, потому что секретный объект. И вот началась война, начали бомбить. Стройка закрылась, из магазинов все исчезло буквально за неделю. Ни тряпок, ни продуктов, ни черта... А меня перевели в Мытищи, это 18 километров от Москвы. Там был вагоноремонтный завод, и я там формовщиком работал. Трудился в горячем цеху, карточку усиленную получал на килограмм хлеба. Хлеб был черный, тяжелый, как глина. На заводе я траки для вездеходов и танков формовал, башни, ни одного брака не было у меня. Мы ходовую часть выпускали, а с Урала шли дизели, аккумуляторы и прочее. В сбороч-

ном цеху танки собирали, во дворе обкатывали. Работали мы по 12 часов. Вредное производство, опасное, кашляли мы там и голодали, а уйти нельзя. За это до 8 лет давали...

Фронт как спасение

...Пошел я в военкомат, а у меня бронь до 1945 года. Там ни в какую – не возьмем, иди отсюда, работай. А я с голоду умирать не хочу, работать по 12 часов без выходных, там даже в баню нельзя было сходить! И вот так я на этом заводе до 1943 года мучился, уже еле ноги волочил. А потом с одним табельщиком договорился, он мне помог справку сделать, я ее получил, отдал ему продуктовые карточки на месяц и поехал домой. А там сразу в военкомат, и меня тут же забрали...

Передовая

...Отправили меня под Брянск, выучили на пулеметчика, причем учился я отлично, потом закинули под Вильнюс в запасной полк и уже оттуда попал я на передовую. Поставили командиром расчета, хотя командовать-то я толком и не умел. Я чудил там страшно, скоро первую свою награду заслужил, орден Славы. Это мы Каунас освобождали. Оттуда в Восточную Пруссию пошли, Клайпеду брали, она по-немецки Мемель называлась. У нас дивизия была такая – краснознаменная прорывная...

Чужая жизнь

...И вот перешли мы границу, и нас сразу предупредили быть осторожнее с едой, немец отравленные продукты везде оставлял. А в Восточной Пруссии много господских имений, там деревень почти нет, в основном хутора. Добротные дома каменные, пастбища, хозяйство. И работники в основном, конечно, наши, пленные или угнанные. Много из Ленинграда, девчон-

ки, молодежь, подростки. Были среди них те, кому хорошо относились, кормили нормально, а были и такие, кто жил в бараках под охраной, с собаками. У этих еле душа в теле держалась...

Про собак-саперов

...Вошли мы в Клайпеду. А там даже кошки не найдешь, пустой город и весь заминирован. Нас очень собаки служебные тогда выручили. Часто было так: саперы находят мину под домом, тонны полторы, а то и две взрывчатки. А часовой механизм где-то спрятан. Тогда пускают собаку, она идет тихонько, нюхает стену, а как найдет – лапу подымает. Сапер в этом месте ковыряет – и вот он, механизм! Много старинных зданий в Клайпедке разминировали с помощью собак...

Испытание косо́й

...Из Клайпеды нас вывели ночью, марш-бросок на 30 километров – и мы на косо́е. Она идет к Кенигсбергу, а там укрепление под землей с 1936 года – столовая, склад боеприпасов, общежитие и стационарные установки тяжелой артиллерии. Наша авиация туда тонны бомбы сбрасывала, и то не везде пробивала. Мы это укрепление

форсировали в январе 1944 года, а там морозы небольшие, лед слабый, прогибается. Под пулеметы мы подкладывали пластины типа лыж, следили, чтобы интервал между нами был 4-5 метров, и все равно много народу тонуло. Трудно там было. Воды питьевой нет, колодцы немец мазутом испоганил, везде мин нажимного действия понаставил, лошадей очень много на них подрывалось. Смотришь – у коня копыта нет, оторвано, а лошади там особые, огромные, не бегают, а ходят – тяжеловесы. И людям стопы отрывало. И вот как-то стою я на посту, пить хочется, а воды нет. Попробуешь морскую – а она горькая, зараза. И очень спать хочется, а нельзя. И я тогда придумал, как всех разбудить. Ящик гранат немецких притащил, штук 15 вынул – и давай их друг за другом взрывать! Народ прибежал: «Винокуров, что у тебя тут происходит?»

Фотохроника ВОВ

*Благодарность
Верховного
главнокомандующего
Сталина И.В. майору
Назарову В.Н.*

А я плечами пожимаю. Короче, стали они совещаться, что со мной делать, а командир говорит: «Да правильно он сделал, нечего спать на посту, молодец!»

Ранение

...После Кенигсберга нас отправили на уничтожение Курляндской группировки. Это уже 1945 год, и там меня 7 апреля под Тукумсом ранило. Я прикрывал саперов, они наводили мост, он заранее ими был заготовлен, только нужно было его через речку навести. Речка, она, не сказал бы, что глубокая, но подъездная часть плохая была, на лошади можно проехать, а нам надо было, чтобы техника перебралась и легкая артиллерия. Поэтому мост прокладывали не только через реку, но и на подъездные пути. Установил я свой пулемет «максим», засек две огневые точки, коробки три патронов расстрелял. Рядом помощник мой, Копец, фамилия у него такая, он по-немецки хорошо говорил, грамотный такой мужчина с Украины. Я его за патронами послал, а сам подтянулся из траншеи, крышку короба на пулемете открыл, и тут немец, зараза, нас обоих из пулемета и посек: Копцу грудь, а мне плечо. Я упал, но из траншеи сумел вылезти, она глубокая была, по шею. И бегом в санчасть...

Победа

...В госпитале в Риге лежал целый месяц. Боялся, что руку отнимут. А потом отправили меня на поезде в госпиталь под Кировом, це-

лый состав тяжелораненых. И вот там, в поезде, услышали мы, что война кончилась, Сталин по радио объявил. Как мы обрадовались! Я так со всеми обнимался, что гипс сломал...

Послевоенная жизнь

...В госпитале я 4 месяца пролежал. А после отправили меня на Урал, там немцы лес заготавливали, а я служил помкомвзвода. И оттуда уже демобилизовался. В 1974 году я стал сахалинцем. Сначала в Охе работал в СМУ-4, потом переехал в Катангли, строил буровые вышки. В 1988 году ушел на заслуженный отдых, переехал в Ноглики. В июне 2008 года получил еще одну военную награду – диплом и знак Форума «Общественное признание» за мужество и героизм, проявленные в Великой Отечественной войне...

*Советские солдаты
танцуют в минуты
отдыха*

БЛАГОДАРНОСТИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

22 июля 1941 года Верховный Главнокомандующий Иосиф Сталин в своем приказе № 241 объявил благодарность войскам Московской зоны ПВО и личному составу пожарных команд и милиции за успешное отражение налета немецко-фашистской авиации на Москву.

Это был первый приказ такого рода. Следующие благодарности были объявлены в конце 1941 года за освобождение Ростова, Керчи и Феодосии.

25 января 1943 года приказом по случаю побед, одержанных Красной армией под Сталинградом, на Дону, на Северном Кавказе, под Воронежем, в районе Великих Лук и южнее Ладожского озера, объявлялись благодарности войскам без указания частей и командования.

С лета 1943 года победные приказы стали выходить регулярно, олицетворяя достигаемые успехи Красной армии.

Благодарности, объявленные приказами Верховного Главнокомандующего, объявлялись перед строем каждой части, однако для большей персонификации на местах данные благодарности оформлялись в виде грамоты и лично вручались бойцам упомянутых в приказах соединений и частей.

Всего приказов, объявляющих благодарности войскам и соединениям, было выпущено более 375, из которых 373 номерных, а первые приказы от 25 января 1943 года и 2 февраля 1945 года не имеют номера.

Каждый такой приказ активизировал партийно-политическую работу на фронте, определял ее основные цели и направления в конкретных условиях военного времени.

Анна Харлампиевна ТОМИЛИНА

Родилась в Новосибирской области. Во время войны училась в Горно-Алтайске, в 1943 году добровольцем пошла в армию. Служила в Находке во 2-й бригаде торпедных катеров, затем в госпитале. Демобилизовалась в декабре 1945-го в звании старшины II статьи. Награждена орденом Отечественной войны II степени. На Сахалин приехала в 1962 году, работала учителем. Жила в поселке Ноглики.

Тыловая жизнь

...Когда началась война, я училась на втором курсе педучилища в Горно-Алтайске, получала специальность «Учитель начальных классов». Помню очень хорошо, что выходной был, день прекрасный, солнечный, радостный!

Анна Томилина

А у нас раньше ведь как – на столбах тарелки, и оттуда радио передавали. Я была у мамы, она работала кастеляншей в детдоме, оттуда иду и слышу – репродуктор объявляет, что началась война. Я пришла домой, говорю: «Папа, что же теперь будет?!» А у нас семья большая была, 9 детей, и он мне говорит: «Ну, теперь учиться ты не будешь, иди работай». Я говорю: «Как же я буду работать, у меня никакой специальности нет!» В слезы ударилась, на колени перед ним встала, прошу: «Папа, пожалуйста, отпустите меня учиться!» Он говорит: «Ладно, отпускаю, только на нас не надейся». Вот я и не надеялась, а жила на 400 граммов ржаного хлеба, который нам давали по карточкам, и на воде. Потом в Горно-Алтайск эвакуировали театр из Москвы, разместили его в нашем училище, а нас перевели на окраину города. Но мы доучились до конца. Уже потом, после армии, я окончила институт и преподавала русский язык и литературу...

Армия

...Призвали меня в июне 1943 года. Был клич с военкомата – кто желает идти на фронт? Я туда пошла, меня отправили на медкомиссию, и я всех врачей прошла без замечаний, здоровая была, только что голодная все время. И вот отобрали несколько девушек и повезли...

04.04.1923 г. – 13.02.2010 г.

Дальний Восток

...Везут, а мы понять не можем, почему мы едем не на запад, а на восток. Испугались, давай реветь, столько слез было! Едем и видим, как девушки на станциях копают лопатами траншеи, и перепугались совсем: думали, что у нас такая служба будет. И вот привезли нас во Владивосток. Встретили очень хорошо, с духовым оркестром, и стали распределять. У меня было законченное среднее образование, и меня направили на Русский остров. Там новобранцев учили всяким специальностям. Отучились и мы, десять девушек, и вышли оттуда с новыми профессиями: два штабных писаря, и я в том числе, три телефонистки, завскладом и четыре повара. Меня направили в Находку, в штаб 2-й бригады торпедных катеров. Я думаю: «Господи, да как же так? Я же на фронт хотела!» А мне и говорят: «Вы прибыли на место человека, который

ушел воевать. Он там нужнее, а вы нужны здесь и будете служить у нас...»

Писарь

...Работы у штабного писаря немало. Главной моей обязанностью было считать, сколько человек в наличии на берегу. Торпедисты служили вахтовым методом – полмесяца в море, полмесяца на базе. И вот я должна была учитывать каждый день перемещения личного состава, считать, сколько человек присутствует, на скольких готовить обед, и так далее. А у нас госпиталь свой был, ведь бригада торпедных катеров очень большая. И как-то пришел главврач ко мне и говорит: «Ты знаешь, я сейчас буду просить командира бригады, чтобы тебя перевели к нам». Я говорю: «Да пожалуйста, я не возражаю». Он договорился с командиром, и меня отправили в госпиталь. Три месяца всего я прослужила в штабе...

Госпиталь

...В госпиталь привозили с фронта тяжелых раненых, искалеченных. У нас было 30 коек для лежачих, и я ухаживала за ними, лекарства выдавала, кормила тех, кто не мог самостоятельно поесть. И вот там я служила до конца войны. Таких страданий там насмотрелась, что невозможно это все забыть. Однажды сама упала в обморок. Привезли человека, рука оторвана у него, держится на шкурке, сам без сознания. А я посмотрела на все это, в голове у меня зашумело, и я бухнулась. Тяжело было. Конечно, служба у меня была легкая по сравнению с теми, кто был на фронте. На разведку я не ходила, в боях не участвовала, но видела много тяжелораненых, безногих, безруких, всяких. Вот этого горя я насмотрелась...

Донор

...Я была донором. Группа первая положительная. Обычно делали так: закрепляли за мной раненого и кровь, которую брали у меня, переливали только ему. А потом, когда он поправлялся, вывешивали фотографии донора и спасенного с его помощью пациента. Много было таких, кому помогла моя кровь, я все время, пока служила, была донором...

Любовь

...Любовь? Да какая там любовь! Хотя за мной многие ухаживали. Нас, как привезли в

Фотохроника ВОВ

Анна Томилина (слева)
с мужем после войны

Фотохроника ВОВ

бригаду, там дневальный в то время находился, старшина первой статьи, он встретил, радостный такой. Когда это вспоминаю, мне так смешно... Комнатку нам отвели, поселили, а в субботу, как принято там было, отдых и обязательно танцы. Я девчонкам говорю: «Вот что, мы здесь новенькие. Парни всякие есть, поэтому никому ничего не вздумайте обещать! Никаких любовей!» И вот пришли мы на танцы, и все давай нас наперебой приглашать, даже очередь установили! Но не все меня послушали, двух девушек у нас демобилизовали по беременности...

Победа

...Как узнали о Победе? А по радио, мы его постоянно слушали, так и узнали. Помню, как из репродуктора говорили: «Радуйтесь, война закончилась!» У нас клуба не было, так мы в столовой веселились, праздновали Победу. Но тут началась война с Японией, слава Богу, она недолго была. Я видела пленных японцев, их в Находку привезли. Какие они культурные люди, не то что наши мужчины. В чистой хорошей одежде, белые перчатки до локтей, хотя работали на земле, около госпиталя надо было трубы проложить, и японцы копали траншеи. Хорошие люди, самое лучшее впечатление они на меня произвели. Кормили их хорошо у нас, ну а потом, когда война закончилась, кто-то на родину в Японию уехал, а кто-то остался. А нас держали в армии до декабря 1945 года...

Демобилизация

...Когда демобилизовалась, вернулась домой. А мама мне говорит: «Ты знаешь, твоя подружка по училищу, Катя, без ноги». Я говорю: «Как без ноги?!» Оказывается, она дежурная по станции была, и ей поездом отрезало ногу. Несчастный случай. А мать ее умерла, и Катя очень тяжело живет. И я к ней в Горно-Алтайск поехала. А там в районе узнали, что я вернулась, меня пригласили и сразу предложили работу в школе. И вот с тех пор, с января 1946 года, и всю жизнь я работала учителем...

Мирная жизнь

...После войны я одна не была. Молодая, мужчины ухаживали. Когда начала работать в школе, познакомилась с офицером. Начали

Анна Томилина

встречаться, и встречались 9 месяцев, вынашивали свою любовь, как женщина ребенка. А потом он говорит: «Ну сколько можно? Давай поженимся!» И поженились, его фамилию я и ношу с тех пор. Но толку-то от этой женитьбы мало было. Он до войны совсем не пил. А на фронте давали по 100 граммов водки, и он пристрастился. А был очень хороший фотограф, павильон у него имелся свой, зарабатывал большие деньги, стал пить, избаловался, и пришлось нам разойтись. Но 12 лет мы с ним прожили и нажили двух девок. А мне после развода хотелось куда-нибудь подальше уехать, и вдруг вижу объявление: набирают-

ся учителя в Сахалинскую область. Я обрадовалась, написала заявление, мне тут же прислали вызов, и я уехала на Сахалин. Вышла здесь замуж, больше 30 лет с ним прожила, и так моя жизнь здесь и прошла...

Анна Томилина после войны с подругами

Анна Томилина с семьей

Александр Ильич КРУГЛИКОВ

Александр Ильич родился 1 ноября 1926 года в селе Бубенчиково Маслянинского района Новосибирской области, 14-й ребенок в семье. Мать Кира Ивановна всю жизнь проработала дояркой в колхозе, а отец Илья Моисеевич – плотником. Освобождал Прагу, расписался на Рейхстаге. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За освобождение Праги», имеет благодарность от И. В. Сталина, а также множество юбилейных медалей.

Начало войны

Война настигла меня в 15 лет, к этому моменту я уже успел закончить пять классов. До 17 лет работал в совхозе трактористом. В марте 1943 года призвали в армию, прошел курсы молодого бойца, по окончании которых был направ-

лен в г. Тюмень для прохождения службы. В мае 1943 года после окончания танкового училища в г. Курган отправился прямиком на фронт.

Боевой путь

Первое свое боевое крещение получил танкистом на 1-м Украинском фронте. С боями прошел территорию Западной Украины, Польши, Германии, Чехословакии. В 1945 году был участником боев за освобождение Праги, а также боев за взятие Берлина, где расписался на стене Рейхстага. До 1947 года продолжал воинскую службу на территории Германии, Австрии. Был командиром отделения 53-го танкового полка 3-й отдельной танковой армии. Закончил службу в звании сержанта.

Родился 1 ноября 1926 г.

Мирная жизнь

В 1947 году по направлению Министерства обороны в числе строительного батальона прибыл на Сахалин. Полтора месяца ехали мы в г. Поронайск на восстановление объектов народного хозяйства. Трудиться пришлось в лесу, круглый год пилили деревья, зимой сколачивали поддоны и сплавляли их по реке. В июле 1950 года я демобилизовался из рядов Советской армии. Именно в Поронайске познакомился со своей будущей супругой Надеждой Нестеровной. Она была медсестрой на фронте, а после завербовалась на Сахалин. С выбором жены мне повезло:

Александр Кругликов с товарищами

Александр Кругликов с женой и детьми

очень воспитанная и добрая она была. Неудивительно, что прожили мы 63 года рука об руку. У нас 3 детей и 9 внуков, всеми горжусь.

Макаров

Уже вместе с женой мы приехали в г. Макаров, и оба стали работать на ТЭЦ целлюлозно-бумажного завода. После прохождения курсов в Южно-Сахалинске я стал работать машинистом водогрейных котлов. С самого детства тянуло меня к механике, нравилась мне работа, поэтому всегда был передовиком. После трех лет работы меня повысили, стал старшим смены. За 42 года работы я многое повидал. На моих гла-

зах построили новую котельную, и я сам уже обучал людей. Конечно, случались и ЧП, два раза мне приходилось тушить пожары на ТЭЦ. За добросовестный труд был награжден медалями «За трудовое отличие», «Ветеран труда», знаком «Победитель социалистического соревнования», неоднократно награждался грамотами и все время моя фотография была на Доске почета.

Пожары

Когда приехал в Макаров, город был барачного типа, поэтому дома горели каждый год. Так потерял я свое жилье. Пока с женой были на работе, много чего унесло пламя – фотографии, награды, документы, вещи, сгорело и хозяйство, которое в течение 20 лет накопилось. Когда в 60-х годах началось строительство четырехэтажных домов, моя семья получила благоустроенную квартиру, в которой до сих пор живу.

Очень люблю сахалинскую природу, наверное, она чем-то напоминает родную Сибирь. Все свободное время раньше проводил на сопках, собирая ягоду, или на рыбалке. Любовь к технике также не прошла бесследно: как только появлялась новая марка мотоцикла, я ее сразу приобретал. Не любил сидеть на месте, и с дружным коллективом передовиков ездили на экскурсии, курорты и просто на природу.

О любимом городе

Вот уже несколько десятилетий я являюсь почетным жителем Макарова. Это место стало для меня родным. Городок маленький, уютный, комфортный для проживания, все рядом – больница, магазины, организации. С 1991 года я нахожусь на заслуженном

отдыхе, но почти все это время являюсь членом районной ветеранской организации. Стараюсь воспитывать молодежь на нашем примере ветеранов Великой Отечественной войны. Рассказываю ребятам, как пришлось нам выстоять в нелегкое военное время, несмотря на то, что мы тогда были такими же молодыми, как они сейчас.

Фотохроника ВОВ

Николай Федорович ГУРЕЕВ

Родился 24 мая 1926 года в селе Решетово-Дуброво Липецкой области. С июня 1942 года работал на оборонительных сооружениях под Воронежем: рыл окопы, строил дзоты и доты. Был призван в армию в 1943-м, в течение года проходил военную подготовку. Затем отправлен на 1-й Прибалтийский фронт. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За победу над Германией», орденом Отечественной войны II степени. После войны был откомандирован на Дальний Восток. С 1947 года живет в Холмске. Почетный житель города Холмска.

Начало

История нашего Отечества не знала таких войн, как которая началась в 1941 году. Это самое страшное событие в жизни любой страны, любого человека. Мы, мальчишки, девчонки, в одночасье

Николай Гуреев

повзрослели. И стали первыми помощниками и опорой для оставшихся пожилых людей.

Пришло горе и в мою семью. В первые дни войны более 20 раз вступал в бой мой двоюродный брат, находясь на службе в пограничниках. В июне готовился уволиться в запас, но погиб, это произошло в 1941 году. А в 1942 году 22 мая погиб мой папа, и оба они погибли на Ленинградском фронте. Это далеко не полный перечень людей, которых я потерял. Если не считать моего дядю, он был офицером и погиб под Москвой.

А в апреле 1943 года меня самого призвали в Красную армию, вначале учеба была – курсы молодого бойца. А затем весной 1944-го меня отправили на 1-й Прибалтийский фронт в Белоруссию. В июне я был ранен, вот об этой истории расскажу подробнее.

Ранение и медаль спустя 60 лет

Это все очень сложно вспоминать. В апреле 44-го я был переведен в маршевую роту на 1-м Прибалтийском фронте, в июне пошли на прорыв. Я был в таком подразделении в то время, предназначение которого заключалось в разведке боем. Перед операцией мы вышли на исход-

Родился 24 мая 1926 г.

ный рубеж, нам сказали окопаться. Мы окопались. Затем скомандовали перейти на столько-то метров, продвинуться вперед на столько-то метров. Мы прошли, снова окопались. А через некоторое время вновь подадут команду продвинуться вперед, затем вправо на энное количество метров и быть готовыми, окопавшись. А как окопаться? Это же Белоруссия! Там болота кругом. И если вначале, когда мы окапывались, мы подстилали под себя брезентовые палатки и ложились, то на втором и третьем рубеже – это было сделать невозможно! К этому времени, когда мы должны были переместиться на другой участок, мы попали под артиллерийско-минометный обстрел немцев.

Нам досталось сильно, в живых осталось очень мало. Я уже был ранен, первую перебежку сделал, залег в воронку. Есть такое правило: если снаряд взорвался, можешь спокойно в воронку лечь и быть в безопасности, потому что снаряд может второй раз и не попасть туда. Но сколько не лежи, а нужно было продвигаться вперед, несмотря на ранение. И командир роты нашей тоже был тяжело ранен. И он меня позвал: «Сынок, перевяжи мне ногу быстренько!» Я ему перевязал ногу, он написал записку, протянул ее мне и велел идти туда-то. Я вынужден был возвращаться обратно, снова перебежки, ползком на исходный оборонительный рубеж. И больше я на фронт не попал. Меня эвакуировали в госпиталь. И с июня по сентябрь я лежал в госпиталях. Вот, таким образом, никаких наград в то время не получил. За тот эпизод награду мне вручили спустя почти 60 лет! Представляете? Обстоятельства были самые будничные: в мае 2004 года я лежал в больнице, 24 мая отпраздновал в кардиологическом отделении свой день рождения, а 26-го мне пришли и вручили ту самую медаль «За отвагу».

День Победы для младших лейтенантов

После лечения в госпитале меня направили на окружные курсы младших лейтенантов Южно-Уральского военного округа. На окружных курсах проучился я по май, и мы уже готовились к государственным экзаменам. Во время учебы я и встретил Победу.

Ранним утром 9 мая все из нашего училища были на плацу во главе с генерал-майором Серюковым. Как правило, начальник окружных курсов проводил вместе с личным составом физическую подготовку. Мы приготовились к обычному расписанию, вдруг прозвучали позывные Москвы, а затем по радио объявили, что закончилась война

и подписана капитуляция. Услышав это известие, генерал-майор каждого курсанта расцеловал! И естественно, все радовались, обнимались. Но все-таки это ликование и гордость были смешаны с горем.

Мирная жизнь на островах

А служба продолжалась долгие годы. В 1946 году я был командирован на Дальний Восток, вначале на Курилах был, на знаменитом острове Матуа, который был стратегическим объектом у Японии, там размещался аэродром. Но 9 ноября 1946 года на острове началось извержение вулкана Сарычева, и наше отдельное Краснознаменное стрелковое подразделение эвакуировали на Сахалин, в Сокол. А из Сокола меня откомандировали в Холмск. Здесь я живу с 1947 года. С воинской службы я уволился зимой 1954-го, в январе месяце 1955-го приступил к работе на гражданке. Тяжелейшее время было, большие сокращения. Нигде нас, бывших фронтовиков, не брали, потому что мы не имели ни образования, ни специальности. А нужно было жить, воспитывать детей, содержать семью, ведь я к этому времени был семейный человек. Но

Николай Гуреев
с товарищами

Николай Гуреев

Солдатская
книжка Гуреева

все обошлось. Начал учиться в вечерней школе, потом окончил техникум. Прошел профессиональный путь от заместителя директора кафе до заместителя директора торгова, был председателем рыбкоопа, начальником торгового отдела исполкома. Когда я возглавлял рыбный кооператив, наш рыбкооп единственный в Сахалинской области был поощрен почетной грамотой ЦК партии.

Не забыли мои труды, которые я прилагал в нашем районе, да и в армии. В 2007 году было мне присвоено звание «Почетный гражданин Холмска». Воспитал детей, сына и дочь, они получили образование. Уже шесть внуков и правнуки есть. Живу один, супругу в 2004 году похоронил. Не прекращаю свою общественную работу. Являюсь заместитель председателя Совета ветеранов. Но основная моя задача другая – не забывать историю, излагать события и факты о Великой Отечественной войне в истинном свете. Я считаю, что это важно для тех, кто воювал, – донести до наших внуков и правнуков правду без фальсификаций и искажений.

Николай Гуреев

Николай Гуреев
с товарищами

Переселенцы

Новых сахалинцев и курильчан привлекали на территорию островов особыми условиями:

1) Освобождение от налогов и страховых платежей.

2) Единовременная материальная помощь – 3 тысячи рублей на главу семьи и по 600 рублей на других членов (средняя зарплата по стране в те годы составляла 442 рубля, а в сфере сельского хозяйства она была в два раза меньше).

3) Новое жилье.

4) С колхозников списывали все долги – иногда из-за этого на острова переезжали целые колхозы. С этих времен остались географические названия некоторых поселков и улиц наших городов. Бесплатно одна семья переселенцев могла перевезти до 2 тонн имущества (бессемейные – до полутонны).

Запасы продовольствия тоже не пропадали – они возвращались на новом месте через обменные квитанции.

У приезжающих на Курильские острова управленцев официальная зарплата была в два раза больше, чем в среднем по стране, а у переезжавших на Сахалин – на 50% больше.

Но в реальности не все было так радужно. На официальном уровне остро стояла проблема жилья – в первый год переселения успели построить только 15% домов от общего плана. Большинство переселенцев-рыбаков жили в отремонтированных старых домах, в которые часто приходилось заселять сразу несколько человек. Из-за кладки кирпичных печей многие дома легко воспламенялись.

Улицы в японских городах были узкие, здания стояли вплотную друг к другу, пожар распространялся быстро – для остановки огня дома не тушили, а разбирали. У крестьян ситуация была лучше – к 1947 году у каждой семьи был собственный дом или квартира.

В 1949 году поддержка переселенцев ослабла – единовременные выплаты уменьшились в два раза, на постройку жилья частным лицам и организацию хозяйства колхозам стал выдаваться льготный кредит (половину долга гасило государство). Тех, кто плохо работал или выходил из состава колхозов, наказывали лишением льгот и взысканием государственных трат на переселение. К середине 1949 года на Сахалин прибыли 11 тысяч семей (7,5 тысячи – в рыбацкие колхозы), однако треть из них почти сразу отправилась обратно. В 1950 году с островов уехала половина переселенцев – 55,1%.

Новых жителей переправляли по морскому пути с помощью пароходов. Долгое время это был единственный нормальный способ – паромную переправу до Холмска откроют только через 30 лет. Транспортную проблему должен был решить 10-километровый тоннель между материком и северной частью Сахалина, строительство которого началось в первой половине 1950-х годов, однако этот про-

ект не был завершен из-за дороговизны и смерти Сталина.

В. Говорков «Всей семьей на новые места»

Клавдия Алексеевна КОНЬШИНА

Родилась в Днепрпетровске в 1925 году. Во время войны служила медсестрой в госпитале, позже стала связисткой. После войны вернулась в медицину. На Сахалине с 1947 года. 40 лет возглавляла общество Красного Креста г. Холмска, награждена Почетным знаком РКК. Почетный донор СССР.

Война. Начало

...Когда началась война, мне было 17 лет. У нас была очень большая семья, папа – военный. Вначале жили мы в Днепрпетровске, на Украине, а потом отца перевели в Чапаевск, это Куйбышевская область. В этом городе находилось несколько военных заводов, и из-за этого он был на особом положении. На одном из заводов с первого дня войны работала моя сестричка, она

Фотохроника ВОВ

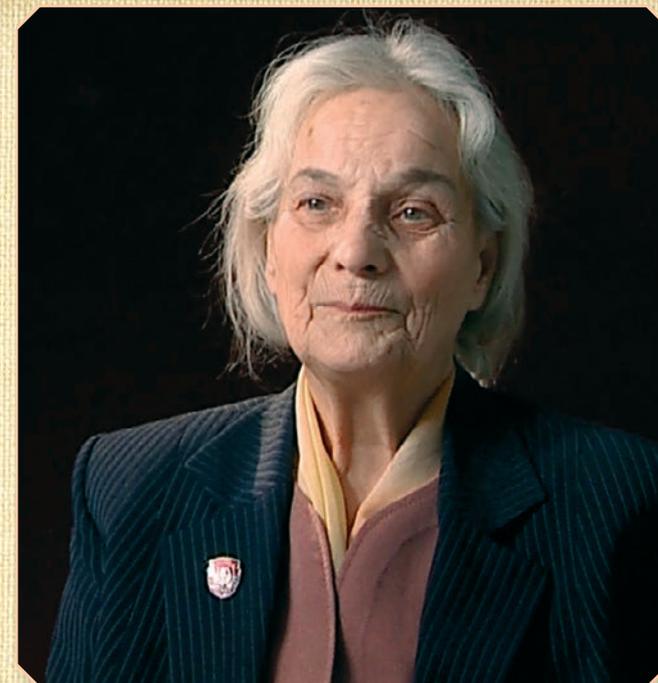
была старше меня, а я была двойневая, у нас в семье пять двоен было, и я с братом была в третьей двойне. Брат мой погиб под Москвой, и еще много погибло моих братьев и сестер. После войны нас у мамы всего шестеро осталось...

Медицина

...А я пошла работать в госпиталь. После окончания школы подала документы в институт, но тут война началась, и нас всех сразу кого куда распределили. Меня направили на 6-месячные курсы медсестер. С 8 утра до 12 мы учились, а с 14 и до утра работали в госпитале. Причем спрашивали с нас так же, как с опытных медсестер, несмотря на то, что мы еще учились. А я такая бойкая была, посмотрели на меня и назначили в операционную. Я выдержала это испытание, сдала экзамены и стала работать операционной сестрой. Окромя этого у меня еще было четыре палаты послеоперационных больных, которых я полностью обслуживала...

Авария

...Однажды в 6 утра в Чапаевске вдруг раздался страшный взрыв. Это нужно было слышать! У меня до сих пор мурашки, когда я об этом вспоминаю. Оказывается, на военном заводе, где работала моя сестричка, взорвался цех. Там как раз пересменка была, одни принимали смену, другие

14.02.1925 г. – 05.10.2012 г.

сдавали, очень много людей было, и как раз в этот момент там произошла авария. Помню, выскочила я на улицу, вокруг люди кричат, все бегут, обломки летят, их взрывной волной на несколько километров по всему городу разбросало. Подбегаю, а возле завода столпотворение. Там был мост, люди с него падали, разбивались, это было страшно. Горело трое суток. Мой дядя, мамин брат, был начальником ремонтных мастерских на заводе, он вообще оттуда не выходил, когда его восстанавливал, просто жил там. И сестричку мою три дня не отпускали домой, а в самом городе еще неделю хоронили тех, кто погиб при взрыве...

Донорство

...Когда я работала в госпитале, стала донором. Срочно нужна была кровь одному мальчику,

Актриса Надежда Велер сдает кровь, 1942 г.

звали его Асаулов Марк, привезли его без рук, без ног, но мы ж должны ему помощь оказать. И вот нас, медсестер, спрашивают: «Кто может кровь сдать?» Мы все переглянулись, никогда же этого не делали, а потом я вызвалась. И с этого дня я сдавала кровь постоянно. Но первый раз, я хорошо очень помню, это было прямое переливание крови. Мальчик лежал на своей коечке, а я рядом на кушеточке, и через катетер ему переливали мою кровь. Вначале, когда укололи, вроде испугалась, а потом успокоилась. После встала – и голова у меня закружилась. Говорю девчонкам: «Хоть бы кто мне кружечку чайку дал...»

Смена профессии

...Я очень хотела на фронт, несколько раз писала заявление в военкомат, но меня так и не призвали. Мы, медроботники, нужны были и в тылу. Раза 3-4 мы туда с девчонками ходили, но

получили полный отказ. Я все равно освоила профессию, которая, как мне казалось, поможет попасть на фронт. Проработав около трех лет медсестрой, я узнала о курсах клопферистов, где изучали азбуку Морзе, работу на клопфере и аппарате Морзе и других телеграфных устройствах. Продолжала работать в госпитале, а сама туда бегала заниматься. Окончила курсы, пришла в военкомат и говорю: «Если не хотите меня отправлять на фронт, тогда возьмите в связь, вот мое удостове-

рение». И меня сразу отправили работать в отделение связи, на телеграф. Я работала на клопфере, на Морзе, на бадю, на котором научилась до 120 слов в минуту передавать, а еще на СТ-35. Работали мы и на передаче шифровок, и это было самое главное...

День Победы

...Была на смене, только отошла, и тут слышу – ключи стучат. Думаю – что-то такое экстренное. У нас был такой сигнал: если начинает часто ключ бить, значит, что-то срочное сейчас передадут. Думаю: «Господи, неужели что-то случилось?» Беру ленту – а там точка – точка – тире – точка – тире – морзянкой передано одно слово

– Победа! Я ленту оборвала, бегу по отделению, кричу: «Девочки, Победа, война кончилась!» Выскакиваем на улицу, наше отделение связи рядом с железнодорожным вокзалом, людей полно, и никто ничего не знает. Ну мы и давай кричать «Победа! Победа!» Как все обрадовались! Незнакомые люди обнимались друг с другом, целовались, плакали от радости, в тот момент все как родные стали...

Сахалин и Курилы

...А потом решила я отправиться на Сахалин. В 1947 году приехала на остров по комсомольской путевочке. Работала в железнодорожной больнице, вышла замуж, с мужем уехала на Курилы. Долго там работала, дочь родила, потом переехали в Холмск. Я на пенсию вышла в 1974 году, но продолжала работать медсестрой. Все думала: вот еще немного, и уйду – и так проработала до 1996 года. Трудовой стаж у меня – 60 с лишним лет.

Фотохроника ВОВ

Владимир Филиппович ГАЕВСКИЙ

Родился в Белоруссии в селе Выдрица Ореховского района Витебской области. В 1944 году, когда советские войска освободили республику от фашистской оккупации, был призван в действующую армию. Служил пулеметчиком в пехоте. В составе 3-го Белорусского фронта дошел до Берлина. Принимал участие в освобождении Литвы, Латвии, Калининграда, Германии. Победу встретил у Рейхстага. Награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», орденом Отечественной войны. На Сахалине с 1956 года. Работал водителем в леспромхозе. За свой труд награжден медалью «Ветеран труда», знаками «Победитель соцсоревнования».

Фотохроника ВОВ

Война

...Когда началась война, мне было 17 лет. Я тогда после окончания 5-го класса учился в ФЗО, это фабрично-заводское обучение. Мой отец был военным, в звании капитана служил в танковых войсках. Когда началась война, он приехал домой, прям в танке подъехал к самому крыльцу. Я ему говорю: «Ну возьми меня с собой!» А он мне отвечает: «И куда ты поедешь? Корми братьев!» А нас было 9 детей в семье, и отец оставил меня за старшего. Когда он погиб, был уже майором, похоронка в 1942 году пришла...

Дорога на фронт

...Вот так я и остался

Родился 20 марта 1924 г.

дома, зарабатывал на семью, ходил по деревням, сапожничал, шил обувь. Я хорошо научился это делать, приносил домой еду – зерно, картошечку... Про оккупацию вспоминать не хочу. Но очень хорошо помню, как уже после просился на фронт. Пять раз приходил в военкомат, но меня все время отправляли назад, говорили прийти через неделю. А я же с сумкой, 25 километров туда, столько же назад, такси ведь не было, какое тогда такси? И вот не брали меня, не брали, а потом приезжаем мы с одним парнем, он младше меня, до сих пор в Белоруссии живет. Помню, нас мать его провожала. И вот тогда меня забрали в армию, был это 1944 год. Набралось нас тогда много, на завтра загрузили в эшелон и прямо на фронт нас и отправили. Приехали на

место, а там «покупатели» – офицеры, которые ждут пополнения. И вот отсчитали нас с десятков – и сразу затолкали в окопы. И мы, как напуганные вороны, оглядываемся, осматриваемся, а там то убитый, то раненый. Вот такое у меня первое знакомство с фронтом было...

Первое оружие

...Первое оружие мне попало интересное. Я возмущался и у всех спрашивал: «Где его взяли?!» Это была трехлинейка Мосина со штыком, выше меня ростом. При выстреле била в плечо так, что я боялся стрелять, а потом стал приклад под мышку засовывать, чтобы отдача меньше была. Потом ее у меня забрали и дали маленький карабинчик. Это было настоящее оружие. Я с ним всю войну прошел. И спал с ним, и кушал, и в наступление ходил. Хороший карабинчик, легкий такой. Одной рукой можно было стрелять...

Военные дороги

...Начал я воевать под Минском. Ну и оттуда двигались мы дальше, куда нас командование отправляло. До границы дошли, там собрали нас всех в овраг, чтобы видно не было, и командующий фронта говорит: «Вот перейдем границу, немцев победим – и будем хорошо жить». С этой мыслью и воевали...

Военная специальность

...Моя военная специальность – солдат. Я сначала пулеметчиком был, станковый пулемет, знаете такой? Максим его называют. Помню, наши ленты пулеметные – по 250 патронов. А потом, когда ранило меня, я попал в другую часть, в запасной полк, снова пришли «покупатели», и я опять отправился в пехоту. Правда, меня легко ранило и один раз, и второй.

Советские солдаты дают прикурить немецким военнопленным. Автор Макс Альперт

Медаль «За отвагу»

...Взяли мы один населенный пункт в Германии, не помню, как он там называется. И вот за эту операцию меня и представили к награде. Я же пулеметчик, прикрывал ребят, когда они в атаку шли. Сначала, конечно, разведчики туда отправились, разведали, что там да как. Потом пехота пошла. Мы обязательно учитывали опыт немцев, нам командир всегда говорил: «Помните, что по ту сторону коварный,

«...Когда уходил на фронт, отец мне сказал: «Пойдешь на войну – не бегай, не суетись. Пехота всегда сама спасается». Сейчас не могу ответить на вопрос, было мне страшно на войне или нет. Я уже не помню. Но мне кажется, что я не боялся...»

Красноармейцы
маршируют
по городу
Шнайдемоль.
Февраль 1945 г.

агрессивный, опытный враг. Будьте внимательны и бдительны». Они вроде отступили, но оставили так называемое гнездо, в котором засели автоматчики и стреляют во все стороны. И, когда началась эта стрельба, нам дали команду их ликвидировать. Ну и вот таким образом мы и разобрались с этим гнездом – подошли, обнаружили засаду, окружили, заставили их сдаться. Семь человек их было. За это и получил медаль. Вот так мы и работали на войне. Наше дело такое – «Становись! Вперед!» – и пошли...

Отцовский опыт

...В окопах воевать проще. Там больше возможностей жизнь спасти. Мой отец все войны прошел – и финские, и германские, и польские – всякие. Когда уходил на фронт, он мне сказал: «Пойдешь на войну – не бегай, не суетись. Пехота всегда сама спасается». Сейчас не могу ответить на вопрос, было мне страшно на войне или нет. Я уже не помню. Но мне кажется, что я не боялся...

Про товарищей

...Ребята хорошие рядом со мной воевали. Все друг за друга горой, всегда помогут, выручат. И командиры у нас были хорошие, молодые парни. Помню, один лежит на нарах и зарядку делает – руками машет, ноги задирает и нас тербит, дескать, давайте тоже занимайтесь. И я ему сказал: «Слышь, товарищ лейтенант, отстань ты с этой зарядкой, скоро у нас другая зарядка будет...» А мы собирались в наступление. И вот пошли, начался бой, и лейтенанта этого сильно ранило. Санструкторы забрали его, увезли в госпиталь, и больше мы с ним никогда не встречались...

Про немцев

...Мне вспоминается один случай. Рота наша была в наступлении и наткнулась на роту немцев. Завязалась перестрелка, и пуля попала прямо в замок моего пулемета, в затвор, повредила его. И я думаю: пойду погляжу, может, у немцев есть что, чем пулемет отремонтировать. Подхожу, а там пять человек убитых лежат. Наклонился я над ними, а один глаза вдруг открыл, и я перепугался! Побежал, доложил старшине. Он отправил сержанта разобраться. Тот немца, конечно, добил... Немцев мы и в плен брали, и сами они сдавалось. Особенно в последние дни войны. Вот, например, их окоп

Медсестра Колесникова
эвакуирует раненого
солдата на собачьих
упряжках. 1943 г.

До границы дошли, там собрали нас всех в обрэг, чтобы видно не было, и командующий фронта говорит: «Вот перейдем границу, немцев победим — и будем хорошо жить». С этой мыслью и воевали...

— и наш. Немец подходит к нашей траншее, руки вверх — значит, сдается. Много их в плен сдавались. Однажды уже в Германии, в одном городе мы обнаружили 500 немцев повешенных. Они не хотели уже воевать, и их казнили, а на грудь каждому повесили табличку с надписью «Предатель».

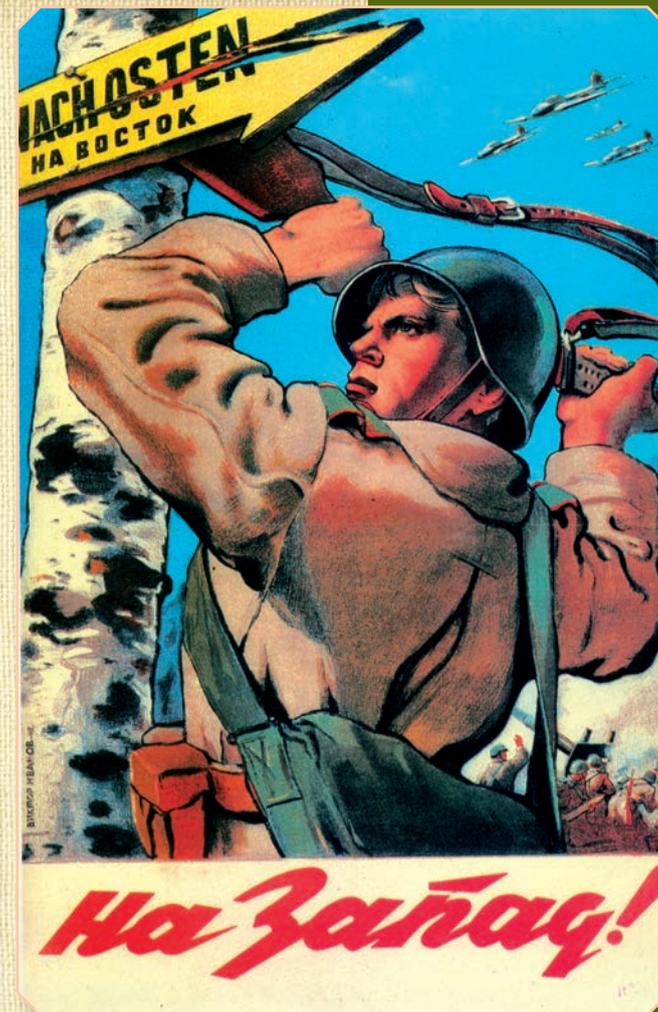
Я не боялся немцев ни тогда, когда они оккупировали Белоруссию, ни после, когда освобождал Европу. К концу войны они совсем опустились, очевидно, поняли, что ничего из их затеи не выйдет...

Победа

...Когда объявили Победу, я с ракетницей ходил, салютовал. Было это в Берлине, у самого Рейхстага. Кругом все сверкает, стрельба, ракеты, артиллерия, все кричат: «Победа! Победа!» Радость была большая, все обнимали друг друга, смеялись и плакали одновременно, потому что у многих погибли родные и близкие. Отец мой под Москвой, братья тоже с войны не вернулись. Вот такая была моя Победа...

Мирная жизнь

...После окончания войны я еще 3 года служил в авиационном полку. В 1948-м вернулся в Витебскую область, в город Орша. Окончил курсы водителей, женился, родились дети. А в 1956-м по вербовке приехал на Сахалин, поселился в селе Горки, потом переезжал в Поронайск, в Оноры, в село Ясное. Работал в леспромхозе, оттуда ушел на заслуженный отпуск, переехал в Тымовское. Тут и живу...

Автор В. Иванов.
«На Запад!», 1943 г.

Боец Красной армии Катя Сивак
регулирует движение на улицах
Берлина. 1945 г.

Мария Петровна ЛУКЪЯНОВА

Родилась 28 августа 1922 года в деревне Тамбовской области. Во время Великой Отечественной войны была медсестрой. Вместе с полевым госпиталем от Москвы до Польши спасала раненых солдат. После войны приехала работать на Сахалин. Жила в селе Таранай Анивского района.

Начало войны

В 1941 году я жила в Тамбове, училась на медика. Накануне 22 июня мы как раз отметили выпускной вечер, а утром пришло известие о том, что началась война...

Документы об окончании школы нам не выдали, отправили в военкомат. Там данные всех

Мария Лукьянова

выпускников переписали и сказали, что вызовут, когда мы будем нужны. Возраст у меня был допризывной, мне еще не было 18 лет, а день рождения у меня 28 августа, поэтому мне велели ждать.

Наступила осень, но вызова не поступало. В это время немцы подходили к Москве. А поскольку Тамбов от столицы расположен недалеко, было принято решение собрать всех допризывников и отвезти подальше. Чтобы мы не оказались в оккупации, в случае если немцы захватят Тамбов. Собрали целый состав молодежи и повезли железной дорогой на Урал, где формировались воинские части. Много набрали нашего брата! Сначала прибыли в Ульяновск в военкомат, поселили нас в пионерской комнате. Несколько дней там провели, спать негде – только стол и стулья. На вторые сутки нам выделили большой чайник, принесли сахар и хлеб.

В части отправляли по пять человек. Я подружилась с одной девушкой, она с семьей до войны жила в Белоруссии. Мать ее работала на железной дороге. Она в Витебске посадила дочь в вагон и сказала: «Езжай, я потом подъеду, сейчас работы очень много». Так эта девушка приехала в одном платье и туфельках, а уже холодно было. Мороз стоял, и первый снег лег. И мы тамбовские впятером пошли к военкому. Он в первый день нас выгнал. Мы пришли утром следующего

28.08.1922 г. – 14.10.2010 г.

дня, он приказал нас оформить на довольствие. Так и попали мы в только что сформированный передвижной госпиталь.

Работа в госпитале

Активные бои в тот период шли под Воронежем, нас с передвижным госпиталем отправили туда. Обосновались в небольшом городке под названием Усмань. Раненых привозили очень много, прямо с поля боя. Мы обрабатывали раны, перевязывали, тяжелораненых отправляли в тыл. Трижды сдавали Воронеж, три раза его обратно отвоевывали – ужас что там творилось! Мясорубка. Работали днем и ночью. Затем, когда от Воронежа и Москвы немцев отогнали, нам стало повеселее, полегче. Но раненых все равно было много: привозят поездами, мы их обрабо-

таем и дальше отправляем. Я молоденькая была, солдаты постарше называли меня дочкой, а по-моложе обращались просто по имени.

Наш госпиталь переезжал вслед за боями. Помню, остановились в Житомире, а там неподалеку поле, на котором летная часть стояла. Ребята из части услышали, что мы прибыли, и пришли знакомиться – молоденькие все ребята, веселые. Но через три дня их подняли в небо, наших летчиков. Больше встретиться не получилось.

Финал войны. Польша

Позже расположились мы в городе Ченстохове. Поселили нас в костеле, красивейшее здание, жили мы в кельях. Там тишина удивительная и уединение.

Было очень тепло, стоял апрель. Был какой-то праздник местный. Люди на коленях молились прямо на улице. А мы услышали, что в городе икона есть чудотворная. Нам рассказали, что всю войну она «плакала» от горя. Мы не поверили и решили своими глазами взглянуть. Пошли в костел, а мужчина у входа нам говорит, что опоздали. Оказывается, икона серебряным щитом закрыта и открывают ее только два раза в день. Так и не удалось увидеть Черную Мадонну, Богоматерь Ченстоховскую.

Мы продолжали работать – принимать раненых. Вот однажды мы пришли в госпиталь, а ночная смена уже знала, что война кончилась. Ребята от радости нас начали трясти, поднимать в высоту. Вот такие ребята здоровые там подобрались. Мы не поймем в чем дело. А они говорят: «Война закончилась!» Затем музыка во дворе заиграла, раненые танцевали.

Война кончилась, а командование еще не решило, куда нас распределить. Сказали, что на Дальнем Востоке будет война, готовились к переброске из Польши. А мы уже привыкли к та-

кой жизни, война так война. Через некоторое время госпиталь переехал в Австрию. Долгое время мы просто ждали какого-то приказа. Уже лето было на исходе, а мы все еще были ни туда ни сюда. Нам выделили деньги, чтобы мы смогли что-нибудь купить. Мы собрались, поехали, помню, что я выбрала себе летнее пальтишко, легкое такое, костюм и юбочку, и по мелочи кое-что. Было очень красиво. Но фотографии ни одной не осталось, все потеряла.

Сахалинский период

После войны вернулась в деревню родную в 20 километрах от Тамбова. Отдохнула, потом настала пора работу искать. Приехала к сестре в город, у нее своя жизнь – семья. Наткнулась на объявления о вербовке на Сахалин. Я вместе с подругой записалась и решила уехать работать на остров. Поезд подошел, и мы отправились на Сахалин. Ни разу не пожалела. Вышла замуж здесь, родила трех замечательных детей: сыновей и дочку. А теперь есть и следующие поколения семьи – мои дорогие внуки.

Фотохроника ВОВ

Мария Лукьянова (вторая слева в верхнем ряду) вместе с коллективом госпиталя

Николай Павлович БЕСПАЛЫЙ

Родился на Кубани 5 марта 1925 года. На фронт ушел добровольцем, служил в танковом десанте. Освобождал Кавказ, Украину, Польшу, воевал в Восточной Пруссии. После тяжелого ранения был отправлен в госпиталь, там и узнал о Победе. Награжден медалью «За победу над Германией», орденом Красного Знамени, кавалер ордена Красной Звезды. На Сахалин переехал в 1950 году, обосновался в Аниве.

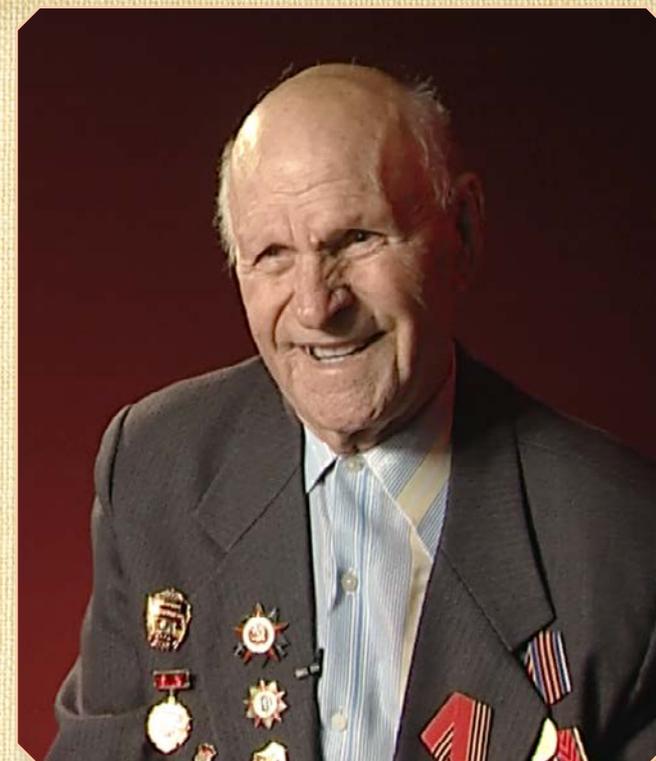
Взрослое детство

...Только получил я паспорт, как началась война. Работал я тогда в колхозе, устроился туда, когда в 10 лет осиротел, совсем пацан был. Помню, бригадир говорит: «Смотри, вон женщины прополкой занимаются, а на дороге бочка с водой стоит. Как на тяпку платок наденут и

тебе помашут, значит, пить хотят, неси им ведро воды». Так я и работал: возле бочки сижу, как помашут, наливаю воды – и иду среди подсолнухов, кукурузы...

Эвакуация

...В первые дни войны мужиков на фронт забрали, а меня посадили на лошадей. Возил зерно во время уборки. А потом пересадили меня на трактор, только начали косить, и тут объявили, что немец наступит, будет эвакуация. Председатель станичного совета мне говорит: «Я тебе доверяю свою семью, поедешь с ними, будешь их сопровождать». Взял я лошадей, бричку крепкую, утром погрузились и поехали. Доехали

Родился 5 марта 1925 г.

до Кавказа, двинулись на Новороссийск, а там солдатский пост. Оказывается, дорогу немец уже перерезал. Нам так и сказали: «Бричку и барахло оставляйте, берите самое необходимое – и пешком через перевал». Мы на лошадей продукты навьючили и пошли. Тут нас и сельчане наши догнали с председателем. А на дороге все смешалось – и гражданские, и военные, которые отступали. Одному солдату неохота было винтовку нести, а мне радость. Несу. И на привалах рядом с солдатами отдыхал. И вот как-то старший лейтенант показал мне, как стрелять, и говорит: «А ну-ка попробуй в тот сучок сухой попасть» А я раз! – и попал. Он смеется: «Молодец, в немца еще лучше попадешь!»...

1942 г. Бойцы Н-ской части направляются в полевую баню

2-й Прибалтийский фронт. Старший сержант Г.И. Вальк показывает молодому воину красноармейцу Т.Ф. Стебакову как наматывать портянки, 1944 г.

История о том, как прогнали с передовой

...И вот мы идем, тащу я эту винтовку, с солдатом уже подружился, и так дошли мы до перевала. Гражданские пошли вниз, к Лазаревке, что на Черном море, а солдаты остались. Ну и я вместе с ними. Они начали оккупываться, и я себе окопчик рою. Лопаты не было, копал, когда друг мой отдыхал. По очереди работали. И вот оборону заняли, командир взвода прошел посмотреть, как окопались, увидел меня, спрашивает: «А это что за пацан здесь?» «Да вот, – друг мой объясняет, – хочет воевать». А командир мне говорит: «Слушай, быть здесь – это наша доля солдатская, а твоя еще впереди. Там за кустом старшина, он тебе продуктов даст, и иди-ка ты к Черному морю. Там найдешь военкомат и призовешься. А сейчас уходи немедленно, немцы в наступление идут! Погибнешь здесь, как муха!»...

История о том, как в солдаты взяли

...Пришел я к старшине, он в пилотку, которую мне ребята подарили, сахару насыпал, две банки консервов мне за пазуху засунул, дал булку хлеба, и пошел я в Лазаревку военкомат искать. Пришел, а Лазаревка, как Сталинград, вся разбита, и все равно бомбят. И вот бомбежка прошла, а

я брожу среди развалин. И тут дедушка вылез из подвала: «Ты чего, внучок, здесь ищешь?» «Та я, деду, со Старолеушковки, военкомат ищу» – отвечаю. «Да какой военкомат ничего тут уже нет, – отвечает дед, – иди в лес по этой тропе, там его и найдешь». Ну я и пошел. Иду по тропе, подхожу к развилке, а там солдат стоит. «Куда идешь?» – спрашивает. «Военкомат ищу». Показал он, куда идти, и метров через 200 вижу полянку, 4 кольшк в землю вбиты, и доска сверху лежит. Вот такой военкомат. А за горочкой призывники толпятся. Подхожу к писарю, даю паспорт, а он мне говорит: «Такой возраст не велено призывать». И военком подтверждает: «Молод ты еще, вояка, не можем мы тебя призвать». Но я все равно остался и вместе с ребятами отправился в запасной полк. Там начали проверять по списку и спрашивают: «А ты кто такой?» Объясняю им ситуацию, дескать, в армию хочу, возьмите! «Ладно, запишем», – махнули они рукой. Так я стал солдатом...

Фотохроника ВОВ

Фотохроника ВОВ

Танковый десант

...Боевой мой путь начался у Туапсе, а закончился в Восточной Пруссии. Служил в танковом десанте, у маршала Рокоссовского. Наша главная задача – охрана танка Т-34. В марше едем в нем, а как только бой – мы, десант, из машины пешимся, танк едет вперед, мы вокруг пехоту отбиваем, ликвидируем огнеметы, немца стреляем, воюем, одним словом. Но танк водить я научился, тракторист все-таки, с рычагами знакомый. Ребята со мной служили хорошие, пацаны деревенские, ничего не боялись...

Территория жизни

...Дело на Кавказе было, недалеко от Туапсе. Пошли мы за языком. Смотрим – фриц ходит. А я шустрый был, как воробей, прыгнул на него, а он не стреляет и не кричит, а меня тащит. Уже блиндаж близко, и тут командир отделения немца этого по голове стукнул. А он штыком попадал за 25 метров в спичечную коробку, сила удара – ого-го! Фриц упал, ребята подскочили, а тот вроде как мертвый. Командир говорит: «Нам живой язык нужен! У кого вода есть?» А у меня во фляге было чуть-чуть. Полили фрица моей водой, дали попить, очухался он, а я про себя думаю: «Вот гад какой, я за водой ходил, экономил, а он весь мой запас выпил». А воду эту мы брали в роднике на сопке. И немцы тоже там брали. И был приказ и с нашей, и с их стороны – в радиусе 30 метров вокруг родника не стрелять. В плен захватить можно было, но возле воды никто никого не убивал...

История про рога

...Пошли мы в небольшое наступление, выравнивали линию фронта. Дошли до немецких окопов, а там убитые фрицы лежат. И я давай смотреть, есть у них рога на касках или нет, в одном журнале картинку видел, там фашист с рогами. Снял с первого каску – нет рогов, со второго снял – тоже. Командир взвода бежит рядом, матерится: «Что ты с этими касками возишься?» И так получилось, что я с этими рогами от ребят отстал. И тут в окопе немец появился, откуда взялся – не знаю. Меня обхватил так, что я и за-

Фотохроника ВОВ

стрелить его не могу. И давай он меня к брустверу прижимать. А у меня нож был в кармане, я его поудобнее схватил – и ему в висок ширнул! Фриц обмяк, меня отпустил, и я побежал к ребятам. А потом больше двух часов не мог нож бросить, рука не разжималась. Командир сказал, что это мертвая сцепка, надо подождать и пытаться расцеплять нельзя, пальцы можно поломать. А рога я так и не нашел...

Пуля-дура

...4 ранения у меня было и 2 контузии. Когда первое ранение получил, – даже не понял, что произошло. Пули мимо тенькают, а я тут копаюсь, автомат заряжаю. Командир говорит: «Ты что, пулю поймать хочешь?» Ну я и поймал, хотя и не хотел. Это не смелость, просто я необстрелянный был, а прятаться стал уже потом, когда опыта набрался. И последнее ранение очень мне запомнилось. Было это в Восточной Пруссии, как раз в день моего рождения, 5 марта. Мы спешили, и надо было нам дойти до побережья Балтийского моря. Мы без танка, автоматы с собой и станковый пулемет без щитка, чтобы

7 кило лишних с собой не таскать. Идем, а на сопке немцы. Мы залегли, а они начали нас обстреливать из миномета, головы поднять невозможно. Потом потихоньку сгруппировались, поднялись в атаку, а я ребятам говорю: «Я дальше этой сопки не пройду». Как чувствовал. Дошел до сопки, там завязался бой автоматный, и тут меня ранило в ногу разрывной пулей. Младший сержант рану мне перевязал, и пошел я кочевать по госпиталям. Рана никак не зарастала, нужно было делать операцию, а я боюсь, не соглашаюсь, тогда же уколов обезболивающих не было, все наживую делали. И вот так я добрался аж до Гусь-Хрустального, и только там, в госпитале, рана моя начала заживать. Без операции обошлось...

Победа

...О Победе я узнал в госпитале. Услышал по радио. Радость, конечно, большая была. А потом, когда демобилизовался, перебрался на Дальний Восток, работал экскаваторщиком-бульдозеристом в Амурске. В 1950 году завербовался на Сахалин. Жил и работал на Буюкловском лесоучастке. В 1983 году приехал на постоянное место жительства в Аниву, работал в милиции собаководом. Рад, что у меня большая и дружная семья...

Фотохроника ВОВ

Иван Федорович КУЧИНСКИЙ

Родился 12 февраля 1926 году в деревне Вязов Лес Гомельской области, Белоруссия. Будучи подростком был членом партизанского отряда, после освобождения Белоруссии был призван в регулярную Советскую армию. Участвовал в операции по освобождению Польши, победу встретил в Германии.

Награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, а также медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

Война на пороге...

Когда началась война, мне было 14 лет, воскресенье как раз было. Мы с мальчишками смотрим – самолеты летят, нуту все зашумели: «Война! Война!» Потом об этом по радио объявили. А наша деревня располагалась в 8 километрах от польской границы, и так страшно было, когда бомбардировщики гудели и ночью и днем. Наши

войска бегут, а мы давай еловые ветки таскать и крыши домов накрывать. Нам подросткам поручили гнать колхозный скот в тыл. Мы сутки гнали, а скот-то недоенный, я ребятам и предложил: «Давайте распустим этот скот, пусть все, кто хочет, его забирают». А когда вернулись домой, в нашей деревне уже стояли немцы.

Трудовой лагерь и побег

Позже немцы собрали всех подростков и на машине угнали на работы к реке Речья, это было в начале апреля. Мы рыли окопы, пилили и валили лес, на себе таскали на дорогу бревна, потому что дорога была разбита. Я пробыл в этом лагере два месяца. Потом мысль мне пришла: «Почему я должен здесь быть? Мои три брата на фронте, я для немцев окопы копаю?!» Мысли о побеге меня не покидали.

Был момент, когда меня определили носить воду для кухни. И поставили работать с одним пареньком из соседней деревни, тоже Ваней. Я ему говорю: «Слушай, а давай воды наносим с песком». Зачерпываем воду из реки, несем, а попутно песочку туда подсыпаям. Нем-

12.02.1926 г. – 10.02.2012 г.

цы пришли на обед, начали есть и почувствовали неладное. Нас с Иваном привели к коменданту, мы расплакались от страха, чувствовали, что убьют. Он устроил допрос, почему мы носили песок и как это произошло. А мы отвечали: «Как песок? Мы просто воду носили, но, может, где-то и попало». Он дал наказание каждому по 25 ударов палкой. Такая палка была дубовая, нас так усыпали, что после на носилках унесли. Я не мог встать дня три, спустя время очухался немного, встал на ноги. Затем определили меня на работы – пилить лес. Елку с утра спилили, и немец-надсмотрщик разрешил нам отдохнуть. Я выждал момент, смотрю, он глаза закрыл, прилег на ветки. Я один раз вокруг него прошел, другой, а потом брюки расстегнул, будто

Фото из немецкого архива

бы оправляться, отошел метров на 9 и затем дальше в лес.

Я знал только направление, что мне надо бежать непременно на запад. Бежал по сосновому бору, на пути встретил озеро, обходить было некогда, я поплыл, посреди не был пенек, я отдохнул, и тут слышу лай собак и немцы кругом. Я молился Богу, чтобы не закашлять. Через полчаса стихли все звуки. Затем аккуратно, чтобы не было плеска, перешел водную преграду и выбрался на берег. Шел по лесу, а навстречу поляна, на ней мужчина скот пас. Я подошел к нему с вопросом, как лучше перебраться через реку. А время было весеннее, вода аж гудела. Он говорит: «Вплавь не получится, течение сильное, река силу набрала. А на мосту часовые немецкие ходят». И вправду, я посмотрел – четыре немца там ходят. Начинало смеркаться, я подошел к речке: что будет? Я прыгнул, мое пальтишко раздулось на воде, и потащило меня течением. Сопротивляюсь из последних сил, вижу куст на другой стороне, сделал рывок и за ветку схватился, так и перебрался на другую сторону, но подняться не могу, все намокло. Посидел-посидел, снял сапожки, выжал портянки, снова обулся и пошел. Иду, а на дорогу не выхо-

жу – кругом немцы, так я и брел по полям, переночевал в куче теплого навоза – зарылся в него, чтобы согреться, и так дожид до утра. С рассветом продолжил путь, на третьей сутки добрался до родного дома. Только успел одежду сменить, поесть, и тут прибегает сестра с криком: «Немцы!» Она испугалась, что за мной пришли, а они продукты по домам собирали, отнимали у кого что есть. Но я снова ушел в лес, где встретил своих, партизан.

Партизанская жизнь

До того как меня забрали в трудовой лагерь был связным в 117-м партизанском отряде под командованием Глушеня. В отряде у нас было около тысячи человек, боеприпасами нас снабжали с воздуха. Я им рассказал все, что со мной произошло, они предложили уйти с ними.

Ходил часто в разведку: переоденут меня в драгье, сумку на меня повесят, хлеба положат прихожу к немцам, прошу хлеба. Давали, даже иногда в столовой кормили. «Киндер, иди на хаус», – так говорили... Наша

*Сын полка
на улице
Будапешта.
Фотограф
Евгений Халдей*

бригада стояла по одну сторону железной дороги, а отряд – по другую. Однажды не было соли, и мы ночью доставали соль и носили туда, в бригаду. А немцы делали ловушки – глубокие ямы, вот если туда попал, там уже не повернуться. Ну и угодил я в эту ловушку. Утром немцы делали обход, за уши меня вытащили. «Партизан, партизан?» – спрашивали. «Нет, не партизан», – отвечаю. Привезли меня в чешскую комендатуру города Жидковичи на допрос. В то время чехи отказались воевать. Я уже знал, что меня расстреляют. А партизаны связь имели с чешской комендатурой, они приходили к нам в отряд. Комендант приказал чехам доставить меня в отряд, так и спас меня.

Во второй раз я был на грани расстрела. Послали меня в разведку в город Люденевичи, узнать сколько там немцев стояло. Ну а как туда попасть? Из нашего поселка возили молоко туда,

я взял лошадь, бидоны поставил и повез молоко. Привез в пункт приема молока. Молоко выливаю и посматриваю, сдал, и слава Богу. Поехал на лошади обратно, выезжаю из города, стоит часовой-немец, думаю: «Гад, я тебя все равно тут пристрелю». Ну взял и пристрелил. Ну а за то, что я его пристрелил, начальник отряда трое суток гауптвахты получил, в яме просидел: никто ведь команды такой не давал. Потом я решил домой заехать, отдохнуть немножко. А у партизан кальсоны всегда мокрые, ржавые, и я пришел в поселок. Немцы увидели и говорят: «Партизан, партизан». А народ, односельчане, сбежались и говорят им: «Нет, он наш, он скот пас, коров гоняет, поэтому такой грязный». Собрали корзину яиц и дают немцам: «Вот вам яйца, только отпустите его!» Они совещались-совещались, один пришел и выбросил меня из тележки. Второй раз смерть миновала.

В 1944 году наш отряд партизанский больше месяца не пропускал эшелоны с провизией, предназначенной для немецких частей. Снабжение производили по железной дороге из Осло.

Свобода Белоруссии

Нашу область летом 1944 года освободили советские войска. А я как раз с разведкой шел и чуть своих разведчиков не перестрелял. Все были в плащ-палатках, не поймешь, свои или нет. Я с лошади спрыгнул в рожь, лег и притаился, наблюдаю. Что их спасло? Они остановились покурить и повернулись, на одной из пилоток я увидел звездочку. И понял, что это наши, потому что бои слышно было. Я вышел и говорю им: «Руки вверх!» Они подняли, я подхожу, смотрю, спрашиваю, кто такие. Они отвечают: «Русская разведка!» Мы поздорова-

Советские партизаны ВОВ

Колхозница М. Николаева провожает в партизаны своего сына Ивана

лись, а они забрали у меня карабин и повели в штаб. Там-то я впервые увидел полковников, подполковников и их обмундирование. Разговорились, один полковник говорит: «Знаешь что, сынок, я тебе сейчас дам взвод солдат, и ты поведешь в свой отряд, чтобы соединиться и привести его сюда. Мы вас всех наградим». А в отряде уже переполох: они думали, что я у немцев. Наши уже по ту сторону речки окопались, а народ весь в лесах был, и кто-куда поразбежались. Но закончилось все благополучно, в итоге отряд соединился с армией. Затем меня призвали в ряды регулярной армии и направили в Смоленск, в школу младших командиров, а через два месяца я попал на фронт в составе зенитно-артиллерийского полка. На службе я получил орден Красной Звезды за бой, в котором подбил пять танков. История, в общем-то, нехитрая для того времени: шел бой, танки нажимают, мы тогда с батареей потеряли четыре орудия. Я был хорошим наводчиком – бил без промаха. Вот пять танков немецких и подбил тогда. Было дело.

День Победы

Город не помню, какой был. Польшу всю прошли, уже на немецкой территории встретил Победу. Но до Берлина наш полк около 500 километров не дошел. Когда получили известие о том, что мы победили, все пля-

сали, песни пели. А сколько стрельбы было! Вот, когда мы ближе к фронту подошли, там удивительное зрелище было – на один километр стояло 240 стволов орудий. На каждые 200 метров стоял прожектор: когда бой шел, они светили, немцев ослепляли, они в шоке были, кричали, плакали. Думали, наверное, что конец света! Быстро взяли Берлин, сутки, не более. А там уже после этого нашу часть перебросили в Минск. В мае мы приехали в Минск. А в июле готовились к отправке на Японию. Женщины плакали, мол, только закончилась война, снова на войну. Но обошлось: покуда мы доехали до Хабаровска, и война кончилась. После этого был направлен на остров Сахалин, наш полк вошел в состав Хинганской 30-й артиллерийской дивизии. После войны я прослужил еще пять лет в Южном Соколе, всего там было четыре полка.

Демобилизовался в 1950 году и устроился работать в военную часть №42211, в госпиталь, там я трудился 51 год.

*Партизанская семья
Никифора Ридлевского*

Екатерина Ивановна ТЕРЕНТЬЕВА

Родилась в селе Марица Курской области. Участница трудового фронта. Будучи подростком, в годы Великой Отечественной войны работала на торфозаготовках, а также на строительстве оборонительных сооружений.

Живет вместе с мужем – ветераном Великой Отечественной войны Люцианом Павловичем Терентьевым.

Война

Отца сразу забрали на фронт, мы, дети, семеро человек, остались с матерью. С началом войны жизнь сразу изменилась, жили очень плохо, впроголодь. В одну из первых бомбежек, мама сказала нам, детям: «Садитесь на одну койку, если бомба упадет, так все вместе и погибнем». Но, к счастью, в тот раз смерть обошла нас стороной.

Отец попал в немецкий плен, а однажды в одну из зим он вернулся. Однако эта радость была омрачена горьким событием – наш дом был сожжен фашистами. Это случилось как раз накануне Нового года. Перед тем как мы лишились жилья, в нашем селе появились партизаны. Я увидела их, когда ходила за водой. Вернулась в дом и говорю: «Папа, там в белых халатах люди по крышам ходят! А еще тебя спрашивали», – он у нас партийный был. Отец пошел посмотреть и поговорить с партизанами, а я снова за водой. В это время немцы захватили соседнее село, и партизаны открыли по ним огонь. Когда противник отступил, партизаны тоже уехали. А мы с отцом во время перестрелки притаились в соседнем доме, выжидали. После того как вернулись, я вижу, что наша хата догорает... Мать с моими

младшими братьями и сестрами полураздетыми сидит рядом. Мне на тот момент едва 17 лет исполнилось. Все, что я помню о том моменте, это разрастающееся чувство страха. Это невозможно описать словами, это можно только пережить.

После этого мы ушли в соседнее село, жили у дяди.

Победа

9 мая мы встретили буднично, помню, как вместе с мамой вскапывали грядки на огороде, мимо проходил мужчина из нашего села и говорит маме: «Чего ты огород копаешь? Праздник, война закончилась!» Конечно же, радость была, но подробностей я уже не помню. А дальше началась тяжелая жизнь, в которой хорошего было наполовину с плохим. Отец к этому времени умер. Так произошло, что смерть пришла к нам в дом и унесла за неделю троих, в том числе моих сестру и брата – все они простыли. Тяжело было, я одна работала, мать сутками в колхозе, детей надо было кормить. Летом я работала

на торфо-разработках, с лопатой не расставалась, спины не разгибала. А зимой устроилась на железную дорогу – там я трудилась на строительстве мостов.

Затем мы завербовались на Сахалин и переехали на остров в 1950-м году.

Сахалинский период. Знакомство с будущим мужем

С будущим мужем я познакомилась в селе Высоком Анивского района. Его семья приехала на остров в 1948 году, а мы с мамой в 1950-м. Так сложилась судьба, что мы жили в одном доме, в котором размещались четыре семьи. Отец Люциана работал в райисполкоме, и его перевели в Аниву. А мы были колхозниками, периодически ездили на рынок в город, чтобы продавать товар. И когда мы приезжали в Аниву, то по-соседски останавливались в доме у его родителей.

Там мы и познакомились, завязалось общение, позже поженились, переехали в Смирныховский район. Люциан был видный мужчина, и характер у него отличный: никогда не ругается, хотя больше полувека живем вместе.

Люциан Павлович ТЕРЕНТЬЕВ

05.01.1924 г. – 21.12.2011 г.

Родился 5 января 1924 года в селе Работки Работкинского района Горьковской области. На момент начала войны ему было 17 лет. Был призван в ряды Красной армии в 1943 году. Младший сержант. Воевал в составе 1505-го самоходно-артиллерийского полка 46-й армии. Полк был задействован в боевых операциях на 2-м Украинском фронте. Участвовал в освобождении Белоруссии, Молдавии, а также стран Восточной Европы. Люциан Павлович награжден медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу».

Войну он вспоминает, конечно же, как и все фронтовики, но рассказывает мало. Знаю, что призвали его в 1943 году в военкомат города Куйбышева. Он был в составе самоходно-артиллерийского полка, воевал на 2-м Украинском фронте.

Был награжден медалью «За отвагу». В приказе подразделения о награждении он 25-й по счету, формулировка следующая: «Лаборант взвода боевого питания младшего сержанта Терентьева Люциана Павловича за то, что в боях 21 и 22 апреля 1945 года за с. Патцента в трудных условиях боя на себе ползком

снабжал батареи боеприпасами и спас жизнь офицеру – вытащив его из горящего танка».

Приказ датирован 12 мая 1945 года и подписан командиром полка майором, подполковником Ильей Федоровичем Рогачевым.

Сам Люциан Павлович момент вручения медали описывает скупко.

Медаль

– Вышел командир части, всех построили. Не одного меня тогда награждали, а многих. Фамилии называл по списку, мы выходили

– делали шаг вперед, и он вручал медали. Конечно, я был очень рад и горд.

Сахалинский период

После войны на Сахалине уже я работал в лесной промышленности. Сначала простым сучкорубом, затем отучившись на курсах, получил специальность тракториста.

Фотохроника ВОВ

Владимир Кузьмич МОРОЗОВ

Родился в Псковской области, вскоре родители переехали в Ленинград. В 1943 году поступил в разведывательно-диверсионную школу НКВД. Воевал в составе 262-го десантного батальона 63-й стрелковой дивизии. Начинал с рядового, окончил войну в звании командира батальона. Воевал в Прибалтике, Белоруссии, Польше, освобождал Кенигсберг. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Кенигсберга» и «За боевые заслуги». После окончания войны служил в КГБ, в 1953 году был переведен на Сахалин. Живет в Южно-Сахалинске.

Начало

...Когда началась война, я жил в Ленинграде, куда переехал с родителями. Очень хорошо помню тот кошмар и неразбериху, которые охватили всех 22 июня 1941 года. Описать это очень труд-

но. В декабре 1941-го брат, который служил в НКВД, сумел вывезти меня из блокадного Ленинграда, и он же помог

мне в 1943 году поступить в диверсионную школу. Она находилась в местечке Лисий Нос на берегу Финского залива, в 30 километрах от Ленинграда...

Диверсионная школа

...Распорядок дня в школе был такой: подъем в 6 утра, разминка, пробежка. Потом легкий завтрак, четыре часа занятия строевой на плацу, урок немецкого. Нас ведь готовили на заброс во вражеский тыл, и язык нужно было знать обязательно.

А еще нас учили всем способам физического уничтожения врага: ломать руки, ноги,

Владимир Морозов с супругой

Родился 14 апреля 1925 года

позвоночник... На макетах упражнялись, ножи метали, учились реагировать мгновенным выстрелом на шорох. Стреляли с двух рук.

В школе я учился 9 месяцев. Мы были, как одна семья, все друг на друга похожи: подтянутые, аккуратные. Нас готовили так, что все удивлялись. Тогда никто в СССР не слышал про карате, а вот в немецких военных школах эту борьбу преподавали, поэтому и к нам приехал японец, учил нас приемам карате и дзюдо. Уж как с ним договорились, я не знаю...

История про карате

...Японец такой маленький был. На первом занятии он нас потряс, конечно: ходит возле курсанта, как петух вокруг курицы, потом пры-

Владимир Морозов с супругой

жок – и как даст ногой! Курсант падает, он следующего вызывает. Одному два ребра сломал, другому сердечный приступ спровоцировал. Ну, думаю, он нас всех покалечит! До меня в тот раз очередь не дошла, и я решил подготовиться. После отбоя пошел в спортзал и давай заниматься, пока дежурный на меня не раскричался. А я ему в ответ: «Жить хочу, поэтому буду тренироваться до упора!»

И вот японец меня вызывает: «Молезов!» Тактику его я уже знал, и он только пошел вокруг меня, как я его упредил ногой, да так, что он подпрыгнул и упал. Ребята заперевивали, дескать, все, штрафбат заработал, а японец полежал пару минут, поднялся и объявил: «Холесо, Молезов. Занятие окончено!» – и пошел отлеживаться.

Потом, правда, меня подполковник вызвал: «Мы ему золотом платим, а ты его калечишь! Не научитесь драться, немцы у вас на спинах звезды

буду вырезать и из кожи ремни делать! Учитесь убивать и защищаться!» – и отправил меня в казарму...

Боевое крещение

...В конце 1943-го нас отправили на фронт. И сразу первое задание: изъять документы в немецкой диверсионной школе, которая находилась в Смоленской области, в лесу. Работали вместе с партизанами. В их задачу входило обезвредить окружающую территорию: снять охрану на вышках, порезать телефонные провода. Ну а нам нужно было попасть внутрь школы, найти и забрать документы и покинуть здание.

И вот мы в школу вошли, я заскакиваю в кабинет, а там спиной ко мне стоит немец и пытается рожок в шмайсер вставить. Волнуется, не получается у него, и я со всего маху как дал ногой ему в бок, в область сердца. Он подлетел, каска с головы спала, и косы по плечам рассыпались. Оказывается, это де-вушка была...

Забегая в другую комнату, слышу щелчок и машинально, автоматически стреляю, не глядя, назад. Поворачиваюсь – седой немецкий подполковник сползает по стене. Он хотел меня пристрелить, но пистолет оказался незаряженным. Этот щелчок я и услышал. Наверное, Бог меня хранил... Смотрю – рядом сейф, как специаль-

но для нас, открыт. Свищу, созываю ребят. Они подскочили, мы быстро вытащили документы, оружие – и на улицу. А там уже партизаны нас торопят, кричат: «Уходите, мы прикроем!» Вот такая история...

Машины смерти

...Тогда в Советской армии не было камуфляжа, и мы, когда отправлялись на задание, одевались в немецкую форму. Даже заплечные мешки у нас были немецкие. Кстати, очень удобные. Документов у нас с собой не было, опознавательных знаков тоже. Зато мы были хорошо вооружены. На поясе шесть гранат, еще одна на плече, чтобы в критической ситуации можно было зубами достать кольцо и себя подорвать. Сзади на поясе две противотанковые гранаты. Пачка патронов, это 650 штук, шесть рожков для шмайсеров, шесть ножей – короче говоря, около 20 килограммов вооружения. И передвигались мы не вразвалочку, а ускоренным ходом. Крепкие были ребята. Машины смерти...

Дороги войны

...Воевали мы в Прибалтике, потом в Белоруссии, в Польше. Участвовал во взятии Кенигсберга. Был командиром батальона особого назначения. Ходить в атаку, конечно, страшно, хотя, как правило, в бою страха не ощущаешь, только перед ним и после. Были у меня и ранения – три пулевых, два осколочных и тяжелая контузия. Как я ее получил – особая история.

Мы готовились к наступлению. Полные окопы солдат, а я и три

Военная хроника

офицера сидели в блиндаже. И тут какая-то сила заставила меня выйти из него, свежим воздухом подышать захотелось. Буквально на 3–4 шага отошел, а в это время юнкеры, лаптежники, как мы их звали, налетели. Ну и попала бомба прямиком в блиндаж. Офицеров сразу насмерть, а меня отбросило взрывной волной вместе с бревнами, засыпало землей. Как мне рассказали ребята, меня нога спасла. «Смотрим, – говорят, – из земли, из месива этого нога в сапоге торчит и подергивается. Ну мы быстро бревна раскидали, а это ты! Весь в земле, из носа, из ушей и изо рта кровь сочится...»

Психическая атака

...В Белоруссии мы пережили психическую атаку немцев. Три цепи на нас шли. Я понял, что они все пьяные были. Идут и кричат: «Русские свиньи, всех вас расстреляем!» А по нашим окопам команда пошла – не стрелять! И вот они идут, и мы уже хорошо их видим: у всех рукава закатаны, офицеры в перчатках, и такие все самоуверенные. А мы ждем команды. И вот наконец две красных ракеты! И мы их кинжальным огнем накрыли. Они сразу заметались, цепи перемешались, мы пошли в атаку и всех их там положили. Трупов было неимоверное количество...

Ненависть

...В каждом крупном населенном пункте в Белоруссии мы обнаруживали виселицы. А когда изымали у немцев документы, то находили фотографии, где они, с радостными, улыбаются на фоне этих виселиц. Я читал книгу, изданную в Германии в 1942 году, и там был

опубликован план порабощения России, рассчитанный на 30 лет. И подробно описано, что и как в какой республике будет. Главное слово в этой книге – уничтожение. Они намеревались оставить в каждой волости необходимое количество рабов, а остальных – стариков, инвалидов – уничтожать. Поэтому к врагам я испытывал одно чувство – ненависть. Они в достижении своей цели были безжалостными, причем не только к нам, но и к своим. Я в Кенигсберге видел немецкого офицера, повешенного на крюке за ребро. Такое наказание ждало солдат вермахта за мысли о капитуляции...

Победа

...О Победе я узнал в госпитале. Столько радости было, что описать невозможно. Помню, у нас с политруком постоянная присказка была. Он меня спрашивал: «Слушай, мы завтра увидим солнце?» Он имел в виду, останемся ли мы в живых до утра. И я ему отвечал: «Увидим, обязательно увидим!» А он опять: «А луну увидим?» «Конечно, увидим!» – отвечал я. Вот так и жили мы на войне, от луны до солнца... Костлявая ведь рядом с нами была каждый день, каждую ночь, можно сказать, мы с ней в обнимку всю войну прошли и сумели дожить до Победы...

Дорога на Сахалин

...После войны я был зачислен в особый отдел, поступил в распоряжение комитета Госбезопасности. Вначале отправили в Порт-Артур, потом была служба на Чукотке, на Камчатке, на Итурупе. В 1953 году был переведен на Сахалин, поселился в Южно-Сахалинске, служил в КГБ, уволился в запас в 1962 году в звании майора. Работал в пожарной части на железной дороге, оттуда ушел на пенсию. До сих пор занимаюсь спортом, каждый день тягаю гантели по 12 килограммов каждая. Дает о себе знать военная закалка...

Фотохроника ВОВ

Организация разведки

Разведка, добывая сведения о противнике, является одним из важнейших видов боевого обеспечения. Своевременность и оперативность, целеустремленность, непрерывность, активность, скрытность, достоверность и точность разведанных — вот основные требования, предъявляемые к разведке.

Для ведения разведки в полку в период войны имелся отдельный взвод пешей разведки. В бригаде и дивизии была отдельная рота разведки. В батальоне при необходимости выделялось из числа рот отделение разведки.

В сентябре 1941 г. начальник Разведуправления ГШ генерал-лейтенант Голиков Ф.И. докладывал Сталину и начальнику Генштаба Шапошникову Б.М.: «Войсковая разведка на фронте поставлена неудовлетворительно. Руководство ею со стороны какого-нибудь органа в системе НКО отсутствует на протяжении многих лет. Внимание к войсковой разведке в штабах недостаточно». Далее в этой докладной записке были внесены 9 предложений по улучшению организации и ведению войсковой разведки. Первое предложение: «Возложить руководство войсковой разведкой на Разведуправление Генштаба». Большинство из этих предложений было одобрено Сталиным. И это дало свои результаты. Уже начиная с осени 1941 г., войсковая разведка стала действовать эффективно, приобрела опыт и стройную вертикаль организации, успешно решала поставленные задачи.

22 ноября 1942 г. Главное разведывательное управление (ГРУ) Генштаба РККА было разделе-

Из воспоминаний разведчика Иванова М.Б.: «Хороший разведчик должен, прежде всего, обладать психологической устойчивостью. Главное, чтобы в очень сложные и ответственные моменты не бросился в панику... Чаще убивают неопытных, потому что они раньше бросаются в панику, их первыми замечают и убивают. И потом нужно привыкнуть к мысли, что в любой момент тебя могут убить. Свыкнуться с ней. Если ты думаешь, как бы выжить, ты уже ненадежен. Вот это и будет «посредственный разведчик». Он не трус, но на ответственное задание его не возьмешь...»

но на два ведомства: ГРУ РККА (разведка за рубежом и на оккупированной территории), которое подчинялось Наркомату обороны, и Управление войсковой разведки (УВР) Генштаба РККА. 18 апреля 1943 г. Управление войсковой разведки

*Взятие языка разведчиками.
Фотохроника ВОВ*

Из воспоминаний разведчика Бухенко В.Ф.: «Думаю, что у разведчиков и саперов была очень опасная работа на войне. Конечно, страшно было ходить в тыл к немцам. Но саперам, может быть, было еще тяжелее... Первого сапера у нас тяжело ранило в Польше, ему оторвало руки, а Саня Котельников, который пришел после него, дошел с нами до Победы. Но самое страшное — это, конечно, в пехоте. Во время наступления человек был в строю максимум 3 атаки... Даже нам, разведчикам, единственное, чем могли угрожать, это переводом в пехоту... Из того состава нашей разведроты, который был, когда я только в нее попал, до Берлина дошло человек 20, а в пехоте всего 3 атаки...»

Мария Никаноровна ПАЩЕНКО

Родилась в селе Аксаково Майнского района Ульяновской области. На фронте с 1943 года, сразу попала на Курскую дугу. Служила поваром батальона аэродромного обслуживания. Награждена орденом Отечественной войны. После войны приехала на Сахалин. Жила в поселке Гастелло, работала счетоводом-кассиром. Награждена медалью «Ветеран труда».

Две повестки

...Когда началась война, было мне 19 лет, и работала я лаборантом на маслозаводе. 22 июня пошел наш заведующий в сельсовет, и там ему сообщили, что началась война. Очень скоро об этом узнало все село, и уже через несколько дней

Мария Пащенко

начали приходить повестки. На фронт забирали и мужчин, и женщин.

Мне первая повестка пришла в мае 1942-го. Я должна была идти на фронт радисткой, но на маслозаводе не хватало лаборантов, и меня оставили. А вместо меня ушла на войну моя подружка Аннушка. Прислала оттуда матери одно письмо, а вместо второго пришла похоронка. Погибла Аннушка. Потом призвали моего брата Васю, и от него мы тоже получили только одно письмо. С тех пор ничего о нем мы не знаем, пропал без вести. А потом в апреле 1943-го пришла мне вторая повестка. Мама плакала, а я ничего не боялась. Собрали нас в Ульяновске и 1 мая увезли в Саратов. Там мы 3 месяца учились на курсах поваров, а в начале августа 1943 года отправили нас на Курскую дугу...

Курская дуга

...Ехали мы по железной дороге в товарняках. Бомбили нас сильно. Как только бомбежка начинается, мы из вагонов выпрыгиваем, а потом, когда все заканчивается, едем дальше. Многие погибли, так до фронта и не доехав. Прибыли мы на Курскую дугу, погрузили нас в полуприцеп и повезли. Помню, через Днепр мы переезжали по понтонному мосту. Страшно было...

Родилась 11 декабря 1922 года

Поварская служба

...Служила я в 210-м батальоне аэродромного обслуживания. Летчикам готовил шеф-повар Стасик, офицерам – повариха Шура. А я работала в солдатской столовой, со своим сменщиком дядей Володей. Ему лет 45 было, поэтому мы его батькой звали. Сутки он работал, сутки я. Меню нам обычно выдавали с вечера. Тогда же получали и продукты, в основном американские. Помню, банки были высокие, четырехугольные, а в них колбасный фарш, вкусный-превкусный. Хотя нам тогда все вкусным казалось. И хлеб ихний привозили, в упаковках. Нашу часть очень хорошо снабжали. Бывало, и настоящее мясо завозили. Готовили на полевой кухне, она удобно

устроена, есть котлы и для первого, и для второго. Утром приходил солдат, заготавливал дрова, растапливал печку, а я готовила. На завтрак обычно каша, на обед варили супы или борщи, и обязательно чай, компот мы не готовили. И картошку не варили, людей много, это сколько ее начистить надо было! Хлеб хлеборезкой специальной резали, до мозолей на руках...

Женские радости

...Из личных вещей у нас что было? Гимнастерка, юбка, беретка да кирзачи на 2-3 размера больше. Конечно, старались за собой следить, но гражданскую одежду нам носить запрещали. Раз военные, значит, надо по форме. А так хотелось платью надеть... У меня помощница была, Фрося, белоруска, и у ней было платьишко красивое: длинный рукав, отрезное по талии, внизу оборочка. Мне так оно понравилось, и я ей говорю: «Дай, я хоть разок надену». Надела, а мне так в нем хорошо... Но это один раз только было. А так всегда ходила в форме. Баню нам, девчонкам, обычно делали летом. А зимой простынями загородят в комнате местечко, воды нагрют в котле, тазики принесут, так и мылись. А иногда и танцы устраивали. Помню, в Залесье, в Польше, был у нас танцевальный пятачок, и мы там с девчонками танцевали. Мужчины, конечно, тоже приходили, но я с ними не танцевала, стеснялась очень...

Обычные истории

...Помню, как-то сварила обед, всех накормила, а про тех, кто на посту, забыла! Молодая была, неопытная. Надо им обед нести, а нечего, все закончилось, на них не хватило! Я в слезы, а тут батяка прибегает: «Ах ты такая сякая, что надела!» Быстренько что-то приготовил, он поваром долго работал, все умел, а я обед постовым потащила...

...А еще помню, как нам в Залесье кино привезли. Там нас разместили в панском поместье. Как сейчас помню, красивый дом, тополиная аллея, только соловьев не хватало. И вот привезли нам фильм, и поздним вечером мы собрались его посмотреть. Прямо в аллее натянули простыню, включили кинопроектор и почти сразу услышали рев немецких самолетов. Они увидели свет проектора и давай нас бомбить! Через несколько минут поместье превратилось в руины, а мы разбежались по траншеям и окопам. Но успели не все. Первый раз нам фильм привезли, и вот что из этого получилось...

Заграница

...Я до фронта никуда из своей деревни не выезжала. А тут вместе с нашим батальоном мы и Восточную Украину проехали, и Западную, и в Польше стояли, и в Чехословакии, а потом и в Германию пришли. Зарплату нам платили 8 ру-

*Мафия Пащенко
(справа) с подругой*

Фотохроника ВОВ

блей, в Польше мы злоты получали, в Чехословакии кроны, в Германии марки. А вот куда тратили эти деньги – не помню. Зато помню, что за граница поразила нас своей красотой и чистотой, особенно Германия. Заходишь в дом, а там стоят шифоньеры, внутри наставлено всего, наложено, у нас ведь дома такого и в помине не было. Но нам сказали ничего не трогать. И мы не трогали. Только однажды я не удержалась, когда обнаружила старое пианино. Я очень любила музыку, любила петь, и буквально за несколько недель научилась на нем играть. Столько счастья было...

Обыкновенная война

...Я, когда попала на фронт, думала, что будет страшно, а вот и нет. Ничего такого не чувствовала. Привезли – и сразу начала работать. Отработала – иду отдыхать. И вот сейчас я думаю: мы не то что шибко боялись, там другое было. Конечно, опасались, что бомба упадет, взорвется, но страха

Герой Советского Союза командир эскадрильи 4-го гвардейского авиационного полка гвардии старший лейтенант Г.Д. Цоколаев

не было. Работали, некогда было бояться, и нам казалось, что так и должно быть...

Победа

...День Победы конечно помню! 2 мая мы стояли в Глевице, это в Германии. И тут нам сказали, что война кончилась, Берлин взяли, и все так рады были, что я не могу это словами сказать. Все-таки сильные мучения мы приняли. Хоть на передовой и не были, но досталось нам крепко. А потом объявили уже официально День Победы 9 мая, порадовались мы и пошли к своим котлам обед готовить, людей кормить. А наши летчики еще до 15 мая летали на боевые задания, бандеровцев бомбили. А мы считали, сколько улетело, а потом – сколько вернулось. Бывало, вертались не все...

Мирная жизнь

... Демобилизовалась я из Глевица летом 1945 года и вернулась в родное село. А скоро и второй мой брат Александр с войны приехал, мама была очень рада. Пошла я работать на свой родной маслозавод, трудилась там до 1947 года. А потом завербовалась на Сахалин. С тех пор так здесь и живу...

День Победы.
Мария третья слева
в верхнем ряду

ВОСПОМИНАНИЯ РОДНЫХ

Эта страница открывает новый раздел в нашем альманахе. Особенный. Здесь собраны рассказы тех, кто не успел дать нам интервью лично. Но остались родные, их потомки, которые бережно хранят память о пути к Великой Победе. Вместе с нами эти истории собирали корреспонденты медиахолдинга АСТВ. Накануне 71-й годовщины Победы телекомпания подготовила к телевизионному эфиру специальный проект «Живу и помню». Программа была создана при поддержке Георгия Карлова.

Редактор проекта Ирина Свищерская вспоминает: *«Когда в эфире АСТВ появились первые истории сахалинцев о родных-фронтовиках, в редакции раздались звонки – другие тоже хотели рассказать о своих ветеранах. Первой позвонила учитель музыки Елена Потапова. Ее бабушка Евгения Гламаздина в войну была летчицей. За четыре года Евгения Даниловна поднялась в небо 600 раз – только вдумайтесь в эту цифру! А прадед школьника Артема Крупницкого всю войну прошел с фотоаппаратом в руках – снимки Макса Альперта стали классикой искусства военного фотографа. Папа пенсионерки Валентины Матвеевой с войны вернулся Героем Советского Союза, но всю свою жизнь стеснялся носить медали и не хотел вспоминать войну. Я очень-очень рада, что материалы проекта «Живу и помню» вошли в этот альманах. Мы практически не редактировали эти истории. Ведь воспоминания менять, кажется, нельзя».*

Кроме воспоминаний телезрителей, сюда вошли рассказы и тех, кто, узнав о проекте, прислал свои воспоминания по почте. Были и такие, кто вручал нам документы, свидетельства, истории о родных на встречах с депутатом во время рабочих поездок по районам. Мы надеемся, что эти страницы станут началом доброй традиции – собирать в альманахе рассказы об ушедших ветеранах от родных, проживающих у нас на островах.

Фото Аркадия Шайхета

Евгения Даниловна ГЛАМАЗДИНА

О своей бабушке, летчице
Евгении Даниловне Гламаздиной,
вспоминает Елена Потапова

ЛЕГЕНДАРНАЯ «НОЧНАЯ ВЕДЬМА» - СКРОМНАЯ БАБУШКА

Бабушку мою звали Евгения Даниловна Гламаздина.

Родилась она 1 января 1922 года в Курской области. Семья ее, как и все в те времена, жила очень голодно, и потому вынуждена была переехать на Северный Кавказ, в Орджоникидзе (ныне – Владикавказ). Там их и застала война. Бабушке на тот момент исполнилось 19 лет, и она была старшим ребенком в семье. Конечно, она тут же стала проситься на фронт, но в военкомате ей отказали, несмотря на то, что еще до войны бабушка окончила курсы при аэроклубе. Отправили работать на оборонный завод. Но она была очень волевой и через некоторое время предприняла еще одну попытку попасть на фронт.

Елена Потапова,
внучка «ночной ведьмы»
Евгении Гламаздиной

Выдержка из книги У. А. Батырова «Защитницы Родины»:

«В декабре 1942 года в Гвардейский Таманский авиационный полк 4-й воздушной армии прибыла авиамехаником Евгения Гламаздина. Этой несколько суровой на вид девушке пришлось немало претерпеть, прежде чем стать летчицей...

...После переподготовки на штурмана, Евгения Гламаздина совершила свой первый боевой вылет с летчицей Люсей Клопковой ночью 18 мая 1943 года на самолете У-2...

...Вскоре Гламаздину назначили штурманом звена и предложили летать с Надей Поповой... Экипаж в составе Поповой – Гламаздиной в этот день потопил вражеский пароход, на котором эвакуировались немецко-фашистские войска из Крыма...»

В нашей семье хранятся две книги, в ко-

01.01.1922 г. – 25.07.2005 г.

торых рассказывается о бабушке. Одна из них – «Солдаты Победы», посвященная воевавшим жителям Осетии. Но мне более дорога вторая книга, «Защитницы Родины», о девушках, которых коснулось страшное крыло войны. Несмотря на то, что о женщинах на войне было много написано и снято фильмов, эта книга меня потрясла. Насколько тяжела и страшна была война! Да и после войны судьбы у этих героинь складывались нелегко – многие не могли иметь детей, просто потому, что часами приходилось лежать в холодных окопах...

600 боевых вылетов

А еще меня удивили цифры, сухая статистика. Конечно, я знала, что моя бабушка была знаменитой летчицей, но когда я прочитала, что она за время войны произвела 600 боевых вылетов, это поразило меня до глубины души. А в горячий переломный момент под Новороссийском, в 1943-м, «ночные ведьмы» совершали по 4-5 вылетов в день! И каждый раз перед вылетом прощались с жизнью... Я помню, она рассказывала, что когда ее подруги уходили в очередной полет, они не знали, встретятся снова или нет.

«Ласточки» или «Ночные ведьмы»

Летчиц полка, в котором служила Евгения Гламаздина, немцы называли «ночными ведьмами», а сами девушки ласково – «ласточками». Они летали на малой высоте 400–500 м на маленьких фанерных самолетах, скорость которых была чуть больше 100 км в час. У-2 были слишком уязвимы в дневное время, их можно было сбить даже из обычного крупнокалиберного пулемета. Поэтому летали на У-2 только ночью. Эти маленькие самолетики и их отважные экипажи не давали немцам покоя, совершая по 8-9 вылетов за ночь, а зимой, когда ночи длиннее, в несколько раз больше.

Ангел-хранитель

Но мою бабушку словно оберегали ангелы-хранители. Произвести столько боевых вылетов и остаться абсолютно невредимой (у нее ни царапины, ни ранения) – это судьба. Но война унесла двоих ее младших братьев.

После войны бабушка продолжала активную жизнь. Она выступала в школах, рассказывала детям о войне; вместе с однополчанами по приглашению ездила в Ленинград на празднования Дня Победы; они ходили на парады, навещали друг друга.

Но бабушка была невероятно скромной и не надевала ни одного своего ордена, ни одной медали.

Бабушка

Каждое лето меня отправляли к ней во Владикавказ, где она занималась моим воспитанием. Все уроки, которые она дала мне в детстве, я постепенно переосмысливаю и применяю в своей жизни. Бабушка была моим духовным наставником, она очень много дала мне в плане житейской мудрости. И наша с ней связь не разорвалась, даже когда я выросла. Мы постоянно переписывались, я приезжала к ней, уже будучи замужем.

А еще бабушка пекла очень вкусные пироги. Их приготовление было настоящим волшебством. Ритуал начинался с вечера: она ставила дрожжевое тесто и закрывала все окна в доме, чтобы не было сквозняка. А следующие полдня делала пироги с разными начинками. Сладкие были с двумя надрезами, с мясом и капустой – с одним. Это было настоящее таинство.

Когда все было готово, мы садились за стол, пили чай и разговаривали. А запах пирогов разносился по всему дому – все соседи сбегались.

Поэтому у меня не было ощущения, что она – легендарная личность. Это была просто моя любимая бабушка. К тому же про войну она со мной почти не разговаривала, многое пыталась скрыть. О ее легендарной деятельности я знаю лишь из книг и по небольшому количеству фотографий.

Не стало бабушки в 2005 году...

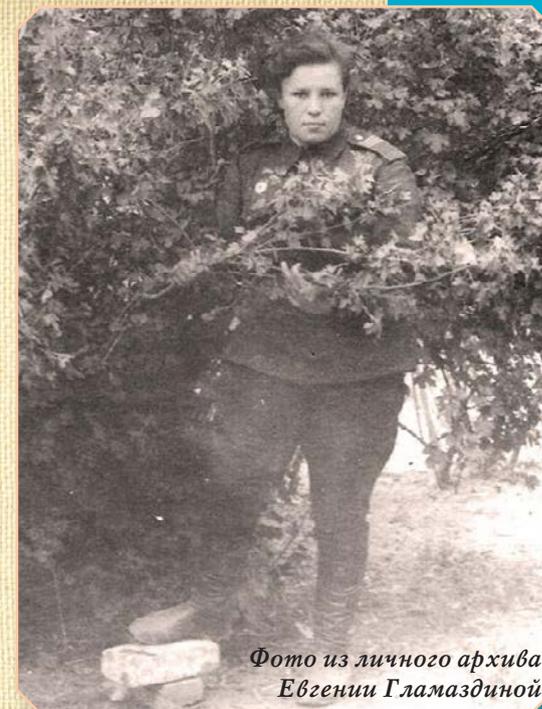

Фото из личного архива Евгении Гламаздиной

Советские летчицы, Крым, 1944 г.

Григорий Михайлович РУЗИН

О своем отце, Григории Михайловиче Рузине, вспоминает Светлана Григорьевна Иващенко.

Мой папа, Григорий Михайлович Рузин, родился в 1908 году в деревне Хотяжи Московской области. Сначала он был комсомольским работником, потом стал членом партии, и в 1937 году по партийной линии его направили на Дальний Восток.

Репрессия

А в 1938 году его репрессировали. Причина, по которой это произошло, мне не известна, я только знаю, со слов мамы, что такой эпизод в его жизни был. Правда, через восемь месяцев отца реабилитировали.

После этого его назначили секретарем партийной организации завода «Амурский металлист» в Благовещенске. У меня хранится книга «Металлисты», в которой о папе написа-

Светлана Иващенко

но несколько строк. Когда началась война, он вместе с другими работниками завода пошел добровольцем на фронт.

Похоронка

Но прошло немного времени, и в августе 1942 года мой папа, старший политрук Григорий Рузин, погиб. Ему было 34 года. Мама получила похоронку.

Осталась семья: моя мама, три старших брата и я, последняя, младшая дочь. Папа очень хотел дочку! Но так получилось, что свидеться нам не пришлось. О том, что я родилась, он узнал, будучи на фронте. Он очень ждал меня, и, как рассказывала мне моя тетья, даже имя придумал – Эльза.

Однажды он прислал маме с фронта свою фотографию, а вместе с ней листочек, на котором были написаны слова песни «Темная ночь». Это было некое посвящение мне.

Когда папы не стало, мне было всего пять месяцев. Но у меня такое чувство, что я его видела, знала. Я всю жизнь прожила с ощущением, как будто он просто вышел куда-то, и поэтому каждый документ, каждую фотографию, относящиеся к нему, я ценю и храню.

«Металлисты»

А книга «Металлисты» – это святое для меня. Средний брат прислал мне ее на день

06.08.1908 г. – 29.08.1942 г.

рождения. Он написал: «Светлана, 40 лет назад отец был молодым и красивым, и вот я тебе устроил с ним встречу. Вы теперь ровесники благодаря Хабаровскому книжному издательству».

В книге рядом с папой – мамин двоюродный брат, дядя Толя. Он работал вместе с отцом, и вместе ушли на фронт. Только дядя Толя остался жив и вернулся домой. В детстве я очень хотела спросить его об отце, но всегда стеснялась.

Сейчас у меня хранится и похоронка на

отца – когда умер мой старший брат, его жена передала ее мне. В ней указаны немного неверные сведения о том, где он похоронен, но сын нашел более точные данные – село Серафимовичи, Волгоградская область. И всю жизнь у меня была выстраданная мечта – посетить братскую могилу, в которой похоронен отец.

Все, что я знаю о папе, сложилось из маминых рассказов о нем. Даже стихотворение, написанное мною в память о погибшем отце, создано на основе ее воспоминаний.

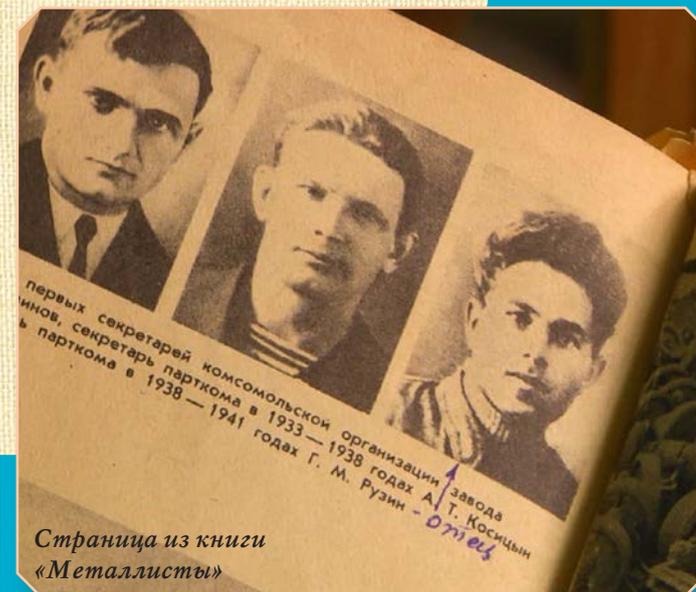
В память о погибшем отце

Я отца своего не видала ни разу,
Не видала улыбки на его я лице.
Несколько строк и короткие фразы
Дороги мне о погибшем отце.
Так уж случилось: в тот год роковой
Я на свет появилась,
А он не вернулся домой.
Тот год роковой – это год 42-й.
В свои тридцать пять мой отец воевал,
От врагов он Отчизну свою защищал.
Он знал, что три сына и крошечка дочь
Ждут с фронта его.
Только как им помочь?
Ведь слева и справа строчат пулеметы,
Над домом туман, не видать ничего.
Вдруг подлая пуля настигла его.
В дом вместо отца похоронка пришла.
Моя бедная мать в отчаянье, горе –
Как детей поднимать?
Украдкой смахнула скупую слезу,
Чтоб вдоволь поплакать, когда дети уснут,
Но утром, тихонько проснувшись сама,
Детей не будила от крепкого сна.

Сомнения были: а живы ли они?
Ведь снова голодными спать улеглись.
Так несколько лет провели мы в борьбе,
В голоде, в холоде, в постоянной нужде.
Шло время, на месте оно не стояло,
А мама-вдова четверых поднимала.
Милая мама! Как тяжело ей было,
Здоровья на долгую жизнь не хватило...
Папа погиб, и мамы не стало.
Но мы не сгибались, шли по жизни упрямо,
В память отцов жить достойно и честно,
Родину-мать защищать от агрессоров.
Будьте спокойны, отцы наши, деды,
Не зря же для нас вы ковали победу.
Низкий поклон вам за смелость, отвагу,
Память о вас сохраним навсегда.

Рузин с боевыми товарищами

Страница из книги
«Металлисты»

Николай Тарасович ДЕМИН

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

О своем отце,
Герое Советского Союза
Николае Тарасовиче Демине,
вспоминает Валентина
Николаевна Матвеева

Моего папу звали Николай Тарасович Демин. Родился он 6 декабря 1922 года в поселке Вольный Мордовской АССР. В 1942 году, когда ему было 19 лет, его призвали в армию. Служил папа в кавалерийском отряде.

«Охотники»

Летом 42-го окончил краткосрочные курсы разведчиков и был зачислен в разведывательную группу «Охотник», которая выполняла специальные задания командования в тылу противника. В воспоминаниях Павла Судоплатова, кстати, упоминается разведывательно-диверсионная группа «Охотники».

Николай Демин

На счету отца немало диверсионных операций, т.к. его задачей было добыть важные разведсведения. В один из рейдов группа пустила под откос немецкий железнодорожный эшелон с техникой и боеприпасами.

Гибель врага

С 1943 года папа воевал на Центральном фронте, стрелком в 303-м стрелковом полку 69-й стрелковой дивизии. В сентябре 1943 года в боях на реке Десна папа был ранен, но остался на поле боя, в госпиталь не поехал. А уже в середине октября участвовал в форсировании Днепра в районе поселка Радуть Черниговской области (Украина). Он первым в своем полку вызвался переправиться через Днепр, несмотря на то, что фашисты обстреливали реку – столбы воды поднимались, солдаты гибли. В первых рядах он переплыл на правый берег Днепра и ворвался в окопы. Я помню, как рассказывал папа: «Немцы стали отступать, началась паника. Я прыгнул в окоп. Стоит передо мной молодой немец с автоматом – на меня смотрит, красивый, голубоглазый, белокожий. Он на меня наставил автомат, а я на него. И я только на миг раньше, чем он, успел выстрелить. До сих пор он у меня

06.12.1922 г. – 07.03.1968 г.

перед глазами стоит. Но, если б я его не убил, он бы меня застрелил».

В том бою он уничтожил 16 фашистов. 30 октября 1943 года за этот подвиг он был представлен к званию Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Обыкновенный подвиг

Из наградного листа к званию Героя Советского Союза:

Дочь Николая Демина
Валентина Матвеева

«...Первым переправился на правый берег реки Днепр, с криком «Ура!» ворвался в траншею противника, из личного оружия уничтожил 16 немецких солдат, сломил сопротивление противника, обратив его в бегство. Подразделение, в котором находился Демин, быстрым броском заняло три траншеи противника, нанеся ему большой урон в живой силе и технике.

Командир 303-го стрелкового полка подполковник Гайделис.

19 октября 1943 года»

Форсирование Днепра

Битва за Днепр – ряд стратегических операций Великой Отечественной войны, проведенных во второй половине 1943 года на берегах Днепра.

С обеих сторон в ней участвовали до 4 млн человек, а ее фронт растянулся на 750 километров. В результате четырехмесячной операции от немецких захватчиков почти полностью была освобождена Левобережная Украина. В ходе операции значительные силы Красной армии форсировали реку, создали несколько стратегических плацдармов на правом берегу реки, освободили Киев. Битва за Днепр стала одним из крупнейших сражений в мировой истории.

Немецкий шоколад

Еще помню один из папиных рассказов того же периода. После форсирования Днепра они зашли на ближайший украинский хутор – голодные, холодные. Вошли в дом, там женщина сидит, картошку чистит. Они и попросили у нее: «Хозяйка, дайте нам что-нибудь покушать». А она повернулась и говорит: «Немец нас шоколадам кормил, а вы тут чего пришли?»

Сахалин

В 1946 году папа был уволен в запас, переехал жить на Сахалин. Он был очень скромный человек, звезду-то и не надевал почти никогда. Мама все его просила, а он отнекивался: «Да что показывать?» Когда на 20-летие Победы поехал в Южно-Сахалинск, тогда только и надел. Может быть, они, те, кто войну прошел, считали, что они и не герои вовсе, а просто выполнили свой долг, защитили Родину.

Николай Демин
(второй слева)

ТРИ ИСТОРИИ ОДНОЙ СЕМЬИ

В нашей семье уже не осталось никого из тех, кто пережил войну, но мы их помним. Из большой семьи моего деда воевали трое: сам дед, мой папа и его младшая сестра. О своих родных, дедушке Алексее Иосифовиче Шараеве, папе Михаиле и тете Ульяне вспоминает Татьяна Михайловна Шараева.

Алексей Шараев: самолетный столяр

С 1938 года семья моего деда Алексея жила на Украине в городе Николаев, куда переехала с Камчатки. Дедушка работал на судостроительном заводе, поэтому в начале войны с этим заводом вся семья была эвакуирована вглубь страны, под Сталинград.

Казалось, это был далекий тыл, но война, как мы все знаем, и туда дошла. В 1942 году тяжелые бои шли уже под Сталинградом, а потом и в самом городе. Бабушка с младшими детьми тоже немало пережила: когда подошли бои, они под бомбежками и артоб-

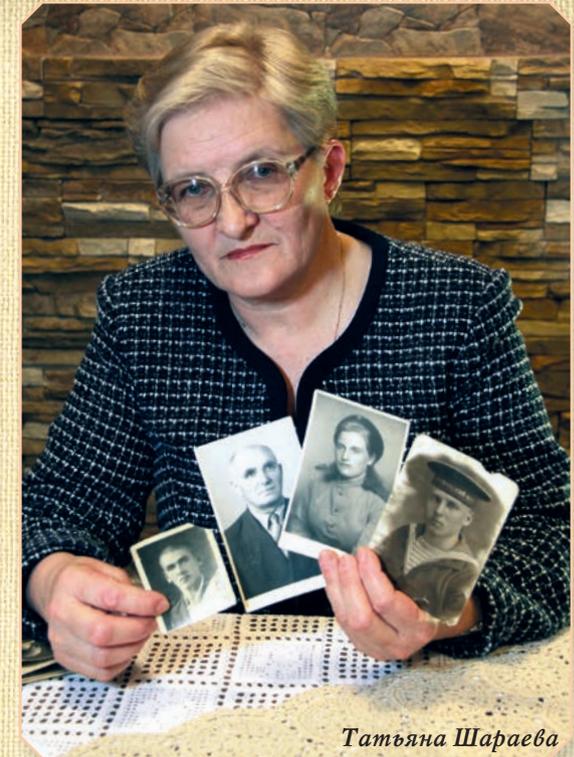
стрелами эвакуировались через Волгу.

Деда моего, хоть ему уже было 53 года, призвали в армию. По гражданской специальности он был столяром, поэтому его направили в подвижную авиаремонтную базу 2-й воздушной армии. Помню, в детстве я всегда удивлялась: что мог столяр делать с самолетами? Потом уже узнала, что наши самолеты в то время были деревянными (фанерными), так что дед их просто-напросто ремонтировал.

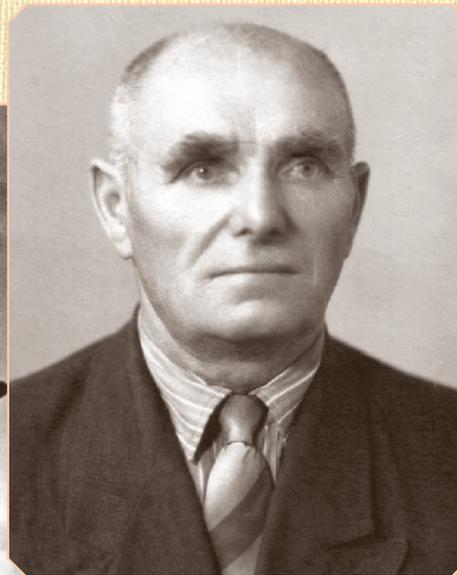
Когда он еще был жив, я по молодости особо не расспрашивала его о войне. А вот в прошлом году, к юбилею Победы, на сайте «Подвиг народа» разыскала все наградные документы на своих родных: деда, тетю, папу. И узнала, что, несмотря на возраст, мой дед отлично справлялся со своими обязанностями, его ставили в пример молодым. Вместе с сослуживцами он восстанавливал самолеты Пе-2: более тысячи – мелкий ремонт; 250 самолетов – аварийный ремонт и полностью восстанавливал 2 самолета.

Кроме того, как сказано в наградном документе, он всегда проявлял личную инициативу. Так, во время одной из операций на их авиаремонтной базе не оказалось запчастей, и дед в полевых условиях наладил их производство, чтобы отремонтировать самолеты без задержек. Дедушка прошел всю войну, закончил ее на 4-м Украинском фронте.

В 1967 году его не стало, мне тогда было 16 лет.

Татьяна Шараева

Алексей Шараев.
Фотоархив Татьяны Шараевой

Хроника ВОВ

Ульяна Шараева: поломанная судьба

Моя тетья, Ульяна Алексеевна Шараева, родилась в 1923 году. В армию ее призвали в Сталинграде (где она находилась вместе с моим дедушкой, ее папой, в эвакуации) в сентябре 1942 года, когда ей было 19 лет. Она просила: «Только не в медицину, я боюсь крови и падаю в обморок». Поэтому

Ульяна Шараева с боевыми подругами
(в верхнем ряду крайняя справа)

всю войну тетья Уля прослужила в комендантской роте 88-го отдельного дорожно-эксплуатационного батальона, обустроивала солдатский быт (кухня, прачечная и т.д.).

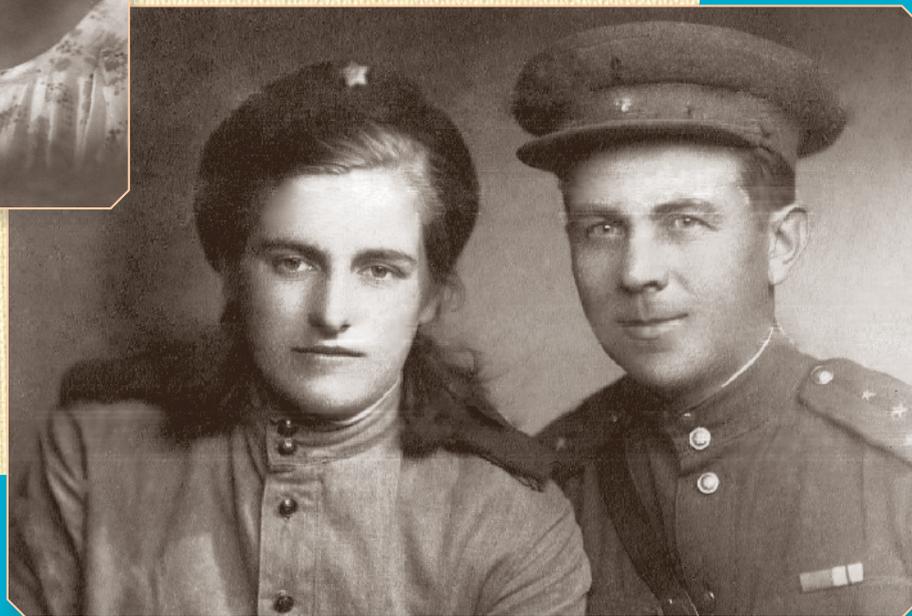
В декабре 1942-го, через три месяца после призыва, она уже была награждена медалью «За оборону Сталинграда». Подробностей, за что она ее получила, я не знаю, потому что тетья очень неохотно говорила о войне. Но представить, наверное, можно, зная, какие бои шли за Сталинград и что там приходилось пережить.

Ее боевой путь закончился в 1945 году в Чехословакии. Там же в день Победы она сфотографировалась со своим молодым человеком. А на следующий день он погиб. Произошло это, когда немецкая группировка, находившаяся в Чехословакии, с боями прорывалась из окружения.

Личная судьба у моей тети после войны так и не сложилась, как и у многих женщин ее поколения.

Ульяна Шараева
с боевым другом,
весна 1945 год,
Чехословакия

Михаил Шараев

Михаил Шараев: 6 лет на защите Родины

Папу моего, Михаила Алексеевича Шараева, призвали на службу в Черноморский флот в 1940 году и направили в Севастополь. Он рассказывал, что война там началась 22 июня 41-го года уже в третьем часу ночи – немцы совершили страшный авианалет на наш флот, старались его блокировать и уничтожить. А папа был зенитчиком в зенитно-артиллерийском полку, и в первую ночь войны он отражал эти налеты, стреляя по самолетам.

До октября 41-го он участвовал в обороне Севастополя, а потом добровольцем пошел во вновь сформированную 80-ю отдельную морскую стрелковую бригаду, в составе которой был переброшен на Карельский фронт, под Мурманск. Здесь наши войска обеспечивали безопасность Кольского полуострова и Карелии, а также Обозерской железной дороги. По ней шли все поставки из центральной части страны в Заполярье, а в обратном направлении перевозились грузы, полученные по ленд-лизу.

Папа рассказывал, что, когда их привезли в Заполярье, уже стояла осень, было холодно, лежал снег. Пока выдали обмундирование, многие успели обморозиться. Он вызвался добровольцем в диверсионную группу – на лыжах они совершали

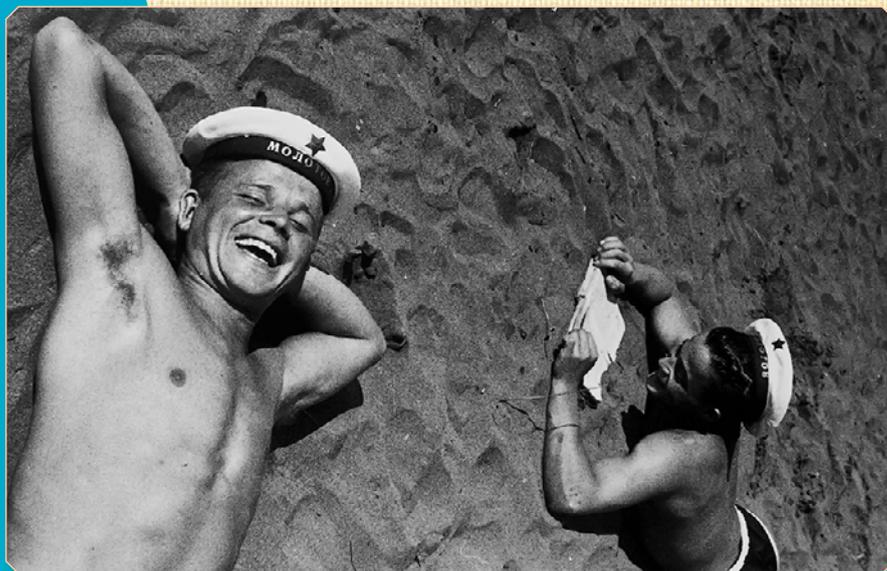

Михаил Шараев

рейды в тыл противника. На саночках возили за собой минометы, рассказывал папа.

По результатам одного из таких рейдов папу представили к медали «За боевые заслуги». Это было в мае 1942 года, когда они попали в окружение. По папиной инициативе миномет, наводчиком которого он был, выдвинули на выгодную огневую позицию, откуда и стали вести обстрел. Таким образом, стрелкам дали возможность пойти в наступление и вывести солдат из окружения. Правда, медаль папа тогда не получил, потому что был дважды ранен и отправлен в госпиталь.

Затем он оказался под Сталинградом, воевал в 66-й отдельной морской стрелковой бригаде, был

Автор
Евгений Халдея

минометчиком-пулеметчиком. Оборонял подступы к Сталинграду, станицу Клецкую, Калач-на-Дону. А в октябре 1942 года в одном из боев при авианалете он был контужен и ранен, и попал в плен. В плену – лагерь под открытым небом, огороженный колючей проволокой. Осень, холод, голод. Кормили, как собак – кидали что придется через колючую проволоку, и местным жителям запрещали подкармливать пленных. И, естественно, на работу гоняли.

Он рассказывал, что однажды их погнали грузить уголь в вагоны на железнодорожной станции, и группе пленных удалось припрятать ломик, которым они долбили смерзшийся уголь. А когда их загоняли в теплушку, они ликвидировали часового в вагоне, выломали пол и спрыгнули прямо под поезд. Не всем, конечно, удалось выжить.

Потом они скитались по степям, пытались добраться до фронта – беглые пленные на оккупированной территории. Им, конечно, помогали, но многие и боялись. Во время одной из облав папу схватили и угнали в лагерь на юг Германии (города Штутгарт, Ульм). Ну а там наших пленных использовали, как рабов. Освободили их в апреле 1945-го союзные американские войска. После этого – советский фильтрационный лагерь, где проверяли всех пленных. Папа проверку прошел, его оставили служить в Германии, но уже сапером. И только в июле 1946 года он демобилизовался.

Вытягивать из него информацию о войне было сложно, вспоминать он не хотел. Но в начале 70-х ему написал один севастопольский журналист, который восстанавливал историю обороны Севастополя в 1941-42-м гг. Его интересовал какой-то эпизод. Тогда папа засел за воспоминания, и я удивилась тому, как много он помнит. Он вспомнил всех своих однополчан: кого как зовут, какого года рождения, откуда призывались. А тот журналист нашел всех папных однополчан, дал адреса, они списались, и в 1974 году папа впервые после войны поехал в Севастополь, встретился с фронтовыми друзьями, побывал у них в гостях. Я особенно запомнила две фамилии: Коваленко и Лесниченко. Они семьями сдружились, встречались.

В 1978 году в Севастополе была организована первая встреча участников обороны города. Папа ездил туда и очень дорожил отношениями с бывшими сослуживцами. Последняя их встреча состоялась в октябре 1991 года. Ну а после этого Украина стала самостоятельной страной и Севастополь был уже не наш. Папа очень тяжело переживал эти события. А в 1994 году его не стало.

Автор Евгений Халдей

Автор Евгений Халдей

Кузьма Федорович БЫЧКОВ

О своем отце, участнике
боев за Малую землю,
Бычкове Кузьме Федоровиче,
вспоминает дочь
Колач Валентина Кузьминична

Мой отец, Бычков Кузьма Федорович родился в станице Незамаевской Павловского района Краснодарского края в семье потомственного кубанского казака Бычкова Федора Николаевича. Кузьма был 12-м, самым младшим ребенком в семье. Участвовал в боях за освобождение города Новороссийска. В составе батальона морской пехоты Черноморского флота защищал плацдарм «Малая земля», получил тяжелое ранение. Награжден орденом Отечественной войны II степени, юбилейными медалями, а также медалью «Ветеран труда СССР за долголетний добросовестный труд». С 1948 года проживал на Сахалине, в городе Корсакове, 22 года проработал электросварщиком в Корсакове.

Валентина
Колач

Расказачивание

До войны казаки продолжали жить по своему укладу: растили детей, сеяли хлеба. Мой отец Бычков Кузьма Федорович не раз подшучивал, что в станице он был самым завидным женихом, так как имел кожаные ботинки и галоши к ним. Но спокойная жизнь закончилась, когда началось расказачивание. Принудительное переселение казаков с плодородной кубанской земли в засушливые бесплодные степи Казахстана стало трагическим для многодетной семьи Бычковых: многие дети опухли и умерли от голода; у родной сестры Кузьмы Федоровича – Екатерины Федоровны на руках умерли четверо детей, а мужа ее съели неизвестные. Не смотря на обиду на советскую власть, когда пришло время, мой отец пошел воевать против фашистов.

Отряд особого назначения – куниковцы

Отца призвали на защиту Отечества 28 мая 1942 года. Защищал Родину на Северном Кавказе, в составе черноморского десанта, в отряде майора Цезаря Куникова.

29.10.1914 г. – 14.05.1994 г.

Освобождение города Новороссийска от немецко-фашистских захватчиков было возможно только со стороны Черного моря. Командование черноморской группой войск подготовило две десантные операции. Одна, основная, была нацелена на Южную Озерейку, вторая – на Станичку, пригород Новороссийска. Десант на Станичку носил отвлекающий характер. Необходимо было убедить немцев, что именно сюда будет нанесен главный удар, а тем временем высадить основные силы войск в Южной Озерейке для на-

Тренировка бойцов дивизии Куникова

ступления на Новороссийск. Отряд должен был либо погибнуть, отвлекая на себя основные силы противника, либо прорваться на соединение к своим войскам. Такие беспощадные условия диктовала война.

В этот особый отряд, который создавался на базе отдельной роты разведчиков и зачислялись только добровольцы из числа лучших бойцов, подал заявление и мой отец – Бычков Кузьма Федорович. С каждым из бойцов майор Цезарь Куников лично беседовал о том, что их ждет впереди: «Холод, ледяная вода, огонь врага. Короче говоря – смерть. У гитлеровцев пушки и танки, а у нас только автоматы, гранаты, противотанковые ружья. Не каждому дано вынести то, что предстоит нам. Сейчас непоздно отказаться». Никто не отказался. Не зря немцы их называли «черная смерть» или «черные бушлаты». Моряки отличались крутостью нрава и в условиях боя, как правило, или умирали, или же выполняли поставленную задачу. Некоторые историки даже утверждают, что за всю историю Великой Отечественной войны не было ни одного случая невыполнения моряками боевой задачи и отступления без приказа. Моряки шли в бой с криком «Полундра!» и в полный рост, идти же в бой в каске было также презрительно. В течение 25 суток бойцы обучались владению всеми видами оружия, включая трофейным; умению вести ночной бой, обеспечению надежных средств связи с силами поддерж-

ки. Тренировались в стрельбе по звуку, в метании ножей и гранат, в преодолении всевозможных препятствий, в минировании и разминировании полей, учились приемам рукопашного боя, способам оказания первой помощи раненому. Готовились к десантным операциям.

Клятва

Мой отец, как и все матросы, старшины и офицеры отряда особого назначения, перед десантом принял такую клятву: «Мы получили приказ командования – нанести удар по тылам врага, опрокинуть и разгромить его. Идя в бой, мы даем клятву в том, что будем действовать стремительно и смело, не щадя своей жизни ради победы над врагом. Волю свою, силы свои и кровь свою капля за каплей мы отдадим за счастье нашего народа, за тебя, горячо любимая Родина... Нашим законом есть и будет только движение вперед! Мы победим! Да здравствует наша победа!»

Десант за борт

В ночь с 3 на 4 февраля, ровно в час ночи, загрохотало по обеим сторонам Цемесской бухты. В тот же миг катера с десантниками ринулись к берегу. Их встретил шквальный ружейно-пулеметный огонь врага. Однако краснофлотцы словно не замечали опасности. Люди прыгали с бортов прямо в ледяную воду и устремлялись

к берегу. «Вперед, и только вперед!» – громко повторял кто-то слова клятвы. С другого «морского охотника» спустили трап, но вражеский снаряд разнес его в щепки. Несколько десантников упали, сраженные осколками. «За Родину, вперед! – раздался зычный голос лейтенанта Ивана Левина. – Черноморцы не знают страха!» У береговой черты во многих местах завязались ожесточенные рукопашные схватки. В отвесах гранатных разрывов и орудийных вспышек мелькали приклады. Через 10 минут первая линия береговой обороны противника была прорвана на всем участке высадки десанта. Постепенно плацдарм расширился. Туда высаживались все новые и новые подразделения, оттуда вывозили раненых. 47 уцелевших десантников из 830 оставили Малую землю 27 марта 1943 года. Захваченные в плен гитлеровцы признавали, что, как правило, против одного русского моряка им приходилось выставлять 30 своих солдат.

Высадка десанта и начало битвы на Малой земле. Расчет противотанкового ружья ведет огонь по танкам противника

Ночные вылазки – боевое братство

Готовясь к решающему штурму, гитлеровцы пытались сбросить десант в море. А краснофлотцы Николай Соболев, Кузьма Бычков и Иван Максимов, находясь в ночной вылазке в тылу врага, уничтожили вражескую минометную батарею вместе с ее прислугой, а на обратном пути, уже перед самым рассветом, прихватили фашистский пулемет вместе с расчетом. Во время кровопролитных боев на Малой земле Бычков Кузьма Федорович был тяжело ранен и контужен: потерял 50% зрения и слуха, множественные осколки от фашистской мины изуродовали правую ногу. С одним из этих осколков, который врачи не решились извлечь из кости для сохранения ноги, мой отец прожил до конца своей жизни. Осколок часто напоминал о себе, особенно в плохую погоду.

ЗА РОДИНУ!

«Люди Родину больше любят» – вот боевой лозунг героических комсомольцев.
Моряк, младший командир Степан Ермоленко получил задачу – стоять задержать рубеж. Восьмь раз выдвигаясь вперед в атаку на атакованную Ермоленко в войска за захваченными с собой врагом. Отдав атаку, моряки сами бросились на немцев.

Против одного краснофлотца было 10–12 фашистов. Ермоленко выдержал более 20 минут. Два фашиста и их гранаты легли точно в цель, уничтожены до 10 метров. Сильно часов выстоял свой рубеж доблестный краснофлотец. Она истощила боем выносливость немцев, не отступая и не сдали своих позиций врагу.

Автор Кокорекин А., 1942 г.

Постоянно приходилось подлечивать больную ногу, поддерживать зрение и слух. Позже подвиги отца и его товарищей были описаны его командиром Владимиром Кайда в книге «Атакуют морская пехота».

Семейный десант на сахалинскую землю

В 1948 году Кузьма Федорович Бычков в составе переселенческого эшелона высадился мирным семейным десантом на сахалинскую землю. На всю жизнь запомнился мне отец на каком-то полустанке с двумя полугодичными дочками – близняшками Катюшей и Раисой на обеих руках. Я стояла рядом и держала его за штанину. Недалеко крепко сжимали руки мамы, Бычковой Марфы Ефимовны, первенец Виктор и старшая дочь Алла. Всего нас было пятеро детей. Четыре года наша семья проживала в рыболовецком колхозе Белокаменка Корсаковского района. Чуть позже папа перевез всю нашу большую дружную семью в город Корсаков. Здесь первые три года пришлось пожить в японской хибарке с раздвижными во всю стену окнами, в которые вместо стекол была вставлена пергаментная бумага. Отец сложил в этой хибарке настоящую русскую печку, которая была спасением от холода. Таких печек-спасительниц мой отец построил в Корсакове немало, заказчиками были соседи и знакомые. Мой отец был мастером на все руки: умел рыбачить, охотиться, ремонтировал обувь, делал мебель, построил 2 дома, в поселке Или в Казахстане и в городе Корсакове.

Моя мама, Бычкова Марфа Ефимовна, была для отца верной женой и

Кузьма Бычков с женой Марфой

и преданным другом, во всем его поддерживала и заботилась о нем также, как о нас. Мои родители одними из первых начали выращивать на Сахалине картофель, морковь, свеклу и другие овощи, все годы держали в хозяйстве домашних животных. При всем своем трудолюбии и умении в быту Бычков Кузь-

ма Федорович был отличником производства, добивался высоких показателей в выполнении производственного плана. Трудовые заслуги Бычкова Кузьмы Федоровича как рабочего Советской армии, оценены и отмечены командованием воинской части 40303 города Корсакова благодарностями, почетными грамотами, медалями.

Кузьма Бычков с семьей на Сахалине, 1948 г.

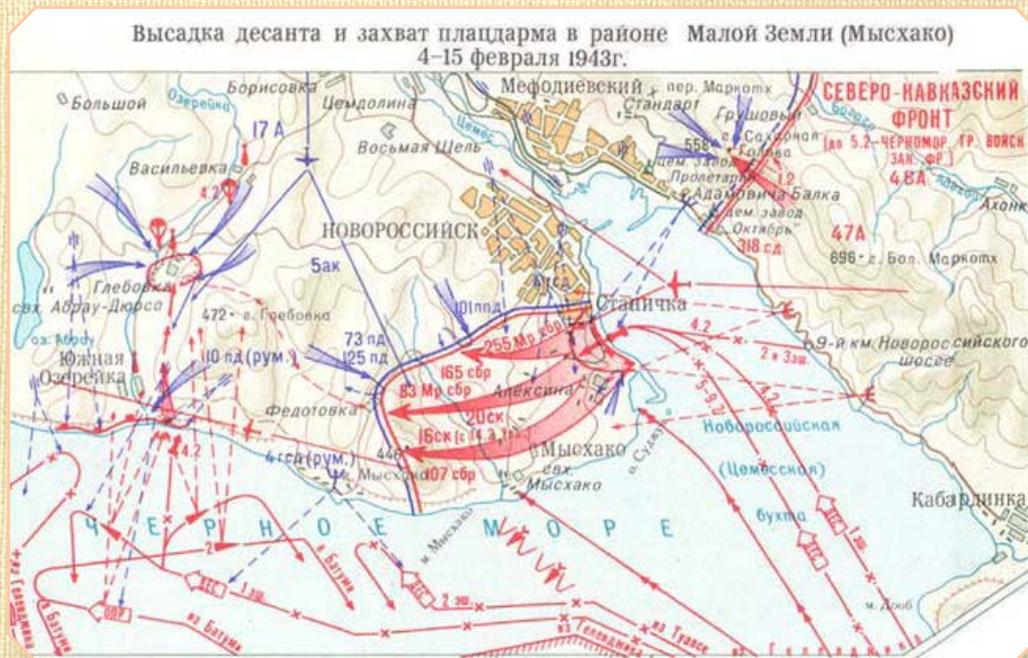

Малая Земля

«Малая земля» – название плацдарма в районе Станички (мыс Мысхако) южнее Новороссийска, образовавшегося в результате десантной операции. Героическая оборона этого клочка земли продолжалась 225 дней и завершилась утром 16 сентября 1943 года освобождением Новороссийска. За мужество и отвагу 21 воин был удостоен высшей степени отличия СССР — звания Герой Советского Союза. Малая земля рассматривалась как ключ к освобождению Таманского полуострова. Обороняющиеся находились в крайне невыгодных условиях, на открытой, отлично простреливаемой местности, в то время как противник владел всеми окружающими высотами. Поэтому оборона была возможна только за счет проведения огромных по масштабу саперных работ: вся занятая территория была изрыта траншеями, в том числе в скальном грунте, было оборудовано 230 скрытых наблюдательных пунктов и более 500 огневых точек, созданы подземные склады, командный пункт находился в скальном убежище на глубине 6 метров. Доставка грузов и пополнения была по очевидным причинам затруднена, так что защитники Малой земли постоянно испытывали трудности со снабжением, в том числе боеприпасами и продовольствием. В написанной от имени Брежнева книге «Малая земля» указано, что целые подразделения посылали в лес собирать дикий чеснок.

17 апреля противник предпринял попытку ликвидировать плацдарм. Для этого была создана ударная группа войск численностью 27 тысяч человек под командованием Ветцеля. Наступление

Л. Брежнев на Малой земле

велось при поддержке авиации и тяжелой артиллерии, бомбардировка велась практически непрерывно, авиация противника имела подавляющее численное превосходство. На море действовала специально созданная группа «Бокс», в которую входили торпедные катера и подводные лодки, на нее возлагалась задача перерезания коммуникаций и уничтожения отступающих советских войск. В непрерывных атаках и бомбардировках прошло трое суток, тем не менее плацдарм удержался.

Героическая оборона этого клочка земли продолжалась 225 дней и завершилась утром 16 сентября 1943 года освобождением Новороссийска.

В. Бычкова-Колач

Отцу Бычкову Кузьме Федоровичу,
всем куниковцам – участникам
Великой Отечественной войны,
боев за Малую землю посвящается

Малая земля

На карте Родины моей
есть Малая земля,
Тропюю мужества отцов
сквозь сердце пролегла она.
Легендой стала в грозный час,
испив всю чашу зла,
В бессмертные веков внесла
героев имена.
Горело море, и земля вставала на дыбы,
Когда фашистская орда оскалила клыки.
Вандалы рвались на Кавказ,
В край солнечной земли,
Им Гитлер дал «шизоприказ» –
уничтожить сады...
Сады любви, сады мечты,
Сады цветущих весен.
Но встал народ на вражеском пути,
Народ непобедим и грозен.
Во имя жизни на Земле,
а не ради славы,
Шли в бой десантные полки
на той полоске малой.
Была победа нелегка
И кровью бойцов обагралась.
Из малых полосок и верных сердец
Победа Отчизны слагалась!

Моряки

В годы Великой Отечественной войны
1941-1945 годов на фронтах сражались
21 бригада, более 30 морских стрелковых
бригад, несколько десятков отдельных
полков и батальонов морской пехоты общей
численностью около 150 тысяч человек.

Цезарь
Куников

Долго и тщательно готовился десант, который вошел
в историю Великой Отечественной войны.
Этих людей назовут куниковцами по имени
их командира – майора Цезаря Куникова, который
смотрит на нас с фотографии, сделанной за несколько
дней до его героической гибели.

Иван Никитович ТЕЛЬНОВ

Рассказ записан со слов Виктора Панкова, который в годы войны знал капитана Тельнова.

Родился 29 июля 1912 г. в Новосибирской области. Отец, Никита Филиппович, в годы коллективизации стал первым председателем коммуны «Красный пахарь» (с. Орловка Новосибирской области). А в 1928-м Тельновы переехали в Новосибирск. Семья у Тельновых была большая – несколько сыновей и дочь. Иван вместе с отцом работал на кожевенно-сырьевой базе, там же вступил в комсомол. А в 1931-м его послали учиться в московский техникум, после которого окончил авиационное училище. В морской авиации он стал командиром звена. Еще до войны Ивана распределили на Сахалин, а в 1941-м молодая жена И. Тельнова, Анастасия Васильевна, вместе с дочерью Валерией вернулась в Новосибирск.

Иван Тельнов

Подвиг капитана Тельнова

В 1945-м Виктор Панков был старшиной подразделения на Тихоокеанском флоте, а Иван Никитович там же служил офицером – был летчиком, воевал на западе. Но из-за болезни его отчислили из авиации. Вот что Панков пишет о подвиге товарища:

«...Когда началась война с Японией, в первую десантную группу пошли пограничники капитана Супрунова. В авангардной группе прикомандировали капитана Тельнова. Около 4 часов утра перешли границу, бесшумно сняли часовых и разведали местность. Капитан Тельнов шел впереди. Он помечал на планшете основные ориентиры. Затем вернулись на свой берег и собранные сведения доложили командованию. На другом берегу стоял поселок. Это было настоящее осиное гнездо. Отсюда самураи совершали провокации против наших рыбаков, промышлявших в открытом море, – захватывали их суда и ночью уводили на юг, чтобы потом обвинить в нарушении границы. Многие годы японцы укрепляли селение. Они превратили его в крепость. И как только наши войска начали форсировать водную

29.07.1912 г. – август 1945 г.

преграду, японцы открыли ураганный огонь.

Отряд разделился на две группы – одна отвлекала силы противника на себя, другая, незаметно просочившись в тыл, подрывала снаряды с боеприпасами. Главное задачей было уничтожение японского поста Кире (12-15 км от берега моря). Капитан Тельнов был все время впереди, воодушевляя всех своим мужеством. Он первым ринулся в атаку, а следом и все солдаты. На высоких деревьях укрылись японские снайперы-кукушки. По их сигналу открывали огонь пулеметчики, прятавшиеся под кучами валежника. Тельнов смело повел группу наших воинов на штурм позиций врага. Лесная тропа сбегала вниз, а наверху засели враги. Им было отлично

Иван Тельнов (нижний ряд в центре)

видно каждый метр земли впереди. Тельнов ринулся по тропе вниз. Раздалась пулеметная очередь. Капитан упал, но атака не захлебнулась, увидев, что командир на земле. Пограничники с криком «Ура!» рванули вперед. Сержант Воронной подполз к казарме, где засели пулеметчики, и подорвал их гранатами. Пост Кире пал.

Капитана перевязали, наложили жгуты на обе ноги. Врач насчитал 11 пулевых ран. Тельнов потерял много крови. По дороге от границы к медсанбату он скончался. С воинскими почестями его похоронили в Александровске. А поселок, который он штурмовал, советские люди назвали Возвращением – в память об историческом событии, произошедшем, когда нашей Родине вернули южный Сахалин, захваченный японскими империалистами...»

Поселок имени героя

В районном краеведческом музее г. Угледорска помимо того, что описано выше, удалось

раздобыть еще кое-какие детали, связанные с Иваном Тельновым.

За отвагу и мужество, проявленные в боях с японскими захватчиками, капитан И. Н. Тельнов награжден орденом Красной Звезды посмертно. А его именем назван не только поселок в Угледорском районе, но и река. В 1970 году в п. Тельновский из Донецкой области приезжал брат погибшего героя – Николай Тельнов. Он встретился с жителями поселка, выступив в клубе «Шахтер». Ученики и педагоги местной школы тепло встретили его, он многое рассказал из жизни Ивана Никитовича. В тельновской школе было почетно носить звание Тельнова тому отряду, где все хорошо учатся и активно занимаются общественной работой. Вместе с именем Тельнова отряд получал свою песню.

Также в угледорском краеведческом музее сообщили, что Иван Тельнов был призван на фронт в первые дни Великой Отечественной войны. Награжден медалью «За боевые заслуги». После тяжелого ранения врачи запретили ему летать. Но И.Тельнов продолжал писать рапорты, и в 1944-м его просьбу удовлетворили, направив не в действующую армию, а на Северный Сахалин в морскую пехоту. Там он получил звание капитана. В августе 1945-го Иван Никитович служил командиром разведывательного отряда Тихоокеанского флота в так называемом морском пункте связи № 2. Подразделение дислоцировалось

в Пильво. Описание последнего сражения капитана Тельнова, найденное в районном краеведческом музее, совпадает с тем, что описано выше. Тело разведчика отвезли в Александровск. В последний путь капитана провожал весь город.

По словам правнучки Марины Синицыной, живущей в Новосибирске, даже когда закончилась война, жена Ивана Никитовича продолжала ждать его возвращения. Сослуживцы рассказали ей, что видели Ивана в госпитале, поэтому надежда теплилась, что он вот-вот вернется домой. Похоронка пришла не сразу. Когда Анастасия Васильевна узнала, что ее супруг погиб, освобождая южный Сахалин, тяжело переживала потерю. По рассказам родственников, замкнулась, несмотря на сильный волевой характер. Поэтому эта тема была закрытой.

За образцовое выполнение боевых заданий командования Иван Никитович награжден орденом Отечественной войны I степени.

Иван Тельнов с товарищами, довоенное время

Макс Владимирович АЛЬПЕРТ

О своем прадеде, Максе Владимировиче Альперте, рассказывает старшекласник лицея №1 Южно-Сахалинска Артем Крупницкий

Родился мой прадед 18 марта 1899 года в Симферополе в семье сапожника. В возрасте 11 лет он начал работать учеником в фотоателье в Одессе. Во время Гражданской войны М.Альперт служил в рядах Красной армии, после чего приехал в Москву, где устроился фотокорреспондентом в «Рабочую газету».

Новатор

Мой прадед – Макс Владимирович Альперт был известным советским фотографом и фотокорреспондентом, заслуженным работником культуры РСФСР.

Дедушка чувствовал себя новатором в фо-

Артем
Крупницкий

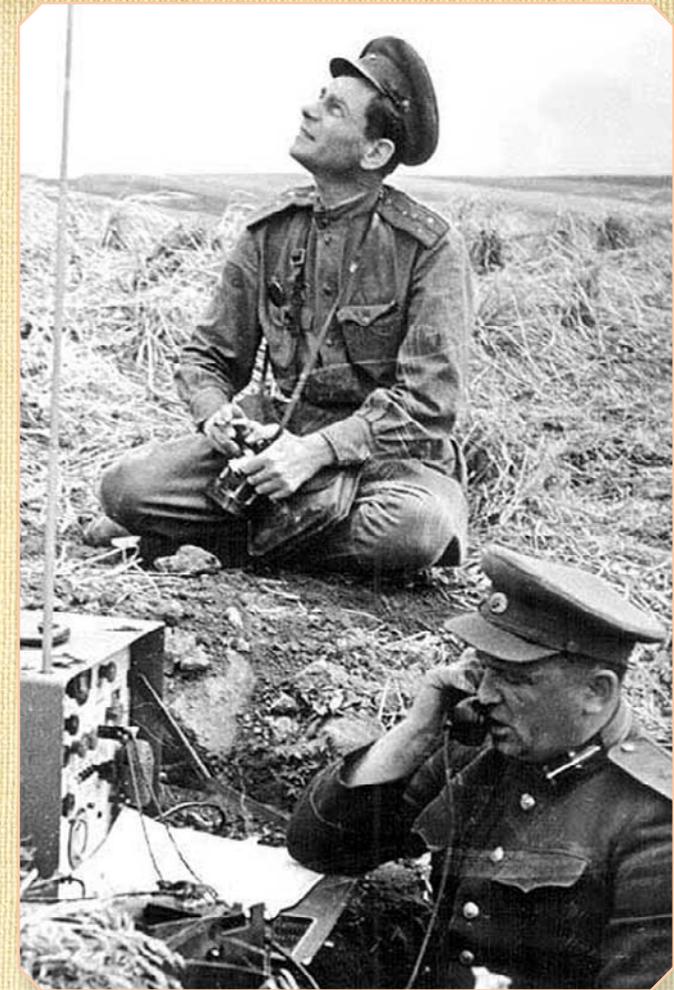
тографическом деле на фоне маститых учителей, ведь они стремились отказаться от шаблонной фотографии с ее мягкостью форм и линий, очень характерной для начала XX столетия. Вместо попытки сблизить фотоискусство и живопись посредством затушевывания документального характера снимка поколение Макса Альперта пыталось овладеть искусством объективной подачи материала, чтобы зритель мог буквально прочувствовать то или иное событие.

С самого начала войны прадед начал работать военным фотокорреспондентом ТАСС и Совинформбюро как в тылу, так и на фронте, непосредственно в боевой обстановке. Его работы направляли солдат к победе, поддерживали в них стойкость духа. Я считаю, что в его photographиях сохранена история.

«Комбат»

Одна из самых знаменитых работ моего прадеда – фотография «Комбат», которая считается символом войны. О том, как она появилась, мне рассказывала мама.

Мой прадед, будучи на передовой, в одном из батальонов, вместе с его командиром отправился на поле боя. Занял позицию в окопе и ждал подходящего момента, чтобы сфотографировать командира. Когда началась атака, неизвестный

18.03.1899 г. – 30.11.1980 г.

ему молодой военный поднялся и крикнул: «Солдаты, вперед!» Прадед его сфотографировал. Так и появился этот знаменитый снимок.

Человек, изображенный на фотографии «Комбат», погиб через несколько секунд после того, как Макс Альперт его снял. Это произошло 12 июля 1942 года возле села Хорошее под Ворошиловградом (ныне – Луганск).

Осколок снаряда также разбил камеру фотографа, и тот решил, что кадры испорчены, а потому не стал записывать имя героя. Позже, проявляя пленку, он увидел, что кадр получился превосходным, но узнать, кто на нем, было невозможно. Фотография «Комбат» стала одной из самых известных во всей фотолетописи Второй мировой. Но только через 20 лет после войны эксперты-криминалисты установили, что на ней изображен младший политрук Алексей Еременко.

Мало кто из моих сверстников знает и о моем прадеде, и об этой фотографии. Но когда я рассказываю о нем взрослым людям, они очень удивляются, узнав, что знаменитый военный фотограф — мой прадед. Он прошел всю Великую Отечественную войну, от начала до конца, сумев побывать в освобожденной Праге и разрушенном Берлине. Ему

также посчастливилось снимать знаменитый Парад Победы 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве.

Мой прадед прожил долгую и насыщенную жизнь. После войны он продолжал работать фотокорреспондентом, снимал, как строились железные дороги, обычную жизнь людей. Он написал книгу «Беспокойная профессия», в которой рассказал о работе фотографа, в том числе и во время войны.

Человек, изображенный на фотографии «Комбат», погиб через несколько секунд после того, как Макс Альперт его снял. Это произошло 12 июля 1942 года возле села Хорошее под Ворошиловградом (ныне — Луганск).

Советские женщины и дети возвращаются домой. Авторское название «В родное село»

После боя. Расстрелявший немецкую танковую колонну советский танк КВ-1С (скоростной) и его погибший танкист.

В освобожденном Севастополе

Он был удостоен ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны II степени, а также двух орденов Трудового Красного Знамени.

Рисковал своей жизнью и фотографировал, не взирая на опасность, ради того, чтобы будущие поколения знали, что такое война.

Многие из его работ сегодня являются достоянием коллекции Государственного центрального музея современной истории России.

Умер дедушка 30 ноября 1980 года, ему был 81 год.

Разведывательный маневр, 1943 г.

Восточная Пруссия

Парад на Красной площади

Витя Черевичкин

Виктор Черевичкин родился в городе Ростове-на-Дону в рабочей семье.

После окончания семилетней школы учился в ремесленном училище № 2 и, как многие, занимался содержанием голубей.

После начала Великой Отечественной войны, когда отец и старший брат ушли на фронт, Виктор с матерью и двумя младшими сестрами остался в городе, который 20 ноября 1941 года был захвачен наступающими частями вермахта и войск СС.

22 ноября 1941 года был выдан приказ об уничтожении голубей в районах города Ростова. Вопреки предписанию немецкого командования об уничтожении принадлежащих местному населению домашних голубей, подросток в течение недели скрывал имевшихся у него птиц.

28 ноября 1941 года немцы застали Виктора Черевичкина выпускающим нескольких голубей у здания, в котором размещался штаб, и обнаружили в сарае во дворе его дома голубятню.

После допросов и пыток схваченного подростка обвинили в пособничестве Красной армии, вывели в парк имени Фрунзе и расстреляли.

В тот же день немцы были выбиты из города в результате успешного контрнаступления частей Юго-Западного фронта.

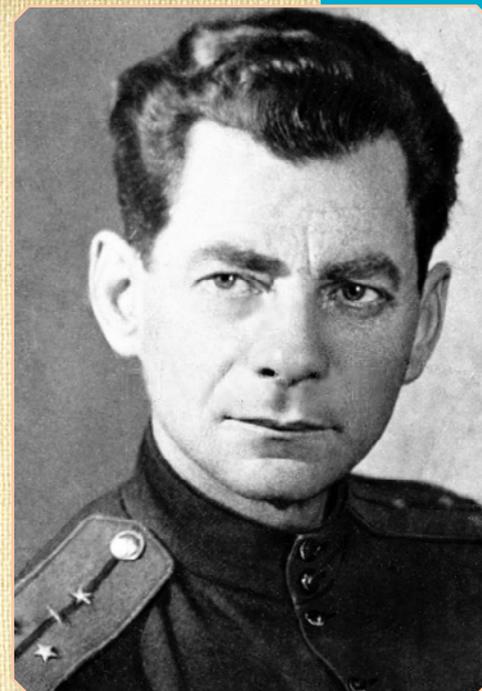
Тело Виктора Черевичкина было захоронено в одной из братских могил вместе с красноармейцами и жителями города, убитыми оккупантами. В период оборонительных боев и повторной немецкой оккупации Ростова-на-Дону с лета 1942-го по февраль 1943-го информация о точном месте захоронения была утрачена.

Фотография убитого Вити Черевичкина с голубем в руке, сделанная советским фотокорреспондентом М.В. Альпертом, фигурировала на Нюрнбергском процессе в числе фотодокументов, изобличающих нацизм в совершении преступлений против человечности.

Отрывок песни
«Жил в Ростове Витя Черевичкин»,
группа «Запрещенные барабанщики»

*«...Но однажды мимо дома Вити
Шел отряд захватчиков-зверей.
Офицер вдруг крикнул: «Отберите
У мальчишки этих голубей!»*

*Мальчик долго им сопротивлялся,
Он ругал фашистов, проклинал,
Но внезапно голос оборвался,
И убит был Витя наповал...»*

Раиса Михайловна ДРЮЧИНА

Родилась в 1929 году на Кубани. Участница трудового фронта. Будучи подростком работала на благо Победы Советской страны в войне против фашизма. После освобождения Крыма Раиса Михайловна продолжала работать в колхозе. В конце 1950-х вместе с семьей переехала на Сахалин. Проживает в Аниве.

Начало войны

Наша семья жила на Кубани, когда началась война, мне было 12 лет. В селе был колхоз «Искра». Мой отец и старшая сестра сразу ушли на фронт. Шестеро детей, моих сестер и братьев, остались с матерью. Мы работали на полях, с тяпками и лопатами окучивали, вскапывали, собирали урожай. Наш колхоз «Искра» был посередине,

Раиса Дрючина

а когда война началась, по обоим сторонам стояли военные, морские бригады. Когда немцы Крым заняли и вошли в Керчь, наш поселок оказался в самой гуще, в окружении: пушки бьют, немец к нам, а наши туда. Потом получилось так, что за этими бригадами из Тамани должны были прийти катера, но они не появились вовремя, и тут немцы нагрянули! Две бригады в кучу сбились, обороняли-обороняли, но без толку – всех взяли в плен.

Дети и старики, кого не забрали на фронт, подбирали наших раненых моряков, кого-то закапывали, кто-то был жив и кричал: «Добейте нас!» Это была страшнейшая картина: вывернутые наизнанку тела, без рук и ног были. Там же и хоронили мертвых, теперь на том месте памятник установлен.

Когда немцы зашли в наш поселок, первым делом начали курей у нас хватать, коров резать и все забирать. Маму мою забрали на работу – снаряды носить. Однажды был случай, когда я хотела принести маме поесть, так меня огрели плеткой по спине, я аж присела, избитая вернулась домой.

От голода у нас сильно пухли ноги, мы ходили по помойкам, собирали хоть что-нибудь, искали кто что даст, а у людей ничего не было. Затем, когда немцы отступали, они погрузили все поселки на баржи и повезли в Керчь. Солдаты не-

Родилась в 1929 г.

мецкие сами прятались в трюмах. А мирное население было на палубах – для маскировки. Наши самолеты как начнут бомбить, а мы платками машем им, и они перестали.

Спасение от концлагеря

Привезли нас в Крым. Немцы намеревались всех отправить в концлагерь, нам чудом удалось сбежать в поселок, к родственникам отца. Помню, как перебежками уходили от преследования полицаев, которые искали нас на велосипедах. К счастью, мы укрылись в кювете, отсиделись там, подождали, пока опасность минует. Затем мы все-таки добрались до тети Дуси, какое-то время пробыли у нее. В поселке просили милостыню, одни подавали, другие нет. Копали степной хрен

и пытались продавать, этим и жили. Иногда из крымских лесов к нам приходили партизаны и приносили орехи. А когда наши советские войска заняли Крым, мы стали собираться домой, на Кубань.

Вернулись в родные места. Там разруха, дом наш сожгли, кругом пустота. Дали нам лачужку, в ней и жили.

Рыли лопатами окопы, затем начали огороды сажать, тогда стало полегче. Мама жарила кукурузу, горстку на целый день выдаст нам, детям. Но мы по-прежнему пухли от недоедания, были очень сонные, немощные. Рядом было Азовское и Черное море, мальчишки соседские стали рыбу ловить, постепенно сделали стан. Тогда в нашем рационе появилась похлебка из рыбы и размолотой кукурузы. Порция была – по одной поварешке на целый день. Спасались конским щавелем и степными орехами, их варили или перемалывали и лепешки пекли.

Помощь фронту

Вязали носочки, варежки, отправляли туда. Хотя мы были детьми, но осознание и понимание того, что на фронте гибнут бойцы, у нас присутствовало постоянно. Там нужна была наша поддержка, помню, мы мололи орехи, которые использовали как замену кофею, этот сухой порошок мы тоже отсылали на фронт.

Затонувший эсминец в порту Севастополя, 1942 г. Фото из немецкого архива

9 мая встречали слезами

Мы были в поселке, в Крыму, мы уже знали, что наши солдаты заняли территорию полуострова. Смотрим на сопки, а там цепь русских бойцов идет. В это время немцы ушли, а затем танки появились и начали бить. Немцев прогнали. Мы как увидели своих – плакали, обнимались. Нас переполняли чувства при виде количества наших бойцов и техники! Своих встречали слезами счастья.

Позже моя старшая сестра рассказывала, как она встретила 9 мая. Ее ведь немцы угнали на работу – для пушек снаряды подносить. Она вспоминала, что в этот день они сбежали, вместо того чтобы принести новую порцию снарядов. Какое-то время

укрывались в поселке, а затем встретили советские танки, и ребята-танкисты налили им по 100 грамм. А затем подвезли их на танках. Так моя сестра встретила Победу.

Затем партизаны вышли в город, а мы жили рядом с Керчью, флаги красные вынесли, мы поняли, что кончилась война. Радость от известия, что мы свободны, нас всех переполняла!

Но самая главная радость нашей семьи произошла чуть позже. В июне 1945 года с фронта вернулся отец. Он воевал под Варшавой, писал письма, вернулся домой раненый, но самое главное – живой!

Парень соседский ехал на лошади и увидел, как отец идет по дороге, он нам об этом и сообщил.

Мы выскочили встречать его, повисли на нем, рыдаем. А он израненный весь – вся левая сторона тела. На всю жизнь ему эта память физическая о войне осталась.

После войны жить стало легче – папа работал бригадиром в колхозе. В колхозе трудодни получали, в доме появилась мука, стали печь лепешки. А потом все лучше и лучше жизнь потекла. А затем в 1948 году наша семья завербовалась на Сахалин. Началась совсем другая, мирная история нашей семьи.

Освобожденный Севастополь, 1944 г. Фото Евгения Халдея

Евгения Васильевна ЕВГРАФОВА

Родилась 6 декабря 1924 года в поселке Прогресс Новокубанского района Краснодарского края. Во время войны трудилась в совхозе, пережила оккупацию, после освобождения Кавказа работала в школе пионервожатой. В мирное время окончила педагогический институт, в 1954 году вместе с мужем приехала на Сахалин. Почти полвека проработала учительницей в поселке Тымовском. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и орденом Трудового Красного Знамени. Живет в Тымовском.

Страшная новость

...Когда началась война, я окончила 9-й класс. 21 июня мы сдали последний экзамен, а

Евгения Евграфова, 1941

22-го с подружками пошли гулять. Там у нас есть место красивое, бывшее помещичье имение с парком, мы хорошо отдохнули, искупались в пруду. Возвращаемся в поселок, смеемся, радостные, ведь впереди лето, у нас столько планов, а нам говорят: «Вы что, ничего не знаете? Война!» «Какая война? – отвечаем. – У нас же пакт о ненападении с Германией подписан!» И тут по громкоговорителю услышали сообщение о войне, узнали, что ночью уже бомбили города. Людей много собралось, слезы у всех, такое горе...

Призыв

...Призыв начался моментально, буквально с первых же дней. Наших мальчишек из класса, кто 1923-1924 года рождения, тоже призвали. Проводов никаких не было, ночью повестка – утром военкомат. Приезжала машина, ребят забирали – и все. Летом мы работали в совхозном саду, на полях помогали убирать урожай. 31 августа пришли в школу узнать расписание уроков, и тут прибегает вестовой и вручает нашему директору Кузьме Степановичу Рудь повестку на фронт. Жена его так плакала, а он простился с нами и ушел. Как оказалось, навсегда, погиб в боях на Керченском полуострове...

Родилась 6 декабря 1924 г.

Военное дело

...1 сентября мы начали учиться и одновременно работать. Убирали урожай на пришкольном участке, в совхозном саду. Военное дело нам преподавали, военруком был офицер, он с фронта приехал без руки. Мы, как настоящие солдаты, в штыковую атаку ходили. Ружья у нас деревянные были, зато штыки настоящие. Учились стрелять из винтовки образца 1892 года, разбирали ее, изучали. Натренировались – и решили на фронт идти. Собрались и пошли в военкомат за 15 километров. Одни девчонки, мальчишек наших всех призвали к тому времени. В военкомате народу полно, военком уставший, но нас принял,

пригласил в кабинет. Мы ему рассказали, что военному делу обучены, стрелять умеем, ходить в штыковую атаку, все команды знаем, отправляйте нас на фронт. И тут он нам говорит: «Построились в две шеренги! Смирно! Слушай мою команду: напрааа-во! И шагом марш в школу!» Мы так строим и шагали через весь поселок. Вернулись разочарованные, возмущались, почему нас не взяли. А на другой день директор школы дала нам жару...

Труба

...Немцы двигались на Кавказ очень быстро. Это было время страшное, слезы бесконечные, каждый день по радио сообщали о сданных городах. Мы уже знали и про Бабий Яр, и о подвиге Зои Космодемьянской. Нас всех записали в ополчение и после занятий отправляли на трубу. Это нефтепровод, по которому нефть перекачивали из Грозного в Донбасс. Зима, холодно, а мы пешком за 8 километров идем на трубу, долбим шурфы под взрывчатку. Нефтепровод планировали уничтожить, чтобы немцам не достался. На трубе мы работали с декабря по февраль. Немцев от Ростова отгоняют – мы шурфы закапываем, они переходят в наступление – мы раскапываем. Холодно, степь, ветры со Ставрополя пронзительные, укрыться негде, и там я обморозила и руки, и ноги...

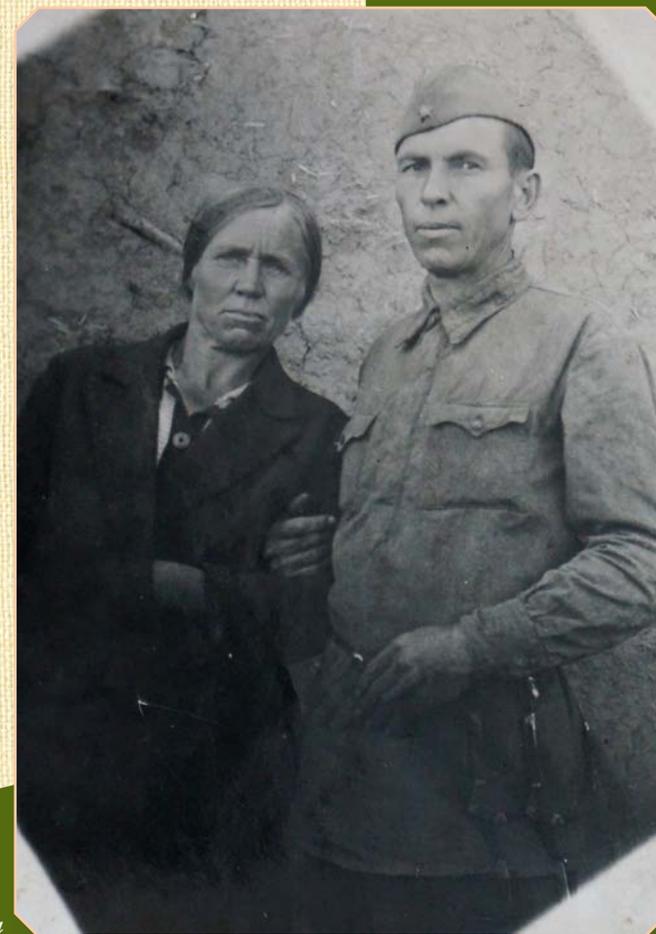
Оккупация

...В 1942-м я окончила 10-й класс, а вскоре нам объявили, что немцы заняли весь Кавказ. 6 августа 1942 года они пришли в наш поселок, и до конца января 1943 мы находились на оккупированной территории. Немцев у нас в поселке было мало: комендант и его обслуга, человек 10. Себя они держали хозяевами, мы для них были рабы. Они сразу установили свои порядки, объявили комендантский час, который наступал с 6 вече-

ра. Образовали полицейское управление, куда пошли работать самые отъявленные отщепенцы. Нас, молодежь, тут же отправили на работы. Вначале на ток лопатить зерно. Мы лопатили и слезами эту пшеницу поливали. К немцам испытывали одно чувство – ненависть. Фриц – самое ругательное и обидное слово было тогда. Однако выразить свою ненависть было страшно, а подчиняться оккупантам – унижительно. Утром приезжает за тобой полицейский на лошади, сопровождает до самого тока, там вручают лопату – и за работу. А немцы ходят с автоматами, и только и слышишь – «шнель, шнель, арбайтен, арбайтен...» Для нас это было настолько противно, но сделать мы ничего не могли! Морально очень тяжело было это все выносить. Ну а после отправили нас восстанавливать железную дорогу. Возили туда на немецких машинах. Не явишься на работу – отправят в полицию. Мы очень боялись, потому что знали о зверствах, которые творили полицаи, в соседнем совхозе они семь человек расстреляли. Железную дорогу взорвали наши, когда отступали. Все пути были забиты сгоревшими вагонами, их сожгли, чтобы немцам не достались. Там столько добра было – сахар, мука, масло растительное, сухари... До оккупации нам разрешили запастись продуктами, мама моя ходила туда, сахар принесла, масло... И вот мы, девчонки, ремонтировали взорванные пути. Работа была очень тяжелая: с помощью деревянных щипцов перетаскивали рельсы, а один рельс 30 пудов весит. И так каждый день. Тяжело еще было и потому, что никаких известий мы не получали, ни радио, ни газет не было, жили в полной изоляции...

Песенный протест

...Мы верили в Победу. Но было унижительно жить под немцами, ненависть кипела, но мы научились ее выплескивать. Когда нас везли на работу и обратно – пели советские песни. Нас много было, и вот едем по степи и поем! Вот уж где волю чувствам давали! «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой», – во весь голос. А слова «В бой за Родину, в бой за Сталина» кричали изо всех сил! Это была такая радость и облегчение! Ну а когда подъезжали к поселку, рты, конечно, закрывали. А потом узнали,

Родители

Муж Евгений

Евгения Евграфова,
1943 г.

что и среди немцев были те, кто против войны. Однажды в обеденный перерыв один из команды ремонтников к нам подходит, а мы его спрашиваем: «Ты национал-социалист? Фашист?» Он отвечает: «Найн, я не фашист, я из Австрии, май хаус Вена». Достает медальон, показывает нам фото жены и сына, объясняет: «Гитлер плехо, мы арбайтен, а он карман себе набивает...»

Божья помощь

...У нас папино ружье было, он охотник, купил еще до войны. Уходя на фронт, попросил его как-нибудь сохранить. И мы с мамой отнесли ружье в соседнюю Ковалевку, к папиной сестре, и она его закопала у себя. А один полицейский знал про это ружье, он до войны с папой на охоту ходил, и вот присылает он нам записку с приказом это ружье сдать. За невыполнение расстрел. Ну и отправили меня в Ковалевку. Тетя ружье разобрала, положила в сумку, под пальто на меня ее надела и отправила домой. А по дороге меня нагнала машина, немецкий офицер в ней сидит. Открывает дверцу и приглашает: «Садись, битте». Я как представила, что сажусь, и из-за шивороты у меня ствол ружья высовывается, такой страх меня охватил... «Нет, – отвечаю, – мне по другой дороге надо идти». Он кивнул и поехал дальше, и это мое счастье было. Наверное, Бог меня хранил...

Смертный список

...Комендант и полицаи составляли списки, куда вошли все комсомольцы поселка, члены партии, семьи тех, кто воюет на фронте, всего около 190 человек. Об

Боевые товарищи мужа

этом мы узнали от переводчицы, она была немка, замужем за офицером Советской армии. Он воевал, а ее комендант взял к себе переводчиком. И вот как-то пошла я по воду, возвращаюсь домой, а навстречу две плачущие девчонки. Что такое? А они мне показывают: «Смотри». И я вижу, что в центре поселка, в сквере виселица стоит, и три петли качаются. Это немцы приготовились казнить тех, кто в списке, ждали только карательный отряд. Но наша армия очень быстро продвигалась, и оккупанты свое страшное дело сделать не успели...

Мясной промысел

...Немцы собирались в спешке, но напоследок успели у жителей конфисковать кур, уток, гусей. И вот как-то в одну из последних ночей оккупации мы собрались у нас дома: мама как наседка, я с братом, мамины сестры с детьми, и все вокруг печки. Во время бомбежки печка всегда в разбитых домах целой оставалась, потому мы и садились рядом с ней. А моя храбрая тетя пошла посмотреть, что там немцы делают. И увидела, что они в нашем магазине конфискованным птицам головы рубят, а тушки в машину загружают. Свиной привезли, тоже режут, битком набили мясом и машину, и прицеп. А тут наши мальчишки взялись промышлять: немцы свинью в машину закидывают, а они с другой стороны ее тихонько вытаскивают, за дом волокут, рубят и людям мясо раздают...

История про борщ

...Мама за меня очень боялась, я девушка видная была, красивая, и в последние дни оккупации она меня прятала в сарае, запирала на замок, говорила: «Потерпи, немцы отступают, злые, всякое может быть, лучше подстраховаться». И вот как-то сижу я в сарае, уже ни читать, ни лежать не могу. Выглянула в заднее оконце

и вижу – по полю идут цепью солдаты с винтовками наперевес. Приглядываюсь – наши! Я это оконце выдернула, вылезла наружу, смотрю – по улице мама идет, а за ней отряд красноармейцев, 25 человек! Привела она их домой, чтобы согрелись, отдохнули, выпались. У нас две небольшие комнаты, постелить нечего, а ребята сказали, что ничего страшного. Укладывались прямо поперек кроватей, на полу – кто как. Единственное, о чем попросили, – приготовить горячего, они уже несколько дней не ели. И мама взялась борщ варить в самой большой кастрюле, 10-литровой. Через два часа давай мы солдат будить, накрыли стол, разливаем борщ, а он душистый такой, навари-стый. Ребята довольные, едят и мечтают – вот бы хлебушка. И тут брат вспомнил, что мы с железной дороги принесли мешок сухарей и от немцев спрятали на чердак. Нашли лестницу, полезли, достали, и для солдат это была такая радость! И вот они съели этот борщ, кастрюлю опустошили мигом, легли досыпать, а мама ставит вторую. В итоге трижды варила борщ, потому что солдаты еще приходили. Уже некуда было их укладывать, они спали сидя у порога, главное – в тепле. Мы всю ночь были на ногах, но всех, кто к нам пришел, согрели и накормили. Стирку устроили, солдатское белье над печкой высушили, и я давай его гладить. А в швах что-то трещит, оказывается – вши. Даже стирка их не убила, и я утюгом их уничтожала. Потом шапки проутюжила, гимнастерки...

Мирная жизнь

...Через несколько дней после освобождения вернулся наш райком комсомола, всех, кто был в оккупации, пропустили через комиссию, чистка серьезная была. Имелись среди нас те, кто ходил к немцам на банкеты, сотрудничал с ними. Кого-то из них из комсомола исключили, кого-то арестовали. А меня сразу после комиссии назна-

чили пионервожатой в школу. Там у нас госпиталь разместился, я с пионерами раненых навещала, письма им писали, концерты для них проводили, просто разговаривали с ними. Они своих детей давно не видели и очень радовались, когда мы приходили. Работала я там до весны, а потом меня вызвали в райком и дали направление на курсы учителей. Я их окончила и еще год работала в своей школе учителем, преподавала историю и географию. В 1945 году поехала в Ставрополь, поступила в мединститут, училась с удовольствием, но, когда дело дошло до анатомки, поняла, что не смогу себя преодолеть. Боялась ужасно. Поэтому ушла из мединститута и поступила в пединститут в Ленинграде. Там принимала участие в восстановительных работах и расчистке города. Отучилась, вышла замуж, муж, Евгений, воевал, прошел всю войну. В 1954 году мы переехали на Сахалин, в поселке Тымовское я преподавала в школе географию. Так с тех пор здесь и живу...

Евгения Евграфова
с мамой, 1940-е

Евгения Евграфова
с отцом

Любовь Михайловна КУЗЬМИЧЕВА

Родилась в 1925 году в Казахстане. Во время войны работала медсестрой. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». После войны Любовь Михайловна продолжила работать медсестрой. Вместе с мужем приехала на Сахалин, в поселок Тымовское. За свой труд в мирное время Любовь Кузьмичева награждена медалью «Ветеран труда».

Фотохроника ВОВ

Война. Начало

...Война меня застала в городе Алатырь Чувашской Республики. После окончания медицинского техникума я работала в местной поликлинике. Еще когда училась на медсестру, в 1941 году к нам в город начали привозили раненых, у нас в Алатыре два госпиталя было, а я там проходила практику и ухаживала за ранеными, перевязки делала, ассистировала хирургу. Приходилось и ампутированные конечности от него принимать во время операций. Страшно не было, но мутило сильно, неприятно это было очень...

На борьбу с тифом

...В начале декабря 1942 года наш горздрав отправил нас, 10 человек девушек-медсестер, из Алатыря в Москву, а оттуда в Смоленскую область, в Ильинский район, и уже там распределили по больницам. В районе бушевал сыпной тиф. Немцы когда отступили, обнаружилось, что в местных селах очень много сыпнотифозных больных. И вот пятерых девушек, в том числе и меня, отправили в село Троицкое. Там мы организовывали больницу. Не было кроватей, тумбочек, оборудования, белья – ничего не было, пустое помещение. Мы все убрали, вымыли, постелили солому на пол и начали принимать больных.

Родилась в 1925 году

Сельсовет выделил нам лошадь с телегой, ну и, конечно, возчика. И вот мы по селам вокруг этого Троицкого ездили, по домам собирали сыпнотифозных больных. В этой больнице я проработала почти год. Было очень трудно, мы же совсем девчонки были, от 17 до 19 лет. Хорошо, что нам помогали девчата из села.

Реальная война

...Жили мы в домике на краю Троицкого, как раз в этот период начались бои за Смоленск, и через наше село по ночам шли войска. Но на передовой я никогда не была, в военных действиях участия не принимала, стрелять мне не приходилось и канонады мы не слышали. Единственный раз, когда нас на Смоленщину везли, в Старой Торопе попали мы под бомбежку. Поезд подъезжал к станции, и тут началось. А мы же такого

не видели никогда! Так мы спрятались под лавку в вагоне. На наших глазах ранило людей, одного в ногу, но он все равно бежал, меня это потрясло и до сих пор поражаюсь: нога разорвана, кровь льет, а он бежит... Это единственный пережитый мною эпизод реальной войны...

Молодость

...Сколько лет уже прошло, и вот что удивительно – страшное и плохое забывается, а вот светлое и хорошее помню. Мы ж молодые все были, и на танцы ходили, хоть деревня и небольшая совсем. Мужчин почти не было. Помогать нам в больнице некому было. На все село один старичок старый-старый, его председателем сельсовета поставили, он и работал. Поэтому собирались одни девчонки на посиделки, и танцевали, и веселились. Романов заводить не с кем было, но с фронтовиками переписывались, конечно, со многими. Только вот фамилии их сейчас уже позабывала...

Военный деликатес

...Как мы праздники отмечали? Да никак. На Смоленщине даже хлеба не было, вместо него нам на паек выдавали рожь, зерно. Мы его жарили и ели. Там даже негде было его перемолоть. Как-то один раз солдаты шли через Троицкое и остановились в нашем доме переночевать. Один из них нас угостил пряниками. Так для нас, для девчонок, это был настоящий деликатес, такая радость! Солдат этот был медицинском работником, фельдшер. Через нашу деревню много солдат проходило, часто у нас останавливались. Мы на печке спали, они на полу. Хорошие ребята были, веселые, добрые...

Горе

...Горе большое было, когда там, в Троицком, умерла моя сестра. Мы с ней вдвоем туда

приехали, она старше меня на два года, тоже медсестра. Я сыпным тифом переболела – и ничего, только на сердце осложнение получила, а она от сыпняка умерла. Меня после болезни отпустили домой, и в 1943 году я отправилась в обратный путь, в Чувашию...

Домой

...15 километров шла от Троицкого по лесам до железной дороги, а там меня посадили к танкистам. Тогда в поездах в основном войска перевозили, гражданских мало было, так я с танкистами и ехала. Помню, как поезд остановился в Орле, у меня пересадка там была. Город весь разбит, страшно и больно все это было видеть. О чем мы тогда мечтали? О чем думали? О том, чтобы скорее война кончилась. Чтобы полегче жилось, чтобы поесть можно было досыта, спокойно работать и без оглядки веселиться...

Любовь

...К маю 1945 года я уже беременная была, замуж вышла в конце войны. С будущим мужем познакомилась в Алатыре, когда домой вернулась. Он был ранен, приехал с фронта, звали его Владимир, 1916 года рождения, старше меня на 9 лет. До войны работал пекарем, на фронте служил в пехоте, получил тяжелое ранение в ногу, повредил голеностопный сустав, хромал сильно, вот его и комиссовали. Я, когда вернулась в Алатырь, опять пошла работать медсестрой в поликлинику. Помню, пришла как-то на танцы, и он там сидит, не танцует. Очень симпатичный, понравился он мне сильно. Познакомились, влюбилась я в него и вышла замуж, даже маму не спросила.

Победа

...В памяти многое стерлось, не все помнится, но день Победы я очень хорошо помню. В

ночь на 9 мая мы с мужем проснулись от стрельбы за окном, слышим на улице шум, крики, выходим, а там уже полно народу. И нам кричат: «Победа!» Все целуются, обнимаются, радуются, что война кончилась. А жили мы в длинном, на шесть квартир одноэтажном доме, когда-то это были хоромы княгини Веры Тенишевой, и у нас был большой двор. И прямо туда, на улицу вытащили столы, люди несли все, что у кого есть, и тогда я первый раз в жизни выпила вина. Потом много всего было, и хорошего, и плохого. С первым мужем я развелась, а со вторым уехала на Сахалин. Он тоже фронтовик, поэтому День Победы для нас – самый главный праздник...

Фотохроника ВОВ

Лидия Ивановна БЕЗРУКОВА

Родилась 6 апреля 1929 года в приамурском селе Кумара. Во время войны работала в сельском хозяйстве, училась в ремесленном училище, трудилась на оборонном предприятии. После окончила пединститут, работала учителем в Холмске. Ветеран трудового фронта. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», кавалер ордена Трудового Красного Знамени, отличник народного просвещения, почетный гражданин города Холмска. В 2009 году издала книгу «Твои люди, Холмск!», в которой разместила 320 статей о жителях портового города.

Первый день войны

...Первый день войны застал меня в таежном поселке Бихан Хабаровского края. Жили там лесорубы, лесообработчики и я со своей семьей.

Фотохроника ВОВ

О том, что началась война, мы не сразу узнали, потому что поселок находился в глуши. А когда услышали эту страшную новость, сразу начались слезы, причитания... Мужчин быстро с лесозаготовок отозвали, и они маршем по тайге ушли на фронт. И остались в Бихане одни женщины и дети. Мне было в то время 12 лет...

Семья

...Жили мы в деревянном бараке. Семья у нас была огромная и очень дружная. На фронт ушли два моих брата, мужа моих сестер, все они вернулись домой живые и здоровые, и мама была очень рада. Она поднимала шестерых детей и была настоящая русская женщина. Очень любила потихонечку петь песню «Сронила колечко». И мы все тоже любили петь, и у каждого была своя песня...

Работа

...В 1941 году я окончила 6-й класс. Учителя у нас были хорошие, училась я на отлично, получила похвальную грамоту и сразу отправилась на работу, конечно же. Занялись мы расчисткой полей, освобождали их от кустарника. Дали мне топорик, начинаю бить им по тальнику, ветки у

Родилась 6 апреля 1929 г.

него гибкие, скользкие, силенок-то не хватает, топорик от ветвей отскакивает и бьет меня по рукам и ногам. Наши женщины увидели это, переполошились, пошли к бригадиру и сказали: «Убери ты эту девчонку, пусть идет работать в овощехранилище». И вот так я попала в овощехранилище, потом трудилась на посевной, помогала убирать урожай, одним словом, занималась сельским хозяйством. Но тот первый день моей работы я часто вспоминаю, потому что он был для меня страшный, меня душили слезы огорчения, я не понимала, что же мне делать-то дальше? Впрочем, и другим было не легче. Но что характерно, такая тяжелая была работа, но на полях мы всегда пели. И на окучке картошки, и на прополке. Помню, ляжем отдохнуть на меже

– и поем. Я с огромной теплотой вспоминаю наших женщин в Бихане...

Оборонка

...А потом, уже в 1944 году, я уехала в Комсомольск-на-Амуре, поступила там в ремесленное училище и попала на интереснейшее предприятие «Амурсталь». Это металлургический завод всесоюзного масштаба, где выпускалась тонкая и толстая листовая сталь, там мы учились и на этом же заводе работали. Я трудилась в электроцехе и, когда окончила училище в 1946 году, там и осталась. Честно скажу, на фронт мы не рвались. Не было у нас такого желания. Наверное, потому что у нас в ремесленном училище дисциплина была армейская: подъем, физзарядка, построение, строим в столовую, на учебу, на работу, на отдых. Я была запевалой, пела обычно маршевые песни, чтобы удобно было шагать, например: «Идут солдаты ротами, за дальний перевал, за синими высотами рассвет багряный встал...» Учеба для нас была своеобразным фронтом, а трудились мы на оборонном предприятии и прекрасно знали, что работаем на Победу...

Победа

...Мы работали в поле, готовили землю к посадке, очищали ее от камней, сучьев и корней. И вот возимся мы вокруг большого пня, пытаемся его убрать, буквально вырубая его из земли. И в этот момент видим – бежит наш дежурный по училищу, Олег Чупров его звали, машет руками, кричит, а мы ничего не можем понять. А у нас был мастер, старенький такой, обращались мы к нему так – товарищ преподаватель. У нас в училище так было принято, мы всех называли по должности – товарищ мастер, товарищ политвоспитатель, товарищ директор. Дисциплина была очень строгая. И вот этот Чупров бежит, а Иван Григорьевич, царство ему небесное, говорит: «Чего

это он тут бегает, с ума сошел, что ли?» А Олег к нам подбегает и кричит: «Война кончилась!» И мы тут же все побросали, и мотыги, и лопаты, и топоры и рванули в город. Иван Григорьевич попытался нас остановить, дескать, девчонки, инструменты же собрать надо! А потом махнул рукой – и за нами заковылял. Прибежали мы на площадь перед райкомом комсомола. Людей там множество собралось, вокруг все радуются, плачут от счастья – не передать! И день был особенный – чистый, светлый, солнечный, и таким же солнечным было у всех настроение. И так поучилось, что именно 9 мая 1945 года меня приняли в комсомол, так что День Победы я запомнила на всю жизнь...

Жизнь после войны

...А потом, когда я уже работала на заводе, по комсомольской путевке меня отправили в Хабаровск в педучилище. Там я прозанималась всего полгода, а затем такое же училище открылось в моем родном Комсомольске-на-Амуре, и я вернулась в этот изумительный город, который вырос на моих глазах. Окончив его, я была направлена в Хабаровский пединститут и, получив специальность «Учитель русского языка и литературы», в 1955 году вместе с мужем приехала работать на Сахалин, в город Холмск, где и живу до сих пор...

Автор И.Серебряный, 1944 г.

Послевоенная Москва, 1947 год

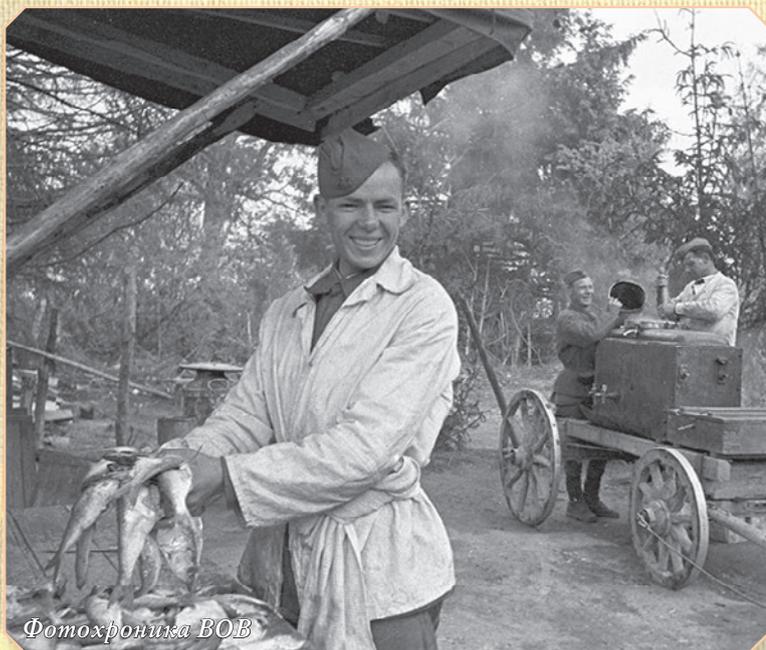

Николай Григорьевич МАТЯСКИН

Родился в 1928 году в Мордовии, в городе Ардатове. На Сахалин с семьей приехал в 1940 году. Во время войны работал, учился в ремесленном училище на судоводителя, с 1944 года трудился матросом на маломерных судах на севере Сахалина. После войны учился, служил на флоте. Капитан дальнего плавания. Ветеран трудового фронта.

Путь на Сахалин

...Мне было 13 лет, когда началась война. За год до этого, в 1940 году, мы приехали на Сахалин. Почему решили переехать? Бежали от нищеты. До этого жили в деревне в Мордовии. В 1936 году умерла мама, осталось четверо детей. Меня и старшую сестру отец забрал и уехал с нами в Сибирь, пытался там устроиться. Там мы пробыли два года, жили очень бедно,

Фотохроника ВОВ

спали на соломе. Когда вернулись в деревню, увидели, что дом наш развалился, и тогда отец решил завербоваться на Сахалин. Отправились мы на остров налегке, ничего у нас не было, никаких вещей – ни простыней, ни наволочек, ни одежды. Вещмешок с самым необходимым, и все. Ехали мы в так называемом телятнике, в этом вагоне перевозили телят, и нас вместе с ними. До Владивостока добирались 2,5 месяца. Это было ужасно. Приехали во Владивосток, и на Черной речке еще около трех месяцев ждали пароход. Наконец дождались, назывался он, как сейчас помню, «Хабаровск». Места у нас были палубные, я спал под шлюпкой. И вот наконец пришли в Александровск, встали на рейде, нас выгрузили и отправили в поселок Владимировка. Первое время квартиры не было, мы жили в клубе, а через год вернулись в Александровск...

Война

...Вернулись в Александровск, а тут и грянула война. На тот момент образование у меня было всего 5 классов, школу я бросил, не до того было. И пошел я работать, потому что иждивенцам давали всего 300 граммов хлеба, а тем, кто работал, – 700. И так я работал,

Родился в 1928 г.

пока меня не определили в ремесленное училище. Его организовали в 1941 году, перед самой войной. Там готовили будущих судоводителей, мотористов, судовых плотников, радистов, кузнецов. Пошел я туда учиться в 1943-м, и был я на тот момент уже учеником токаря. Взяли меня в группу судоводителей. Так начался мой путь в капитаны...

Училище

...Учился я там два года, и половину учебного времени мы занимались исключительно военной подготовкой. Первый выпуск нашего училища практически весь был отправлен на фронт под Москву. И так сложилось, что фактически из нас готовили солдат. Мы очень тща-

тельно изучали вооружение – противотанковое ружье, станковый и ручной пулеметы, гранаты и прочее. Много нас там училось, человек 400. Самодеятельность у нас была, лекции интересные нам читали. Помню, у нас преподаватель один был, профессор, он с запада эвакуировался, приехал на Сахалин и устроился к нам в училище работать, а сам жил в гостинице. А я по физике отставал, и у нас с ним так сложилось: я бегал ему за хлебом на рынок, а он меня учил, по физике натаскивал...

Школа жизни

...Хулиганили, конечно. Ведь что такое ремесленное училище? Ребят, у которых были живые родители, туда не брали, только сирот. Поэтому среди нас и беспризорники были, и прочая шпана, поэтому чего только у нас не происходило. Все было, школу жизни серьезную мы там прошли. Помню, однажды ночью прикатили откуда-то в общежитие бочку пива. Украли, само собой. Пиво выпили, бочку сожгли. Утром милиция приходит, а найти ничего не может. Или свинью, тоже украденную, за ночь съели. Был там народ бедовый, конечно. Но учились при этом. Я, отучившись два года, получил документы и сразу пошел работать капитаном. Хоть и на маленькое судно, но тем не менее. Правда, пришлось практически сразу идти доучиваться, и так четыре раза...

Мечта о фронте

...Думаю, если бы война не кончилась в 1945-м, мы бы тоже отправились на фронт. Мы очень хотели в армию, буквально рвались на передовую, тем более нас готовили к этому очень серьезно. Помню, как мы стреляли из ПТР, это противотанковое ружье, у него очень сильная отдача. Одеты мы были в телогрейки и штаны цвета хаки, на ногах ботинки американские, из

искусственного материала, мы их рузвельтами называли, мерзли в них очень. У этих рузвельтов подметки все в заклепках. И вот берешь ПТР, ноги покрепче в землю упираешь, стреляешь – и тебя откидывает назад, отдачей просто отбрасывает! Потому что тощие все были, доходные, кормежка плохая. Но никто не боялся, все были готовы хоть сейчас на передовую, и никто не сомневался, что мы победим. Когда немцев в 1943-м начали гнать от Москвы, мы радовались, что там наши ребята воюют, и уже несколько не сомневались, что победа будет за нами...

Рыбновск

...Весь 1943 годя проучился, а летом 1944-го меня матросом отправили работать в Рыбновск. Помню, началась путина, и мы обслуживали невода. Принимали у рыбаков кету, сдавали ее на берег. У нас небольшое было суденышко, называлось «Сима», и вот на этой «Симе» я и матросил. Капитан меня за сына своего считал. У него свой дом в Рыбновске с банькой был, и вот он идет в баню и меня с собой берет. Но работа, конечно, очень тяжелая была. Трудились сутками без выходных. В Рыбновске было производство, делали консервы и отправляли их на фронт, как и все предприятия на Сахалине: все, что производили, отправляли красноармейцам. Нам мало что доставалось. Но никто на это внимания не обращал, даже не думал об этом. Главное – все для фронта, все для Победы...

Победа

... Мы как раз оканчивали училище, помню, вышли на улицу, разговаривали, и тут объявляют – Победа! Такое ликование было, такая всеобщая радость, что сложно словами передать! Мы все столько горя пережили, и тут узнаем, что все – кончилась война...

Капитан

...Чем запомнилась мне война? Это голод, тяжелая работа без выходных. И упорство, огромное желание выжить. Оно мне всегда помогало. Окончил мореходное училище, от маленьких пароходов постепенно перешел к командованию огромными судами – плавбазами и плавзаводами, работал в Холмском порту. Стал тем, кем мечтал в военном детстве, – капитаном. По сути дела, вот и вся моя биография...

**ТОВАРИЩ!
ПОМНИ, ЧТО ХОРОШО
И ТЕПЛО ОДЕТЫЙ
БОЕЦ БУДЕТ ЕЩЕ
СИЛЬНЕЕ РАЗИТЬ ВРАГА.**

Советский плакат, 1942 г.

ПОБЕДИТЕЛИ

Дора Семеновна ХОХЛОВА

Родилась в городе Ишим Тюменской области в 1927 году. Всю войну трудилась в колхозе в Ишимском районе. После войны вместе с родителями переехала на Сахалин, жила в Тельновске, затем в Долинске. Ветеран трудового фронта. За работу в мирное время получила звание «Ветеран труда».

Из города в деревню

...До войны мы семьей жили в городе Ишиме Тюменской области. Когда она началась, я училась в 5-м классе. В 1942 году в Ишим привезли раненых, и в нашей школе разместился госпиталь. Как раз в это же время папе пришла повестка в военкомат, он у меня с 1905 года был. В нашей семье на тот момент уже было 6 детей, и папа нас всех увез в деревню, что в 40 километрах от Ишима. Приехали, а школа там только до 4-го

класса. Поэтому я зиму в избе просидела, а с весны начались в колхозе работы. И вот так в 14 лет я занялась сельскохозяйственным трудом. И до самого конца войны я там и работала...

Крестьянский труд

...Летом, пока помладше были, вручную пололи зерновые, а как повзрослели немного, – на тяжелый труд перешли: сено косили, и даже научились вручную сеять зерно. Поля большие, машин не хватало, и мы лукошко на шею вешали и

разбрасывали зерно, как в старину. Короче говоря, все делали. И зимой работали, выходных и отпусков у нас не было. На быках возили дрова из лесу, чтобы ферму отапливать, за скотиной ходили. Летом комбайны жали и убирали хлеб, а что не успевали – скирдовали, а мы зимою снопы обмолачивали. Обувь крепкой и теплой у нас не было, мы тряпками ноги обматывали и шли молотить. А снегу в ноябре в Сибири уже по пояс. Домой приходим – тряпки промокшие, ноги застывшие. Вот так и жили. Очень трудно было...

Родилась 26 ноября 1927 г.

Сильные духом

...Мы знали, за что и для чего так тяжело работали. Верите, нет – шли с работы, а работали ведь дотемна, обязательно с песнями. И не потому пели, что радостно нам было, а чтобы голод не чувствовать, притупить его. Домой приходишь, умоешься – и за спицы, вяжешь рукавицы, носки, ведь посылки еще посылали на фронт. Не кому-то лично, а на часть, чтобы там уже раздали, кому надо. Мы очень старались помогать и работали лучше взрослых. Я девочкой вырабатывала 1680 трудодней! И обидно было, когда начинался подсчет, сколько зерна выдать за работу. Учинялся подлинный допрос: весной ела в посевную? Да. А когда сенокос был,

Фотохроника ВОВ

питалась? Да. А на уборочной перекусывала? Да. Распишись. Вычтем за питание, остается 5 кило зерна. Получи. Вот что мы получали за эти палочки, за трудодни. Если бы не картошка да не капуста, не выжили бы. Траву ели всякую, летом разливались луга, они у нас в Сибири богатые, и мы собирали лук полевой, колбу – дикий чеснок, кислицу и все это ели. Вот так и выживали. А урожай в те годы у нас большие были. Но все уходило на фронт. И мы старались помогать изо всех сил, а когда наши начали немцев гнать, тогда уже мы по-настоящему воспряли духом...

Мечты

...В деревне нам было не до веселья и не до праздников, только работа. Мужиков ведь не было почти, все на войну поуходили, вся деревня на женщинах да на детишках держалась. Единственное, что было, так это мечта, как у всех молодых девчонок, – любовь свою встретить, замуж удачно выйти. Ведь в деревнях парней практически не осталось тогда: самый взрослый паренек у нас был 12 лет, в 14 он уже работал вовсю. Какая уж тут любовь! А я в 18 лет полностью прошла подготовку военную. Если бы война не закончилась, я бы ушла на фронт, мне даже повестку уже принесли. Ребята годом старше меня почти все погибли, никого не осталось, поэтому еще одна наша мечта была – выжить, во что бы то ни стало...

Горькая Победа

...И вот пришел 1945 год, на дворе май, мы в поле работаем. А тогда же такой связи не было, как сейчас, телефон и то не везде был, и вот пока до нашей деревни дозвонились, пока сообщили, что война кончилась... А весна пришла в тот год ранняя, обычно в Сибири много снега, а тут он быстро растаял, мы рано на поля вышли, и тут к нам прибегают и сообщают – Победа! Если бы вы

слышали и видели, что было в тот день... Без слез до сих пор вспоминать не могу. У нас в деревне семьи были большие, по 12 детей. И ведь как было: у бабы 8 сыновей, и на всех пришли похоронки. И на мужа тоже. Представляете, какой был рев в день Победы? Дети, что остались, мать обнимают, за отцом плачут, она сыновей оплакивает, мужа, а те, у кого мужья-сыновья живыми остались – от счастья слезами заливаются. И ведь не просто плачут – причитают, как в деревне принято: «Только было и надеюшки на рожоного, желанного сыночка родимого...» Слушать это было жутко. А вечером организовали гармошку, у председателя стол накрыли, вроде как гулянка, а какое тут веселье, когда все ревут? Этот момент я помню до мелочей: закрываю глаза и вижу все это, как в кино...

Путь на Сахалин

...Родители мои городские, паспорта у них были на руках, но все равно возникли трудности. Папа после большой войны с японцами воевал, ранило его в Маньчжурии, и вот пришел он с фронта, приехал за нами, а нас с колхоза не отпускают. А тут аккурат вербовка на Сахалин, и отец, чтобы нас вытащить, завербовался. Уехали мы сюда, поселились в Тельновске. Там я и замуж вышла, а в 1954 году родила тройню, мальчиков. И там отработала до пенсии, трудилась на продовольственных складах. Ветерана труда я получила, когда уже пенсионеркой была. А потом съездила в Ишим, и там мне дали звание «Ветеран трудового фронта»...

Казанцев А.А., Елькович Л.Я.

Варвара Платоновна ВОРОНЦОВА

Родилась 17 декабря 1928 года в семье Фроловых в селе Новопокровка Боготольского района Красноярского края. Во время войны трудилась в колхозе, выращивала и убирала хлеб. Ветеран трудового фронта. Награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». На Сахалин приехала в 1949 году, работала медсестрой в г. Долинске. Неоднократно получала благодарности за добросовестный труд.

Варвара Воронцова, 1960-е

Война

...Жила я тогда в Новопокровке Тузлуковского сельсовета. Мы же ничего не знали, и вот объявляют нам, что началась война. Мы, конечно, все в шоке были, вот. Дня через два понесли повестки, забрали всех мужчин. Которые подростки были, по 17-18 лет, и их забрали, остались только маленькие с матерями да девчонки, как я. Женщины плачут, голосют, страх такой в деревне был, шум...

Труд

...Ну и что? Стали работать, чтобы все для фронта, все для победы. Молоко – на фронт, яйца – туда же, теленочка какого удалось вырастить – мясо для фронта и хлеб для фронта. А нам паек дадут, и на ейтом пайке мы жили и работали. Бывало, во время работали падали в обморочное состояние. Никаких врачей у нас не было, кто смог – выжил, а кто не смог – падали и умирали. Вот так мы все и работы в колхозе. Идем на работу – надеть нечего, ни на ноги, ни на себя, все оборванные. Перчаток, как сейчас дают, не было, ночью вертаешься домой – и зубами из пальцев выбираешь кодычки, иголок не было. Конечно, в деревне все это замызганное было, ой, как вспомнишь, прямо сердце сжимает и не можешь говорить...

Родилась 17 декабря 1928 г.

Круговорот работы

...Мне в 1941 году было 13 лет, работы много я вместе со всеми делала. Мы хлеб выращивали для фронта, пололи, сено убрали, гребли его, снопы вязали, зерно в меши засыпали, и на элеватор это все увозили. А когда подросли и стало нам по 15-16 лет, мы уже косили, выполняли взрослую работу вместе с матерями. Было очень трудно. Днем вяжем снопы, солнце выблеснет, жарко, солома колючая. А вечером бригадир не отпускает, едем в ночь снопы скирдовать. А мама моя знала, что нам, ее дочерям, надо будет скирдовать, так она снопочки маленькие вязала, чтобы полегче. А другие женщины хотят быстрее закончить, им бы площадку освободить, и снопы большие делали. И такой сноп как попадет – так

Автор М.И. Самсонов. «Сестрица». 1954 г.

кишки выходят снаружи, такая тяжесть. Вот сейчас, сколько лет прошло, и руки, и ноги, все болит... А потом вот приедут за нами, теми, кто постарше, сядят в машину, забирают и увозят, где работы потяжелее. На элеваторе сортируешь пшеницу, рожь – все это делали. Да если бы еще было что покушать... Мама наварит из лебеды супу, и вот на этом супе и живем, а нас у мамы было семеро. Очень и очень было трудно, потому сейчас и болею. Все болит...

Вера в Победу

...Да, трудно было, но мы хотели победить Гитлера! Мы все для этого отдавали, себя не жалели. Зимой вязали носки, перчатки солдатам, сами мерзли, а им отправляли. Со всем мирись, только чтобы победить...

Победа

...Мы были как раз на полях. Женщины меня послали: «Варя, сходи за водой». А там у нас недалеко от деревни поля были, я и пошла по воду, с бидончиком. Пришла я в деревню, а там все кричат: «Победа, победа, война кончилась!» Ой, я как глазенки свои вылупила, не верится мне! Подбегаю к мужчине: «Это правда?!» А он смеется: «Правда, правда!» Я бидон этот бросила и бегом на поля! Прибегаю, кричу: «Женщи-

ны, война кончилась!» Они: «Ты что, во сне увидела?!» «Нет, – кричу, – почтальонка в деревню приехала, привезла все новости, сказала, что война кончилась!» И тут приезжают бригадир, председатель, всем командовали – собирайтесь, и домой. Пришли, председатель всем топоры дал, велел строить столы, скамейки. Мы построили, накрыли, привезли с пасеки бочку медовухи, все, что у кого было, какой хлебушек, какая капуста, какой огурчик – все закуски принесли и три дня гуляли! Но, конечно, кто танцевал-пел, а кто голосил, волосы на себе рвал... У нас в деревне почти у всех мужья погибли, дети погибли, двое пришли без ног, это ужас... Война – страшное дело, дай Бог, чтобы больше никогда такое не повторилось...

Сахалин

...В 1949 году я замуж вышла за нашего деревенского парня Николая Воронцова, он с войны вернулся, тут мы и поженились. А потом узнали, что на Сахалин пути открыты, это Берия сделал, слышали про такого? Завербовались и поехали. Отправили нас в Долинск, я устроилась работать в детское инфекционное отделение младшей медсестрой, ухаживала за детшками до самой пенсии, так и жили...

Художник Шмаинов Дементий, 1942 г.

Татьяна Николаевна ИЛЬИНА

Родилась в 1936 году на Украине в семье кадрового офицера. Деревню, в которой жила вместе с родными, заняли немцы. Находилась под оккупацией до 1944 года. На Сахалин приехала с мужем в конце 50-х, работала в Корсакове в погранотряде.

Самолеты – это страшно

...В 1941 году мне было 6 лет. Я помню время, когда началась война. Выходим на улицу из хаты, а дедушка нас загоняет в тень, кричит: «Идите за дом!» – боится, чтобы из немецких самолетов нас не увидели, они же низко лета-

Татьяна Ильина

ли, когда бомбили. Спрячемся, посидим там маленько и опять на улицу бегать. У дедушки с бабушкой огород от дома вниз уходил, а там в низине болотце было и вербы росли. И вот раз, когда самолеты налетели, бабушка нас схватила и туда толкает, в низину, кричит: «Ложитесь в воду!» Там хоть и неглубоко, но холодно, и вот мы в этих вербах спрятались, в воде залегли, а самолеты прямо над нами летят! Слава Богу, мимо пролетели. Потом слышим – ба-бах! За селом на лугу стадо коров и лошади паслись, и вот туда немцы бомбы и сбросили. Это было очень страшно...

Немцы пришли

...Наша деревня, когда ее немцы заняли, сильно не пострадала. Они у нас сделали штаб. Вот так дедушкин с бабушкой дом стоял, а рядом – сельская контора. И вот там они и поместились со своим штабом. Поляна рядом хорошая была, они на ней все свое хозяйство расположили, кухню поставили, ну а мы – дети же – без конца к ним туда бегали. А они нас сахаром угощали, такой, знаете, кусковой сахар. Немец выглянет, посмотрит, что нас много – и давай его на мелкие кусочки разбивать, чтобы всем хватило. А потом почему-то к нам немцев поселили, в нашу избу. В доме у дедушки на эту сторону – одна комната, на противоположную – другая. И вот они в той комнате жили, летом

Родилась в 1936 году

двери открыты, бывало, выйдешь, глянешь, а там винтовки их, автоматы стоят. Жутко. Мы выйдем на улицу, а потом домой боимся заходить. Ждали взрослых, чтобы с ними зайти. Но нас, детей, немцы не обижали. А вот маму мою они угнали окопы рыть, благо, было на кого нас оставить. Копали они много, жили в землянках. Так что несладкая жизнь у нас у всех была...

Потайной погреб

...А раз получилось, дедушка услышал где-то, что будут немцы проходить через наше село, и он с бабушкой очень за нас испугались. В селе у нас школа была, рядом с ней жила дедушкина сестра. И в этой школе во дворе был погреб, там многие прятались. И вот отвел нас

Папа Татьяны Николаевны

дедушка к своей сестре, и она нас в тот погреб несколько раз отводила, мы там даже ночевали. А немцы-то увидели, что нас в хате нету, и давай спрашивать, почему детей увели? Дескать, не бойтесь, плохого мы им не сделаем. А сами как выйдут – бабушка уже боялась им на глаза показываться, – так сразу требуют у нее млеко, яйца... Как у кого курицу увидят – давай руби, им неси...

Про портрет и просо

...У нас дома был большой портрет отца, большой, вот как окно. И такой красивый портрет, цветной, его в армии нарисовали, там отец

в фуражке, в форме. Сосед как-то зашел и говорит: «Не дай Бог зайдут, увидят – и вас всех уложат. Уберите». И что дедушка придумал: под украинской печкой есть небольшое пространство, углубление. И вот он туда этот портрет спрятал, заложил кирпичами, замазал и забелил. А еще дедушка сам сделал ступу большую, в которой мы кукурузу, просо, пшено обрабатывали: толкли, пока зерно не обшелушится, и получалась у нас крупа. Мы из нее кашу варили...

Как от немцев прятались

...Когда немцы отступали, нас, детей, от них прятали. Мамина мама, моя вторая бабушка, жила на окраине села, и вот там мы прятались в землянке. Помню, светильник горит самодельный: плошка с маслом растительным, в ней фитилек, а вокруг мы сидим, съезжившись, и ждем, когда утро наступит. Гадаем: проехали немцы или не проехали, можно выйти или еще нельзя. И вот так нас, детей, везде и всюду таскали, прятали, чтобы только в живых остались, вот такие ужасные были у нас детские годы...

Наши пришли!

...Радость была, когда услышали мы, что немцев скоро погонят. Они должны были через наше село идти. Дедушка за домом поставил несколько бочек, залил в них воды, чтобы было чем тушить пожар, если немцы дом подожгут. И все ходил, наблюдал. От

нас недалеко церква была. И когда немцы через деревню ехали, они церковь облили чем-то и факелом ее подожгли. И сразу уехали. Нам повезло, наша деревня не так пострадала, как другие. Там жгли по-страшному. А потом, не помню через сколько дней, в село пришли наши. Столько было радости, что забыть это невозможно! Мы бежим, рвем, что попадет, – цветы не цветы – и все им кидаем! А они нам машут, кричат, все радуются, смеются, плачут... Все это очень хорошо в памяти сохранилось...

После оккупации

...Когда немцы ушли, люди начали потихоньку хаты восстанавливать. Глину с опилками месили, замазывали, заляпывали, застилали крыши, только чтобы в дом не текло. Перестали бояться выходить на улицу, начали потихоньку оживать, хозяйством обзаводиться. А дедушка

Татьяна (слева) с отцом

Татьяна Ильина
(нижний ряд, 4-я слева)
после войны

наш был на все руки мастер. Куда-нибудь пойдет обязательно то ботинок найдет, то сапог. Сядет, колодочку специальную достанет и нам башмаки делает, чтобы было в чем в школу ходить. Подбивал их деревянными гвоздиками, чуть в лужицу встал – все, протекла обувь. Зато ноги не босы. После немцев много чего осталось – и одежда, и посуда. Люди подбирали, пользовались. А мы, девчонки, из шелка парашютного и кукам, и себе одежды шили. После войны нормальная жизнь долго восстанавливалась, особенно на селе. Очень тяжело все это было...

Про отца

...У моих дедушки с бабушкой было три сына. Мой отец был самым старшим, его сразу призвали. Средний брат служил на подлодке в Крыму, жениться не успел. Третий, младший, тоже ушел на войну. Как-то соседка, у нее тоже сын был на фронте, заходит к нам и у бабушки спрашивает: «Кого ты б хотела первым с фронта встретить?» Бабушка отвечает: «Конечно, отца детям». И вот мы его ждали-ждали – и не дождалась. С войны вернулся только младший. А мой отец и его средний брат погибли. Из нашего класса только у двоих отцы домой вернулись...

Фотохроника ВОВ,
автор Кошкин В.

ОККУПАЦИЯ УКРАИНЫ

По плану «Ост» немцы намеревались выселить из Украины миллионы людей, заселив ее немецкими колонистами. Часть украинских земель предполагалось передать союзникам.

Украина покрылась концлагерями, тюрьмами, гетто. Практически в каждом украинском городе был свой Бабий Яр: за годы оковке в Бабьем Яру в Киеве погибло более 220 тыс., в Дробицком Яру в Харькове – 60 тысяч человек, в Яновском концлагере во Львове – более 160 тыс. человек. Преимущественно это были украинские граждане еврейской национальности. А всего в Украине в период оккупации было убито 3,9 млн мирного населения и 1,3 млн военнопленных. Около 3 миллионов немцы угнали в Германию на принудительные работы. Четверть жителей оказалась к концу войны без крова.

30 июня 1941 года после отступления советских войск из Львова Степан Бандера провозгласил восстановление Украинского государства. Председателем правительства был назначен Ярослав Стецько. Позднее, после оккупации вермахтом Киева, конкурирующая с ним организация украинских националистов (мельниковцы) Андрея Мельника сообщила о создании другого государства – Украинского национального совета. Однако власти Третьего рейха не признали ни одно из новопровозглашенных правительств. Их организаторы были арестованы и отправлены в концлагеря.

Всего в Украине в период оккупации было убито 3,9 млн мирного населения и 1,3 млн военнопленных. Около 3 миллионов немцы угнали в Германию на принудительные работы. Четверть жителей оказалась к концу войны без крова.

К осени 1943-го Красная армия освободила Левобережную Украину, к октябрю 1944-го – остальную территорию республики. Война принесла Украине

колоссальные разрушения и миллионные жертвы. Население сократилось с 41,6 млн человек на июнь 1941 года до 27,4 млн к началу 1945 года.

Фотохроника ВОВ

Альбина Адольфовна ВЯТРЖИК

Родилась 25 марта 1939 года в Хабаровске. О войне в большей степени знает по рассказам родителей, которые работали связистами. Хорошо помнит, как праздновали первую годовщину Дня Победы в 1946 году. После школы окончила техникум связи, по распределению уехала работать на Сахалин. Мастер связи. Живет в Синегорске.

Родители

...Мама моя – Надежда Демьяновна, в девичестве Жук, папа – Адольф Иванович Вятржик. Поженились они в 1938 году, работали на Хабаровской радиостанции имени Фрунзе, которая обеспечивала радиовещание по всему Дальнему

Альбина Вятржик

Востоку. И вот на этом важном стратегическом объекте они трудились техниками. Правда, был период, когда папа работал бортрадистом, летал на самолетах. Но в том же 1938 году папу посадили по знаменитой 58-й статье, предъявив ему обвинение в шпионаже в пользу Англии, а он ни одного слова по-английски не знал. Думаю, произошло это из-за фамилии. Мама была беременна мною, потом рассказывала, как тяжело и страшно ей тогда было. Но через год папу выпустили, ему повезло. На фронт его не взяли, у него была бронь, папины знания и умения нужны были на радиостанции, в тылу...

Работа

...Работали родители день и ночь без выходных и отпусков всю войну. Жили мы тогда при радиостанции. Мама с папой трудились в противосмене, то есть, когда папа выходил в смену, мама была дома, и наоборот. Работали они на износ, причем недоедали постоянно. Думаю, даже голодали, я, правда, этого не помню, маленькая была, а вот взрослым приходилось нелегко...

Голод

...Мама еле выжила, так голодала. Конечно, прежде всего она старалась накормить меня и моего младшего брата, который родился в 1940 году. У всех работников радиостанции на антен-

Родилась 25 марта 1939 г.

ном поле были маленькие огородики, где сажали морковь, тыкву и обязательно сою. Смородина, малина и прочие лакомые растения стали выращивать уже после войны, а тогда самым вкусным для нас был паслен, его мы ели с огромным удовольствием. А картошку родители сажали на поле за городом, и вот что удивительно: во время войны картошка была неурожайная. Сажали мелкую, как горох, – и собирали такую же. Чистить ее было невозможно, поэтому картошка у нас на столе всегда была в одежке. И после войны не роскошествовали. Папа где-то доставал юкору, которую нанайцы для собак сушили, а мама

варила из нее суп. Ржавая сушеная рыба, запах ужасный! Я не могла ее есть, а взрослые ели, куда ж деваться. Помню, когда стала постарше, бегала в магазин хлеб получать по карточкам и всегда мечтала, чтобы дали довесок, потому что его можно было съесть по дороге домой...

Про мед

...Однажды случилась беда, – мама сильно заболела. Врачи диагностировали у нее болезнь Боткина и положили маму в больницу. Помню, как мамины сестры тихонько говорили между собой: «Надя совсем исхудала, наверное, не выживет...» Но мама выкарабкалась и вернулась домой. С собой она принесла баночку настоящего меда. Сейчас я понимаю, что во время войны это было просто чудо, на базаре тогда он стоил бешеных денег. Оказывается, тем, кто болел Боткина, в больнице каждый день в качестве лекарства давали чайную ложку меда, так вот мама его не ела, а складывала в ту самую баночку, собирала его для нас...

Про сало

...Как-то мама скопила денег и пошла на базар. Там нашла два кусочка сала, один так себе, неказистый, пожелтевший, а другой красивый, беленький. Она купила оба кусочка, а когда пришла домой, выяснилось, что вместо беленького сала ей подсунили кусок технического жира, совершенно несъедобного. Это было так обидно, что мама моя, которая держалась изо всех сил, не выдержала и расплакалась...

Про болезни

...В 1941 году, уже во время войны, я очень сильно заболела. Тогда самым эффективным считался препарат сульфидин, и купить его было очень сложно. Папа бегал по всему городу, на-

шел профессора по детским болезням, привел его домой, и тот сказал – ищите сульфидин. И папа весь город перевернул, но сульфидин достал. Это мне мама рассказывала, конечно. И брат мой младший тоже постоянно болел, все детские болячки, какие только можно было, подхватывал. Но тогда медицина относилась к этому своеобразно: например, у меня была туберкулезная интоксикация, но меня даже не положили в больницу. Мама тоже перенесла туберкулез во время войны, и папа, причем они даже не знали, что болеют, думали – недомогание, голод, и только после войны выяснилось, что они переболели туберкулезом. Все болели, но никто своим здоровьем не интересовался, все работали ради фронта, ради Победы...

Быт

...Жили мы очень скромно. На радиостанции у нас была комната с перегородкой, большая кровать, две маленьких, печка и крохотная кухонька. Радиотарелка у нас дома была, а как же! Родители же связисты. И вот, помню, начинает по радио скрипка играть, и так тоскливо у меня на душе становится... С одеждой было плохо. Пока я была маленькая, у меня не было шитых платьев, только вязаные, мама вязала. А потом и платья школьные она мне шила, мы их долго не покупали. У папы была сестра тетя Регина, муж у нее был военный, и вот

они как-то приехали к нам и привезли мне брезентовые сапожки. Зеленые, страшенькие, зато новые, целые, и пальцы наружу не торчали...

Диверсия

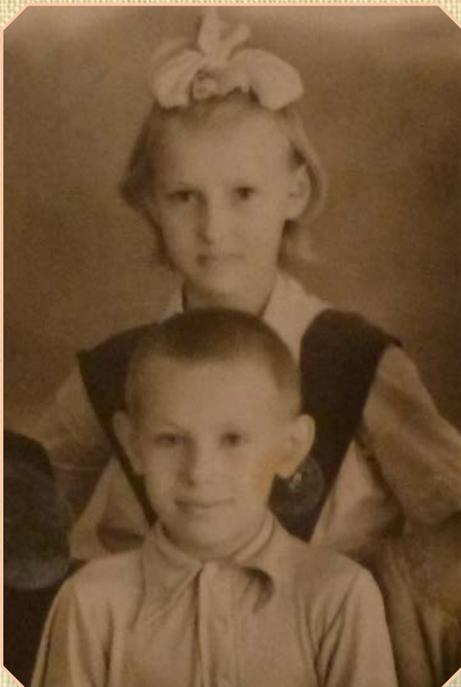
...Думаю, сейчас уже можно признаться в невольной диверсии. Однажды во дворе радиостанции я обнаружила огромные ртутные лампы со стеклянными отростками на боках. Старые они были или новые – не знаю, и для чего предназначались – тоже. Оказалось, что эти отростки очень легко и ловко отламываются, и я так увлеклась, что все их и отломала. После ужасно боялась разоблачения. Но, поскольку никого не искали и не наказывали, судя по всему, это были уже отработанные лампы. Впрочем, хулиганство наше мелкое не случайно, мы же фактически беспризорные были, потому что родители все время работали. Я помню, как мы, маленькие совсем,

*Алла с родителями
и братом, 1946 г.*

С братом,
1950 г.

через весь город ходили в гости к маминой сестре. Мама нас грозно предупреждала, чтобы мы ни в коем случае не купались в фонтане, который находился в парке. Но мы, конечно, плескались там от души, а потом сушились, чтобы мама не догадалась и не отругала...

Победа и новая война

...День Победы сотрудники радиостанции, конечно, праздновали. К нам пришли гости, как-то уместились в нашей небольшой комнате, выпили, закусили и пошли смотреть салют. Но это воспоминание как-то стерлось, зато я очень хорошо помню, как началась японская война. Приходит мама, вся рыдает и говорит: «Война с Японией». А я, воспитанная советским радио, обрадовалась и решила, что теперь и мы пойдем воевать и обязательно будем героями. Нам же рассказывали по радио про ребят – героев Великой Отечественной войны, мне тоже хотелось подвиг совершить, и я искренне не понимала, почему это все плачут и боятся. На ночь мы стали окна закрывать черными шторами, мама не разрешала их открывать, боялась бомбежек. Но вот как закончилась эта война – совсем не помню. Но салюты тогда в Хабаровске были часто...

Городской парк Южно-Сахалинска, 1940-е

представление, которое разыгрывалось в центре города. По дорогам разъезжали танки с крестами, как будто немецкие, а на них лежали чучела в немецкой форме, изображавшие убитых фашистов. И люди это совершенно нормально воспринимали, настолько сильной была тогда ненависть к захватчикам. Конечно, мне сложно было тогда объективно оценивать то, как мы жили, дети всегда воспринимают мир ярче, многого не замечают, но я почему-то часто вспоминаю один момент.

Во время войны как-то папа пришел с работы, взял ту самую картошку-горох в одежде, сидит, ест и смотрит перед собой каким-то отрешенным, застывшим взглядом. И мне стало почему-то очень страшно. Сейчас я понимаю, насколько трудно, порой невозможно жилось маме и папе, и не только им – всему народу, и не дай Бог это когда-нибудь в нашей жизни повторится...

С родителями, 1954 г.

Первая годовщина

...Первую годовщину Победы в 1946 году в Хабаровске праздновали с большим размахом. Помню огромное количество людей на улицах, музыку, песни, а еще – театрализованное

Сентябрь 1945 года на островах

Южный Сахалин с боями был взят советскими войсками за одну неделю в августе 1945-го. Захват Курильских островов продолжался дольше – несмотря на официальную капитуляцию Японии 2 сентября, Малая Курильская гряда держалась японской армией вплоть до 5 сентября. Пока шли переговоры с США, советская армия также была готова высадиться и на острове Хоккайдо.

РУКОВОДИТЕЛЬ СССР, ИЗ ОБРАЩЕНИЯ К НАРОДУ 2 СЕНТЯБРЯ 1945 ГОДА

Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Иосиф Виссарионович Сталин

Сразу же после присоединения территорий возник вопрос, что делать с японским населением. По данным МВД СССР, в 1945 году на Южном Сахалине находилось 340 тысяч человек (до войны – 391 тысяча), из них русских насчитывалось 65 тысяч. В основном, это были военные и приехавшие – коренных русских поселенцев было не более 100 человек. Причем мужчин на острове находилось намного больше, чем женщин – 150 тысяч против 124 тысяч. Такая разница связана с эвакуацией в начале войны почти 40 тысяч женщин и детей на японский остров Хоккайдо. На Курильских островах проживало около 9,5 тысячи японских граждан.

Договор о репатриации был заключен с американским военным главнокомандованием Японии. Военнопленные подлежали репатриации, а гражданские лица сначала формально могли покинуть Советский Союз по желанию. 25 тысяч корейцев не подлежали репатриации – Корея потеряла статус японской колонии, а новые японо-американские власти их у себя не ждали. Из-за этого проблема с выездом возникла и у японцев, которые находились в браке с корейцами.

Выставка японской трофейной боевой техники. Парк культуры и отдыха им. М. Горького. Москва. 1946 г.

Клавдия Кузьминична РАЩЕНКО

Родилась 26 июня 1929 года в селе Нижняя Вязера Инсарского района Мордовской АССР. В 1937 году вместе с родителями переехала на Дальний Восток. Во время войны училась в школе и работала. В 1951 году окончила горный техникум и по распределению приехала работать на Сахалин. Награждена медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и «ветеран труда», Ветеран трудового фронта, почетный работник угольной промышленности РФ, ветеран труда Сахалинской области. Живет в селе Синегорск.

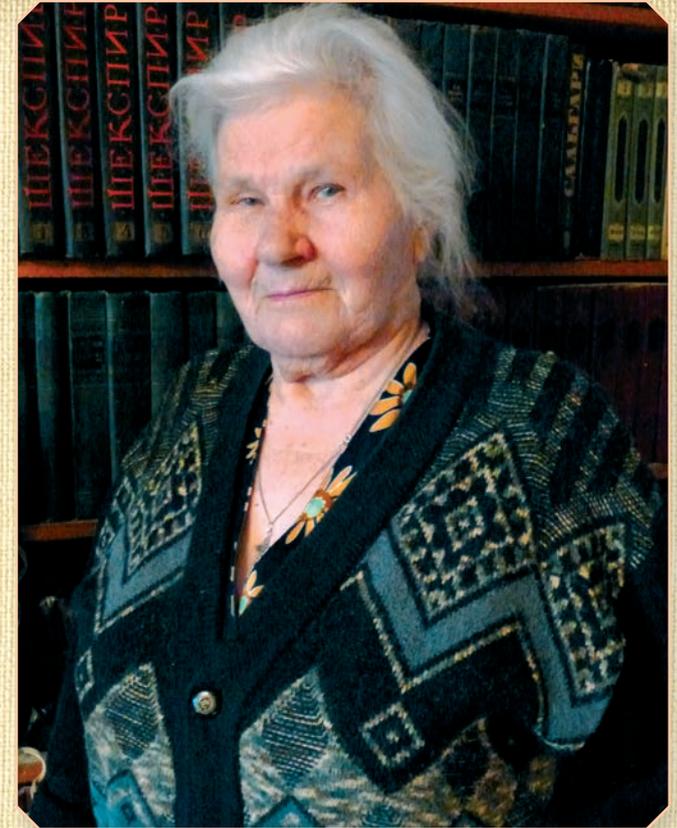
Клавдия Ращенко

Голодное детство

...Голод сопровождал все мое детство. Именно от голода мы в 1937 году двинулись на Дальний Восток из города Инсар, это в нескольких километрах от деревни. Помню, как отец приносил с работы четыре небольшие сачки. Ему, мне и брату доставалось по целой булке, а маме и бабушке одна напополам. И тут к нам приехал дядька мой, брат отца. Он служил на Дальнем Востоке, посмотрел, как мы живем, и стал агитировать переезжать к нему. Рассказывал, как там хорошо, и агитировал. Семью свою забрал и нас прихватил. Поселились мы в городе Партизанске Приморского края, отец пошел работать на шахту. Первое время жили у дядьки, а потом нам дали квартиру. Так постепенно жизнь стала налаживаться...

Веселые проводы

...Мне исполнилось 12 лет через несколько дней после начала войны. Я уже не помню, где и от кого я услышала про войну, но очень хорошо помню, что сразу же на шахте в красном уголке организовали митинг. Мы, дети, конечно

Родилась 26 июня 1929 г.

туда прибежали. А там добровольцы, молодые ребята, записывались на фронт. А еще помню, как у одноклассницы, подружки моей, проводы устроили, когда ее отца провожали на войну. Родственники собрались, гости, гармошка играет, все поют, пляшут, как будто на хорошее дело провожают. Никто не плакал, все веселились. А с войны он не вернулся. Погиб. Мой отец четыре раза пытался уйти на фронт. И каждый раз ему давали отбой. Он же шахтер, а на них была броня до конца войны. Мы четыре раза его собирали, ревели всей семьей, провожали, а он возвращался...

Работа

...Все свое военное детство мы работали. На шахте были поля, посадки, подсобное хозяйство, где держали поросят, коров, и мы работали на огородах, за животными ухаживали. Сажали, копали, пололи, урожай убирали, и никаких скидок на возраст нам не делали. Трудились наравне со взрослыми. А зимой шили. Всех наших женщин, у кого швейные машинки были, организовали в красном уголке. Получилась пошивочная мастерская, и там шили телогрейки для солдат. Мы, естественно, помогали. Ну и учились, конечно. Занятия в школе не прерывались. Правда, педагогический коллектив заметно поредел. Завуч с фронта не вернулся, учительница наша на войне погибла...

И снова голод

...Почему голодали? Дело в том, что мы в Партизанске личными огородами обзавелись не сразу. Когда мы туда приехали, там проживало много китайцев и корейцев. Как раз в 1937 году их начали выселять в Казахстан и на Урал. Мы ехали на Дальний Восток, а они нам навстречу. Но, когда мы начинали жить в Приморье, их еще было много, и вот как раз они-то огородничали вовсю. Утречком стучат в окошечко: «Мадам, тебе картошечка нужна? Помидорчики? Огурчики?» И так каждый день. А когда их не стало, а тут еще и война началась, оказалось, что мы к ней не готовы. Конечно, когда прижало, мы начали разрабатывать свои огороды. Вот тут уже и картошку, и кукурузу, и тыкву – все что можно, то и сажали. И конечно, стало легче. А до этого ели траву. Все сорняки на огороде съедали. Большой чугунок у нас был, туда воды наливали, траву закладывали, а для навару – порцию супа, которую папе на шахте давали. Вот так и питались...

Терпеливый народ

...Мы все сооружали возле своих домов бомбоубежища. Мужчины целые лабиринты выкапывали. И постоянная светомаскировка была, все четыре года черные шторы на окнах. Боялись войны с Японией, учились правильно вести себя, если она все же начнется. И конечно же, были в курсе всех новостей. Постоянно обсуждали то, что читали в газетах и слушали по радио. Публикаций тяжелых и страшных было много, и про Зою Космодемьянскую, и про то, как фашисты над русскими людьми издевались. Следили мы и за ходом войны. Все вместе огорчались поражениям наших войск и радовались их победам. Конечно, испытывали ненависть к врагу и терпеливо ждали, когда закончится война...

Победа

...Мы жили на окраине города, до центра – 4 километра, но когда услышали, что война закончилась – все сразу побежали на центральную площадь. Помню, как целовались и обнимались со всеми, кого знали и кого не знали. В тот момент все были родные...

И снова война

...В этот день, 8 августа 1945 года, мы работали на полях в соседней деревне. Все туда уехали, а я почему-то припоздала и услышала эту ужасную новость. Пошла на поля пешком, по дороге пришлось переходить вброд горную речку, воды по пояс, течение очень сильное, и там я с трудом разминулась со змеей. Она плыла мне навстречу и ее сносило прямо на меня. Но как-то удалось увернуться, она меня только хвостом задела, но я там в этой речке от страха чуть не утонула. И вот я пришла на поля и народу о войне с Японией сообщила. Понятно, что все были в шоке. Но такого страха, как в июне 1941-го, не

было. Наверное, потому, что мы почувствовали мощь нашей армии. Кругом военные аэродромы, самолеты бесконечно гудят над головой, и как-то быстро все кончилось. 3 сентября 45 года такого ажиотажа, как на День Победы, уже не было...

Сахалин

...После школы поступила я в горный техникум прямо рядом с домом, окончила его в 1951 году. На распределении предложили ехать на Сахалин, в Кузбасс, на Донбасс и в Приморье. Я выбрала Сахалин, прибыла на остров, и меня отправили работать в Синегорск. С тех пор здесь и живу...

*Клавдия Ращенко
с родителями, 1930 г.*

Надежда Константиновна ЛУКАШЕВИЧ

Родилась 8 марта 1931 года в Хабаровске. Когда началась война, Надежде было 10 лет. Пережила все тяготы тыловой жизни, принимала участие в сельхозработах. В 1946 году с семьей переехала на Сахалин. Всю жизнь проработала на Долинском целлюлозно-бумажном заводе. Ветеран труда. Живет в Долинске.

Прерванное счастье

...Я очень хорошо помню то время. 1941 год, май, мы заканчиваем 3-й класс и обсуждаем с одноклассниками, как проведем каникулы. Я мечтала о пионерском лагере. Казалось, что все, кто там

Надежда Лукашевич

побывал, – самые счастливые. Прихожу домой, мама улыбается и говорит: «Поедешь в лагерь». А папа, улыбаясь, добавляет: «Если не наберешь за смену 3 кило – больше туда не отправим». И вот приехала я лагерь, а там чисто, вокруг цветы, домики покрашены, постели заправлены, в столовой вкусная еда, все хорошо и красиво. И было ощущение счастья, ведь сбылась моя мечта. На воскресенье назначили торжественную линейку в честь открытия лагеря, пригласили родителей. И вот приходит этот долгожданный день, 22 июня 1941 года, но с самого утра вместо праздника начинается происходить что-то странное: приезжают родители, говорят очень мало, собирают нас и увозят домой. Так мы узнали, что началась война, и это слово повисло над лагерем, как грозовая туча. Так кончилось наше детство...

Свет в окне

...Из лагеря мы уехали, и какая-то тоска на нас навалилась. Мы чувствовали себя обреченными и ничего хорошего от жизни не ждали. Осенью я пошла в 4-й класс. В школе нам давали по стакану чая с кусочком хлеба. С учебниками было плохо: по 2-3 книги на класс, а тетрадей и вовсе не было. Одноклассники иногда не приходили в школу, а позже мы узнавали, что в их семью пришла похоронка. Ребятишки все были худенькие, плохо одетые, от скудного питания

Родилась 8 марта 1931 г.

такие слабые, что иногда даже засыпали на уроках. А наша учительница их будила, она была очень хорошая, как мама. Сочувствовал нам, помогала. С ранних лет она нас приучала к рукоделию, и именно она первая зажгла во мне интерес к этому делу, любовь к нему. Приносила свои нитки, тряпочки, учила нас шить и вышивать. Она не давала нам плакать, отвлекала. Была для нас как свет в окне...

Тыловой быт

...Отец имел бронь на всю войну, потому что

работал в НКВД, а мама сидела с детьми. Я в семье была старшая, за мной шла сестра Алла, а в декабре 1941 года родился долгожданный брат Толик. Жили мы в малюсенькой двухкомнатной квартире, из мебели взрослая и детская кровати, круглый стол и сундук, на котором тоже спали. На кухне у печки стоял сбитый из досок ящик, там хранились овощи, а сверху лежал матрас. На этом ящике спали бабушка и дедушка, родители отца. Теснота и нищета, и все это усугубила война. Странно, но в первые дни войны магазины в городе почти сразу опустели. Запасов продуктов у нас не было. Появились карточки. За хлебом в магазин ходила я, помню, как стояла в очереди и мечтала о довеске. Бывало, что прямо там падала в обморок. К этому люди привыкли, приводили меня в чувство и давали хлеб без очереди. Когда папа получал свою копеечную зарплату, мама ходила на базар и покупала стакан муки. Из нее она делала затируху: кипятила на примусе воду и заваривала в ней муку. Это был мой обед перед школой...

Тихий город

...Хабаровск с первых дней войны накрыло ощущение беды. Люди разговаривали чуть ли не шепотом, не было шумных компаний на улицах, и даже на базаре никто не скандалил. Город был очень тихий. Мы страшно боялись войны на Дальнем Востоке, понимали, что если еще и здесь она начнется – мы все погибнем. Конечно, государство делало все, чтобы этого не допустить, нас хорошо охраняли и все ресурсы шли в армию. Это была наша защита, но все равно было страшно...

Матрас с сюрпризом

...Совсем плохо было с одеждой. Через два года после начала войны мы обнаружили, что нам нечего надеть, одни обноски. И шить не из

чего, тканей в магазинах нет. И тут мама случайно обнаружила, что один из наших матрасов набит верблюжьей шерстью. Радости нашей не было границ! Мы его быстренько распороли, вытащили шерсть, тетя Маруся дала прялку, которой было лет 50, и мы взялись эту шерсть прядь. Мы прядли, а мама ее красила и вязала. И однажды я появилась в своем классе так нарядно одетая, что ребята ахнули! На мне была вязаная крючком кофточка с красивым рисунком, с воротником, и помпоны на ней были, и пуговицы, и впереди, и на рукавах – ну такая красивая кофточка, что не передать! Я чувствовала себя так, как сейчас, наверное, чувствует себя модель на подиуме...

Про тетю Гутю и кисет

...Несмотря на трудности, мы очень дружно жили с соседями. Особенно с тетей Гутей, она была татарочка. Ее муж, дядя Миша, в первые дни войны ушел на фронт. Работала тетя Гутя на пивзаводе, во время войны там перерабатывали сою,

Надя с братом и сестрой, 1946 г.

Родители Надежды

Фотохроника ВОВ

делали из нее молоко, масло, творог и все это опраляли в госпиталях. А нам иногда доставалось самое вкусное – соевый жмых. Это были наши конфеты, и я до сих пор помню этот вкус. А еще тетя Гутя раз в неделю получала на заводе литр соевого молока и всегда с нами делилась. Однажды она собирала посылку для дяди Миши, и

мама мне говорит: «Сшей ему кiset, это будет для него большая радость». Я тут же села, сшила двойной кiset из шелковых обрезков, вышила на нем «Скорей возвращайся, мы тебя ждем!», а тетя Гутя наполнила кiset табачком и отправила на фронт. А когда дядя Миша вернулся домой и я побежала с ним поздороваться, он схватил меня на руки, поднял к потоку и говорит: «Да ты же солнышко мое! Смотри, вот он, кiset, теперь всегда со мной! Спасибо тебе...»

Деревенские хлеба

...В 1943 году меня на лето отправили в Амурскую область к маминой сестре в деревню. Мама боялась, что не выкормит нас троих, так тете и написала в письме: «Боюсь, дети не выживут», а та предложила отправить меня к ней. С

собой я привезла целый чемодан мыла, в деревне его купить было невозможно, белье стирали золой. И вот я приехала, захожу в избу, тетя Маруся стол накрыла, а на нем – настоящий белый хлеб, высокие такие буханки, в крынке молоко настоящее, масло сливочное, картошка вареная, и дух от нее такой идет, что я его до сих пор помню! Я увидела это все – и заплакала... Единственное, что сказала тетя Маруся тогда: «Не надо сразу много есть, завтра еще будет...»

Пьяная ягода

...Пошли мы с тетей Марусей за ягодой. А там в лесу черники, голубики видимо-невидимо, и давай я эту

Фотохроника ВОВ

Автор фото Георгий Петрусов, 1945 г.

ягоду есть! Накинулась на нее, а когда пришли домой, стало мне так плохо, что я сознание потеряла. Оказывается, ягода вся была пьяная, покрытая белым туманом, а он пагубно действует на человека. Стали меня откачивать, отпаивать, а после за ягодой я больше не ходила. Ну а потом, дня через 3–4, вместе со всеми пошла работать в поле. Мы пропалывали свеклу, морковь, кто повзрослее – пшеницей занимались...

Победа

...Мама моя была очень худенькая, больная, ходила как тень. А я самая старшая в семье, поэтому вся тяжелая работа по дому была на мне. И вот 9 мая 1945 года взяла я талоны на воду, ведра, коромысло и пошла на водокачку. Смотрю, а там народ стоит, не расходится, и все о чем-то говорят. Подхожу, спрашиваю, что случилось, а мне говорят: «Победа! Войне конец!» Набра-

ла я воды, бегу домой, кричу: «Мама, победа!» А вокруг плач, радость непередаваемая... Вечером мы детворой собрались на поляне возле наших домов и разожгли небольшой костер. А потом взрослые вернулись с работы и тоже к нам пришли, принесли дрова, хворост, а Юдины притащили две старые новогодние елки, бросили их в костер, и вот тогда взвились кострами синие ночи! Искры во все стороны полетели, и так нам стало светло и весело – не передать. И мы запели и до самой полуночи жгли костер, радовались и пели. Так мы отпраздновали День Победы...

Сахалин

...Как только закончилась война, отца отправили на Сахалин ор-

ганизовывать паспортную службу. А через год к нему приехали мы. Плыли из Находки на огромном железном пароходе, это был настоящий плавучий чемодан! Прибыли в Маоку (Холмск), а оттуда отправились жить в Поронайск. Поселились в хорошеньком японском домике, он так мне понравился: интересная планировка, раздвижные двери, черный лак, шторы, маты на полу чистейшие, в загашниках постельное белье, продолговатые подуш-

ки, матрасы в полметра толщиной, такие же одеяла, и спали мы на полу. Непривычно. В Поронайске я окончила восемь классов, а потом уехала в Южно-Сахалинск и поступила в целлюлозно-бумажный техникум. Тогда на Сахалине было 8 целлюлозно-бумажных заводов и требовались специалисты. В техникуме была группа электриков, куда набрали ребят, вернувшихся с фронта. Молодые, красивые, веселые, мы все в них влюбились. Был среди них и Юрий Александрович Лукашевич. В 1947 году он сделал мне предложение руки и сердца, и мы поженились. На свадьбу Юре преподнесли ящик и велели сразу при всех его открыть. Открываем – а там щенок овчарки, мы ее назвали Герда. С тех пор с нами всегда были собаки. А потом мы с Юрой уехали работать в Долинск: я на ЦБЗ, он на ТЭЦ. И здесь, в Долинске, прошла вся наша жизнь...

Свадебная собака Герда

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Лидия Ивановна КАРЛОВА.....	5
Альберт Иванович ШУБИН.....	10
Нина Викторовна БЕЛЬТЮКОВА.....	14
Декабрина Михайловна ПУШКАРЕВА.....	18
Александр Поликарпович ВИНОКУРОВ.....	22
Историческая справка: Благодарности Верховного Главнокомандующего.....	25
Анна Харлампиевна ТОМИЛИНА.....	26
Александр Ильич КРУГЛИКОВ.....	30
Николай Федорович ГУРЕЕВ.....	32
Историческая справка: Переселенцы.....	35
Клавдия Алексеевна КОНЬШИНА.....	36
Владимир Филиппович ГАЕВСКИЙ.....	38
Мария Петровна ЛУКЪЯНОВА.....	42
Николай Павлович БЕСПАЛЫЙ.....	44
Иван Федорович КУЧИНСКИЙ.....	48
Екатерина Ивановна ТЕРЕНТЬЕВА.....	52
Люциан Павлович ТЕРЕНТЬЕВ.....	53
Владимир Кузьмич МОРОЗОВ.....	54
Историческая справка: Организация разведки.....	57
Мария Никаноровна ПАЩЕНКО.....	58

Евгения Даниловна ГЛАМАЗДИНА	62
Григорий Михайлович РУЗИН	64
Николай Тарасович ДЕМИН	66
Три истории одной семьи	68
Кузьма Федорович БЫЧКОВ	72
Историческая справка: Малая Земля	76
Иван Никитович ТЕЛЬНОВ	78
Макс Владимирович АЛЬПЕРТ	80
Историческая справка: Витя Черевичкин	83
Евгения Васильевна ЕВГРАФОВА	86
Любовь Ивановна КУЗЬМИЧЕВА	90
Лидия Ивановна БЕЗРУКОВА	92
Николай Григорьевич МАТЯСКИН	94
Дора Семеновна ХОХЛОВА	96
Варвара Платоновна ВОРОНЦОВА	98
Татьяна Николаевна ИЛЬИНА	100
Историческая справка: Оккупация Украины	103
Альбина Адольфовна ВЯТРЖИК	104
Историческая справка: Сентябрь 1945 года на островах	107
Клавдия Кузьминична РАЩЕНКО	108
Надежда Константиновна ЛУКАШЕВИЧ	110

*Великой Победе
посвящается*

